

СОДЕРЖАНИЕ

Том 88, номер 5, 2018

Столетие Великой российской революции 1917 года. Научные итоги

Выступление председателя Российского исторического общества <i>С.Е. Нарышкина</i>	387
<i>А.В. Торкунов</i>	
Мировое значение Великой российской революции 1917 года	389
<i>Ю.А. Петров</i>	
Великая российская революция: проблемы исторической памяти	393
<i>М.Б. Пиотровский</i>	
Зимний дворец и Эрмитаж как свидетели Русской революции	396
<i>А.Н. Артизов</i>	
Отечественные архивы и столетняя годовщина Великой российской революции	403
<i>Н.В. Корниенко</i>	
Юбилей Октябрьской революции и русская литература XX века	406
<i>И.В. Тункина</i>	
Академия наук в 1917 году	410

С кафедры президиума РАН

<i>Ал.А. Громыко</i>	
Большая Европа: внутренние и внешние угрозы безопасности	416
Без участия России обойтись не удастся. <i>Обсуждение научного сообщения</i>	426

Организация исследовательской деятельности

<i>А.Е. Гуськов, Д.В. Косяков, И.В. Селиванова</i>	
Методика оценки результативности научных организаций	430

Точка зрения

<i>С.В. Пирожкова</i>	
Социогуманитарное обеспечение технологического развития: каким ему быть?	444

Научная жизнь

<i>Е.Л. Конявская</i>	
Комплексный подход в изучении Древней Руси	455
<i>А.А. Чибилёв, А.Г. Рябуха</i>	
Год экологии в России: академическая сессия географов в национальном парке Бузулукский бор	461

В мире книг

Рецензируется: С.В. Медведев “Мозг против мозга. Новеллы о мозге”	464
---	-----

Официальный отдел

Президиум РАН решил. – Юбилей. – Награды и премии	469
---	-----

В конце номера

<i>А.И. Воробьёв, И.И. Гительзон, П.А. Воробьёв</i>	
О Северном широтном пути	476

CONTENTS

Vol. 88, No. 5, 2018

Simultaneous English language translation of the journal is available from Pleiades Publishing, Ltd.
Distributed worldwide by Springer. *Herald of the Russian Academy of Sciences* ISSN 1019-3316

The Centenary of the Great Russian Revolution of 1917. The Scientific Results

Speech by the Chairman of the Russian Historical Society <i>S.E. Naryshkin</i> <i>A.V. Torkunov</i>	387
World Significance of the Great Russian Revolution of 1917 <i>Yu. A. Petrov</i>	389
The Great Russian Revolution: Problems of the Historical Memory <i>M.B. Piotrovsky</i>	393
Winter Palace and Hermitage Museum as Witnesses of the Russian Revolution <i>A.N. Artizov</i>	396
Russian Archives and Centenary of the Great Russian Revolution <i>N.V. Kornienko</i>	403
Anniversaries of the October Revolution and Russian Literature of the Twentieth Century <i>I.V. Tunkina</i>	406
The Academy of Sciences in 1917	410

On the Rostrum of the RAS Presidium

<i>Al.A. Gromyko</i>	
Greater Europe: Internal and External Security Threats	416
Without Russia it will not Be Possible. <i>Discussion of the Scientific Report</i>	426

Organization of Research

<i>A.E. Guskov, D.V. Kosyakov, I.V. Selivanova</i>	
Technique of Evaluating the Effectiveness of Scientific Organizations	430

Point of View

<i>S.V. Pirozhkova</i>	
Social and Humanitarian Support of Technological Development: What should it Be?	444

Science News

<i>E.L. Konyavskaya</i>	
An Integrated Approach to the Study of Ancient Rus <i>A.A. Chibilyov, A.G. Ryabukha</i>	455
The Year of Ecology in Russia: the Academic Session of Geographers in the National Park Buzuluksky Bor	461

In the Book World

Reviewed: S.V. Medvedev "Brain vs Brain. Stories about the Brain"	464
---	-----

Official Section

Decisions of the RAS Presidium. Anniversaries. Awards and Prizes	469
--	-----

At the End of the Issue

<i>A.I. Vorob'ev, I.I. Gitelson, P.A. Vorob'ev</i>	
About the Northern Latitudinal Route	476

СТОЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА. НАУЧНЫЕ ИТОГИ

28 ноября 2017 г. в Президентском зале президиума РАН состоялось совместное заседание президиума Российской академии наук и Российского исторического общества, на котором подводились научные итоги 100-летия Великой российской революции. Открывая заседание, президент РАН академик А.М. Сергеев отметил, что это эпохальное событие коренным образом изменило судьбу нашей страны и пришло время заново проанализировать причины, ход, последствия революции и на этой основе синтезировать новое видение событий 100-летней давности, тем более что ныне власть не навязывает учёным идеологизированных трактовок истории. На заседании было заслушано восемь кратких докладов, с которыми мы знакомим наших читателей.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА С.Е. НАРЫШКИНА

Российское историческое общество, Москва, Россия

E-mail: online@rushistory.org

Текст поступил в редакцию 08.12.2017 г.

Один век — это минимальный срок, по истечении которого столь масштабное, как революция, событие может обсуждаться беспристрастно, вне политической конъюнктуры, утверждает докладчик. Исследования последних лет привели к выводу, что революцию следует рассматривать как единый многоэтапный процесс — от отречения царя от престола до Гражданской войны. Когда речь идёт о Великой российской революции 1917–1922 гг., определение “Великая” используется для характеристики масштаба её последствий.

Ключевые слова: Великая российская революция 1917–1922 гг., крушение монархии, Институт российской истории РАН.

DOI: 10.7868/S0869587318050018

Я с большим удовольствием приветствую столь авторитетное и уважаемое собрание. Хотел бы поблагодарить президента РАН А.М. Сергеева за предложение провести совместное заседание президиума Российской академии наук и президиума Российского исторического общества с тем, чтобы обсудить научные итоги большого комплекса мероприятий, посвящённых 100-летию Великой российской революции.

НАРЫШКИН Сергей Евгеньевич — доктор экономических наук, Председатель Российского исторического общества, директор Службы внешней разведки Российской Федерации.

По-видимому, один век — это тот минимальный срок, по истечении которого столь масштабное и чувствительное для общества историческое событие, как революция, может обсуждаться беспристрастно и вне контекста текущей политической конъюнктуры. Уже сменилось несколько поколений, отгремели острые идеологические споры, коренным образом изменился весь социально-политический уклад жизни. Изменился и угол зрения. Ведь каждое новое поколение историков адресует прошлому свои вопросы и, даже опираясь на одни и те же исторические источники, порой приходит к новым, более точным выводам.

Напомню, что ещё несколько лет назад под эгидой Российского исторического общества была проведена масштабная работа по подготовке новой линейки школьных учебников по отечественной истории. Это послужило поводом в том числе для актуализации профессионального взгляда на события 1917 г., переосмысления отдельных тезисов и положений. Ведущую роль в этой работе сыграли

научные коллективы Российской академии наук, прежде всего Институт российской истории во главе с доктором исторических наук Ю.А. Петровым и Институт всеобщей истории, научное руководство которым осуществляет сопредседатель Российского исторического общества академик РАН А.О. Чубарьян.

По итогам широкого профессионального и общественного обсуждения мы пришли к выводу, что революцию следует рассматривать как единый многоэтапный процесс, включающий целую серию взаимосвязанных событий. Это и отречение царя от престола, и крушение русской монархии, и события Февраля и Октября 1917 г., и создание Советов рабочих и солдатских депутатов, и роспуск Учредительного собрания, и, конечно, Гражданская война. Поэтому сегодня мы говорим о Великой российской революции 1917–1922 гг., причём определение “Великая” используется в первую очередь для характеристики масштаба её последствий. Эти последствия позволяют строить параллели с Великой французской революцией.

Российское историческое общество восприняло как большое и ответственное государственное задание распоряжение Президента Российской Федерации о создании Организационного комитета по подготовке и проведению мероприятий и реализации разнообразных проектов, посвящённых юбилею революционных событий 1917 г. Эту работу возглавил сопредседатель Российского исторического общества академик РАН А.В. Торкунов. Многие из юбилейных мероприятий получили поддержку недавно созданного фонда “История Отечества”.

Отслеживая на протяжении года общественное мнение, мы зафиксировали рост интереса к человеческому измерению революционной эпохи. Многие научные и образовательные проекты были посвящены вопросам революционного быта, образования, женской эмансипации, развития литературы и искусства в революционную эпоху. По всей стране обсуждались региональные особенности революционного процесса, на который, как известно, влияли не только социальные, но и этнические, территориальные и религиозные факторы.

Серьёзное внимание исследователей привлекла проблематика международного значения Великой российской революции. Пожалуй, во всей истории XX столетия, которое принесло человечеству и небывалые достижения, и страшные разрушения, прослеживается прямое или косвенное влияние её идейного наследия.

На фоне трагедии общественного раскола, нищеты и разрухи новизна и чистота идей социального равенства и справедливого миропорядка по-

дали нашей стране множество преданных друзей по всему миру. Как руководитель современной российской разведки скажу, что в предвоенные и военные годы советская разведка во многом опиралась на огромную сеть соратников в Европе, Северной Америке и Азии, причём это были люди из интеллектуальной среды, воодушевлённые идеями Октября. В качестве примера, хорошо известного всем, напомним о так называемой “кембриджской пятёрке” с Кимом Филби во главе. Это были интеллектуалы-антифашисты, которые помогали нашей стране в борьбе с нацизмом.

Парадоксально, но росту интереса к России в немалой степени способствовала отторгнутая от своей Отчизны российская эмиграция. Вынужденно покинувшие родину представители прежней элиты не только знакомили дальнейшее зарубежье с лучшими образцами великой русской культуры, но и существенно повлияли на повседневную жизнь во многих странах мира.

Признание мощного влияния революции на мировой процесс обусловило глубокий интерес зарубежных историков к внутрироссийским профессиональным дискуссиям. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что Генеральная ассамблея Международного комитета исторических наук в 2017 г. проводилась в Москве и отдельная дискуссионная панель была посвящена событиям столетней давности.

Завершая своё выступление, я хотел бы обратить внимание на символичность нашей сегодняшней встречи. Дело в том, что в 1920 г. Императорское Русское историческое общество, с трудом пережившее революционную бурю, было вынуждено прекратить свою деятельность за неимением средств и передать Академии наук значительную часть своего архива. А пять лет назад, в 2012 г., Российская академия наук одной из первых выступила с инициативой о воссоздании Общества и его развитии в прежних традициях исторического просвещения народа. В год 100-летия Великой российской революции этот шаг олицетворяет собой стремление преодолеть глубокий общественный раскол.

Последствия революции как политического явления преодолены, но по-прежнему нуждаются в методичном и глубоком профессиональном осмыслении и изучении. Понятно, что далеко не на все вопросы, к которым сегодня подошло наше общество, можно дать прямые и точные ответы, поэтому убеждён, что обсуждение этой темы необходимо продолжать. Нет сомнения, что в большой и ответственной работе по осмыслению революционных событий, их значения в истории человечества активное участие по-прежнему будет принимать Российская академия наук.

СТОЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА. НАУЧНЫЕ ИТОГИ

МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

© 2018 г. А.В. Торкунов

Московский государственный институт международных отношений (университет), Москва, Россия

E-mail: kalashnikova.v.v@my.mgimo.ru

Текст поступил в редакцию 08.12.2017 г.

Доклад посвящён научным событиям, организованным к 100-летию революции 1917 г. в России. Отмечается, что к юбилею было приурочено издание 2000 новых книг, которые увидели свет при содействии Российской академии наук. Основная тенденция последних лет — деполитизированное освещение революционных событий. Автор указывает на то, что революции влияют на расстановку сил на международной арене и международно-правовой порядок.

Ключевые слова: революции 1917 года в России, Российская академия наук, деидеологизация исследований, всемирные последствия революции, международно-правовой порядок, принцип мирного существования, многоцивилизационный мировой порядок.

DOI: 10.7868/S086958731805002X

Сама по себе тема, обозначенная в названии моего выступления, настолько глубока и широка, что могла бы стать предметом обсуждения многочасовой конференции. И такие конференции прошли в последнее время практически повсеместно. Я остановлюсь лишь на некоторых аспектах проблемы.

Прежде чем перейти собственно к теме, хотел бы отметить, что в 2017 г. в России и в мире проводятся тысячи мероприятий, цель которых не только объяснять и просвещать, но и настойчиво продолжать реконструкцию судьбоносных событий революционных лет, уточняя их интерпретацию.

Оргкомитет по подготовке и проведению мероприятий, посвящённых 100-летию революции 1917 г. в России, поддержал в качестве основных почти

150 выставок, конференций, художественных, телевизионных и культурно-массовых проектов, однако реальное число событий, связанных со 100-летием, приблизилось к двум тысячам. Причём они охватили все регионы страны без исключения, например, только в Сибирском федеральном округе состоялось 300 различных мероприятий. Важно подчеркнуть, что инициатива организации подавляющего большинства из них исходила снизу — от университетов, коммерческих организаций, деятелей культуры, музеев и архивов, исследовательских центров и региональных отделений Российской академии наук.

Мне довелось участвовать в совещании историков Дальневосточного отделения РАН, посвящённом революционным событиям, которые имели место в этом регионе. Должен сказать, что на совещании были представлены удивительно глубокие исследования. Если говорить об уровне конференций, а я как председатель оргкомитета участвовал во многих из них, то он несопоставим с тем, что было в прошлом. Используются современные подходы, разнообразные недоступные прежде архивные материалы.

К юбилею из печати вышло огромное количество работ. Только на сегодняшней выставке представлено около 2000 интереснейших изданий, увидевших свет при содействии Российской академии наук. Помимо этого, много литературы, посвящённой революции, вышло в других издательствах — московских, питер-

ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич — академик РАН, ректор МГИМО Министерства иностранных дел России.

ских, региональных. Когда наталкиваешься на новые книги, где анализируются те или иные аспекты революционных событий 100-летней давности, не перестаёшь удивляться: откуда появляются всё новые факты, всё новые архивные материалы, благодаря которым обогащается наше представление о революционной эпохе?

Нельзя не сказать о том, какой интерес вызвало это событие во всём мире. Только по информации, поступающей из российских посольств, нам известно о примерно 400 мероприятиях, состоявшихся практически повсеместно — от Бразилии, Мексики и Чили до Австралии, Китая и Японии. Повсюду тема революционного 100-летия вызывает живейший интерес историков, политологов, социологов, общественных активистов и самых обыкновенных людей, придерживающихся разных политико-идеологических взглядов.

На протяжении всего года организационный комитет работал в теснейшем взаимодействии с нашими загранучреждениями, стремясь как в России, так и за рубежом проводить *единую методологическую линию* освещения событий вековой давности. Кредо оргкомитета я сформулировал бы следующим образом: содействовать объединению академического сообщества и общественно активных групп на принципах глубокого *деполитизированного осмысления* революционных событий, единственным ключом которого может быть очищение достоверных исторических знаний от идеологических наслоений.

Понятно, что интерес к происходившему 100 лет назад глубоко закономерен. Широко известно, что Русская революция имела колоссальный международный резонанс. Именно поэтому, а также в силу продолжительности и глубины преобразований её закономерно относят к числу поворотных вех в истории человечества, к так называемым великим революциям. Причём каждая из великих революций стала ярким проявлением национальных особенностей, и Русская революция здесь не исключение, хотя, как известно, в советской историографии подчёркивался её интернациональный, универсальный характер.

Вместе с тем — и об этом говорится незаслуженно мало — все великие революции отличает трансформирующее воздействие на господствующие в тот или иной период принципы *системы международных отношений*.

С одной стороны, широкое признание в историографии получил тезис о том, что на развитие системы международных отношений критическое влияние оказывают так называемые большие войны — войны между ведущими или великими державами. Например, в результате 30-летней войны XVII столетия возник европейский баланс сил. Наполеоновские войны XVIII — начала XIX в. разрушили сложившееся равновесие. На Венском кон-

грессе 1814—1815 гг. дипломаты и монархи, искусно перекроив границы государств, сумели восстановить его. Ещё в большей мере европейский баланс сил нарушился в результате Первой мировой войны. И тогда вновь встал вопрос о необходимости выстраивать систему международных отношений.

С другой стороны, большие войны по времени совпадают с революциями. Революция в Англии XVII в. разразилась на фоне Тридцатилетней войны. В войну за независимость США, называемую также Американской революцией, вмешались Великобритания и другие иностранные государства. Великая французская революция непосредственно привела к серии войн, охвативших в конце XVIII — начале XIX в. всю Европу — от Португалии до России.

Эти совпадения, разумеется, неслучайны. По-видимому, существует взаимосвязь между большими войнами и великими революциями, конкретные механизмы которых зависят от обстоятельств места и времени, но характеризуются известной общностью структуры, пока до конца не описанной и не изученной. На уровне гипотезы допустимо следующее предположение: войны влияли в основном на соотношение сил государств на международной арене, тогда как революции — на их расстановку. Так, Английская революция XVII в. надолго разобщила протестантскую Великобританию и католические государства Европы и папства. Против революционной Франции в конце XVIII в. ополчились едва ли не все монархические и аристократические европейские правительства. Иностранные государства воспользовались революцией и для вмешательства во внутренние дела Советской России.

Ещё в большей мере революции влияли на *международно-правовой порядок*. Английские революционеры-пуритане в борьбе против католической реакции отстаивали правовой принцип государственного суверенитета. Отцы-основатели США также апеллировали к принципу национального суверенитета, в то время как французские революционеры присвоили себе право на вмешательство в дела других стран в целях их освобождения от абсолютизма и феодализма. Уже после Наполеоновских войн этой новацией воспользовались консервативные монархии Европы, чтобы заявить о своём праве вмешиваться в дела других государств — теперь уже под предлогом борьбы с революцией. В то же время европейские революции 1848—1849 гг. впервые громко заявили о праве на самоопределение народа, разделённого государственными границами и не включённого целиком в состав многонациональных империй.

Непосредственное воздействие Русской революции на систему международных отношений, сложившуюся после окончания Первой мировой войны, было двояким, как с точки зрения расстановки сил в первые послереволюционные годы, так и в плане

модификации мирового правопорядка. Некоторое время оставалось неясным, в каком лагере — победителей или побеждённых в Первой мировой войне — окажется Россия. Лишь когда наметилась консолидация советского режима, определилось его место в расстановке сил, советское правительство чётко обозначило своё неприятие мирного урегулирования, достигнутого в Париже в 1919—1920 гг. Это, наряду с идеологическими противоречиями, исключало возможность тесного сотрудничества нашей страны с большинством стран Запада. Не дала прочных результатов и попытка сближения с Веймарской республикой на антиверсальской основе.

Весьма противоречивым оказалось воздействие Русской революции на формирование нового международного правопорядка. Придя к власти, большевики провозгласили демократические принципы внешней политики: без аннексий и контрибуций, отмена тайной дипломатии, право народов на самоопределение. Но одновременно они заявляли, что все эти принципы могут быть реализованы лишь в результате мировой революции, и предложили такое толкование указанных принципов, с которыми не могло согласиться ни одно суверенное государство. СССР был объявлен прообразом Всемирной республики советов, к которой постепенно, в результате народных восстаний и революций должны присоединиться другие страны. Большевики с ещё большим размахом, чем царское и Временное правительства, прибегали к тайной дипломатии, создав для этих целей, по существу, полугосударственное образование — Коммунистический интернационал. Подобные внешнеполитические акции внушали зарубежным государствам недоверие, преодолеть которое не смогло даже публичное отречение Сталина от идеи мировой революции в середине 1930-х годов.

Наладить конструктивное сотрудничество с зарубежными государствами Советскому Союзу удалось лишь на основе *принципа мирного сосуществования*, выдвинутого Лениным в качестве временной альтернативы мировой революции. Именно на его основе СССР добился крупных внешнеполитических успехов, дипломатического признания десятками стран мира, заключения с некоторыми из них договоров о нейтралитете и о ненападении, вступления в Лигу наций и, наконец, подписания первого в советской истории договора о взаимопомощи с капиталистическими государствами — Францией и Чехословакией. Однако Советский Союз всё же не сумел сыграть в международных делах межвоенного периода роли, пропорциональной и адекватной его возможностям как одного из самых больших и сильных государств мира.

Вместе с тем совершенно неоспоримо определяющее влияние Великой российской революции на формирование современной системы международ-

ных отношений, основы которой были заложены после победы во Второй мировой войне.

Во-первых, обернувшись многими трагедиями для наших соотечественников, Русская революция тем не менее придала сотням миллионов людей за её пределами мощный импульс национальной эмансипации, стала катализатором подъёма сознательной политической жизни народов колониальных и полуколониальных стран, которые активно вторглись в мировую политику и уже к середине XX в. сумели создать движение неприсоединения и другие объединения, сформировать собственный глобальный вектор силы и влияния. В XXI столетии активная роль этих стран на мировой арене — залог установления нового, *многоцивилизационного* мирового порядка.

Во-вторых, выдвинутые под влиянием Русской революции принципы социально-политического и социально-экономического переустройства так или иначе затронули, пожалуй, каждый народ, каждое государство Запада и Востока.

В-третьих, способствуя возникновению на Западе так называемого социального государства, революция умирала аппетиты капитализма в мировой политике, стимулировала общую демократизацию в 1960—1980-е годы. Формулирование принципов самоопределения и деколонизации, мирного разрешения международных споров, отказа от войн, последовательные усилия в направлении ограничения и сокращения ядерных арсеналов и запрета оружия массового поражения — всё это во многом заслуга советской дипломатии, основы которой были заложены после революции. Вообще говоря, трактовка революции как *события, имевшего всемирные последствия и составляющего часть общего исторического пути человечества*, представляется разумной основой для деполитизированных оценок событий 1917 г.

Наконец, в-четвёртых, появившийся на карте мира в результате революции Советский Союз, который впоследствии победил во Второй мировой войне, занял место постоянного члена Совета Безопасности ООН, превратившись в глобальную сверхдержаву. Это способствовало установлению в послевоенный период стабильного баланса сил, благодаря которому удалось избежать всеобщих термоядерных катаклизмов, несмотря на кризисы эпохи холодной войны.

Сегодня на фоне обострения международной обстановки многие как на Западе, так и на Востоке вынужденно сожалеют об ушедшей эпохе биполярности, которая была предсказуема и рациональна. Нынешняя стратегическая неустойчивость, чреватая необратимым срывом, во многом обязана своим возникновением тому, что случилось с Советским Союзом, — его распаду. Наблюдаемый откат мировой системы назад, характеризующийся размыванием основ социального государства, возрождением неоимпериализ-

ма, ростом национализма и сепаратизма, падением морали, усилением пропаганды и манипулирования массовым сознанием, есть не что иное, как результат исчезновения альтернативного полюса силы и альтернативной системы ценностей. Когда-то они заставляли правительства и народы следовать интересам собственной безопасности, соблюдать договоры и соглашения, стараться не заступать за “красную линию”, считаться с интересами других. Сейчас отсутствие этих элементов международных отношений порождает ложное чувство избытка безопасности, в то время как в моду вновь входят гладиаторские нравы Древнего мира.

Очевидно, что два глобальных проекта — большевистский и либерально-демократический — не могли не прийти в столкновение друг с другом. Вместе с тем нельзя не отметить, что в основе обоих проектов мироустройства, помимо прочего, лежал один принцип, который был сформулирован в первых декретах Советской власти, а позднее в 14 принципах Вильсона. Речь идёт о *праве народов на самоопределение*.

С лёгкой руки Запада и большевиков в 1918–1919 гг. в ткань международного права оказалось искусственно внедрено размытое политическое понятие, которое, по словам американского исследователя этой темы (Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017), даёт благословение множеству конкурирующих аргументов о правах второго порядка, правах, проистекающих из притязаний относительно родовых земель, давности проживания, несправедливой оккупации и т.д. Это, конечно, не означает, что принцип самоопределения носит ис-

кусственный характер. Ясно, что без очистительного шквала, который черпал свою силу и в документах 100-летней давности, и в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой ООН в 1960 г., мы бы сегодня жили не в многополярном мире, а были бы вынуждены полагаться на переменчивые настроения и идиосинкразию некоторых избранных мэтров мировой политики.

На мой взгляд, наступает пора инвентаризации того, что было достигнуто в революционном XX столетии, чтобы гарантировать поступательное эволюционное развитие в столетии XXI. Без правового обеспечения принципа самоопределения трудно рассчитывать на окончание безудержного процесса суверенизации, образования в мире десятков, а может быть, и сотен новых независимых государств. Нужно разрешить противоречие между принципом территориальной целостности государств, с одной стороны, и правом на самоопределение — с другой. Не разрешив эту коллизию, нельзя рассчитывать на укрепление авторитета ООН, международного права, на разрешение многих конфликтных ситуаций, на успешную борьбу с терроризмом и загрязнением окружающей среды.

В заключение хотел бы подчеркнуть, что было бы ошибкой рассматривать 100-летнюю годовщину Русской революции лишь как юбилейный повод. Её грандиозные масштабы требуют от научного сообщества постоянного и многопланового изучения этого феномена, несмотря на субъективные, конъюнктурные и другие ограничения, тем более что внешних ограничителей для исследований сегодня практически нет.

СТОЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА. НАУЧНЫЕ ИТОГИ

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

© 2018 г. Ю.А. Петров

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

E-mail: director_iriran@mail.ru

Текст поступил в редакцию 08.12.2017 г.

Важным достижением последних лет стало утверждение представления о революции как о сложном, многофакторном процессе, определившем все стороны политической, социальной и культурной жизни России. Особое внимание уделяется Первой мировой войне, ставшей важным фактором развития революционных событий, а также противоречиям, порождённым стремительной модернизацией страны в послереволюционный период.

Ключевые слова: Великая российская революция 1917 г., Первая мировая война, переход от аграрного общества к индустриальному, кризис развития, социальная напряжённость, самоопределение национальных окраин.

DOI: 10.7868/S0869587318050031

Влияние российской революции на мировую историю чрезвычайно велико, и в 2017 г. по всему миру было организовано множество различных научных мероприятий, приуроченных к 100-летию революции, в некоторых из них мне довелось участвовать. Тем не менее хотел бы сосредоточиться на проблеме значения Великой российской революции для внутренней жизни страны. При этом буду опираться на коллективное исследование, итогом которого стало 2-томное издание, подготовленное Институтом российской истории РАН — «Российская революция 1917 года: власть, общество, культура» (М., 2017). Не могу не выразить признательность Российскому фонду фундаментальных исследований за поддержку этого ис-

следования: коллектив авторов, включавший более 30 человек из разных академических институтов Москвы, Санкт-Петербурга и других городов, а также вузов, работал над проектом в течение трёх лет. На стадии выхода в печать большое содействие оказал недавно созданный фонд «История Отечества». В книге рассмотрено влияние революции на экономику, политику, социальную жизнь и культуру России. Попытаюсь тезисно представить основные полученные нами результаты.

Важным достижением российского исторического сообщества в последние годы стало утверждение представления о революции как о сложном, многофакторном процессе, а не об одномоментном событии. Более того, не только российские, но и многие зарубежные учёные приходят к выводу, что события 100-летней давности нужно трактовать как единую Великую российскую революцию. Сегодня мы смотрим на неё как бы через призму Великой французской революции, которая складывалась из нескольких этапов: приход к власти либералов-жирондистов сменился диктатурой радикалов-якобинцев, а затем была установлена военная диктатура Наполеона, фактически прекратившая революцию. Нечто подобное происходило и в России: либералы, пришедшие к власти в феврале, уступили её радикалам-большевикам, а закончилась революция установлением диктатуры Сталина. По всей видимости, все великие ре-

ПЕТРОВ Юрий Александрович — доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН.

волюции проходят в своём развитии примерно одни и те же фазы.

Мне кажется, для нашего исторического сообщества и для общества в целом важно воспринимать Великую российскую революцию как сложный процесс, включавший три основных стадии — Февральскую революцию, Октябрьскую революцию и Гражданскую войну — и завершившийся в 1922 г. созданием нового государства — Советского Союза. Это принципиальный момент, который и позволяет говорить о Великой российской революции как особой целостности, взаимосвязанной череде событий. В обозначенной трактовке мне представляется важным и то, что она даёт надежду на преодоление сохраняющейся в российском общественном сознании и в отечественной историографии дихотомии мифотворчества. С позиций последнего революция рассматривается либо как “локомотив истории”, либо как, напротив, абсолютное зло. Разумеется, оба подхода радикально упрощают историческую действительность. Поскольку понятие Великой российской революции уже включено в Историко-культурный стандарт, используется при написании новых учебников для средней школы, одобренных Российским историческим обществом, я надеюсь, что эта формула и стоящая за ней трактовка широко и прочно войдёт в нашу общественную жизнь.

Следующий момент, который хотел бы подчеркнуть, связан с изменением характера исторического исследования революции. В современной исторической науке революционные события рассматриваются в качестве фактора, определившего все стороны политической, социальной и культурной жизни страны. При этом вместо прежнего противостояния советской и западной историографии мы имеем диалогичное, но единое историографическое пространство, находим точки соприкосновения и консенсусы с нашими зарубежными коллегами, необходимые для реализации серьёзных совместных исследовательских проектов. В связи с этим замечу, что сейчас особое значение в событиях Великой российской революции придаётся Первой мировой войне. К 100-летию последней мировым историческим сообществом были выпущены новые книги, осуществлены публикации архивных документов, проведены крупные научные симпозиумы. Поэтому не будет преувеличением сказать, что сегодня мы знаем о Первой мировой войне гораздо больше, чем прежде, а значит, можем с большей уверенностью судить о её значении для истории нашей страны.

Первая мировая война стала для России громадным испытанием, с которым страна до февраля 1917 г. в целом справлялась. По новым расчётным данным, сокращение внутреннего валового продукта на душу населения составило в России за 1914–1917 гг. 18%, тогда как в Германии — свыше 20%, в Австро-Вен-

грии — более 30%. Таким образом, военные противники испытывали даже больший экономический спад, чем Россия. Уровень жизни населения в Российской империи снизился, но не критически. Следовательно, экономический фактор нельзя считать достаточным для объяснения того, почему именно в России в ходе войны началась революция. Напомню, в других странах — Австро-Венгрии, Турции, Германии — революции произошли уже после заключения мира. Во всяком случае, может считаться преодолённым известный ленинский тезис об обнищании масс как главной предпосылке нарастания революционного кризиса в имперской России. Российская революция не была запрограммирована предшествующим развитием, но успехи этого развития не смогли исключить драматического сценария исторического процесса.

В последнее время в нашей историографии всё активнее развивается подход, согласно которому причины революции надо искать в противоречиях, порождённых стремительным характером модернизации страны, в трудностях перехода от традиционного аграрного общества к современному индустриальному. Историки, придерживающиеся данного подхода, уделяют основное внимание анализу того, насколько правящая элита справлялась с так называемым кризисом развития, насколько понимала необходимость реформ и проводила их в жизнь. Подобный исследовательский ракурс позволяет сделать вывод, что революция в России была вызвана прежде всего неготовностью государства адекватно отвечать на вызовы времени, и это привело к столкновению власти с демократизирующимся обществом. Недовольство проводимой политикой послужило питательной средой для роста протестных выступлений и повышенной социальной напряжённости в годы войны.

Характеризуя обозначенный подход к трактовке предпосылок российской революции, отмечу: трудности, обусловленные модернизацией страны, в силу ряда объективных причин действительно оказались для России непреодолимыми. Рост кризисных явлений не вёл фатально к революции, но формировал атмосферу социальной напряжённости, которая в силу поражения на фронтах, трудностей военного времени, а также из-за противостояния нарождавшегося гражданского общества и авторитарной власти вылилась в Февральскую революцию 1917 г.

Одним из центральных в историографии остаётся вопрос, были ли события февраля 1917 г. стихийным народным выступлением или заранее подготовленным заговором верхов? В исторической литературе по-прежнему доминирует интерпретация начала революции как носящего стихийный характер. Февральская революция стала триумфом бунтующей массы над ослабевшей властью, терявшей авторитет и веру в себя. Вместе с тем в части историографических исследований постсоветского периода рос-

сийскую революцию признают результатом действия внешних злокозненных сил. Существует версия, согласно которой революция якобы не имела серьёзных внутренних оснований и была подготовлена и совершена безответственными либералами, а затем продолжена на иностранные деньги перехватившими у них власть большевиками. Этот конспирологический подход, к сожалению, проник в общественную жизнь, и в 100-летнюю годовщину революции с экранов телевидения нам рассказывают, что на самом деле главным демоном революции был некий Парвус, а Л.Д. Троцкий и В.И. Ленин являлись его марионетками. Считаю, что конспирологические реконструкции истории Великой российской революции обесценивают ту громадную национальную трагедию, которая произошла в стране, сводя её к какому-то фарсу невысокого пошиба.

Конспирологическая версия не находит поддержки у большинства профессиональных историков революции, но, повторю, продолжает активно муссироваться в медиапространстве. Поэтому неудивительно, что в контексте обсуждения событий Октябрьской революции особое внимание российского общества привлекает вопрос о роли в этих событиях Германии, в частности, о финансировании немецкой стороной политической деятельности большевиков. Пораженческая позиция Ленина и его сторонников, разумеется, объективно была на руку Германии и в условиях продолжавшейся войны воспринималась тогдашним российским обществом как откровенно предательская. Однако нужно учитывать, что Ленин как революционер-интернационалист не был ни германским платным агентом, ни агентом влияния. Он использовал помощь военного противника России в собственных политических целях. Революция в России рассматривалась большевиками как фитиль, от которого должен был вспыхнуть пожар мировой революции. Поэтому нельзя говорить, что революция в России осуществлялась по германскому плану и на немецкие деньги. Финансирование имело место, однако эффективность германских затрат в целом была довольно невелика. Германия потратила в десятки раз больше на агитацию в Румынии и Италии, пытаясь сохранить их в составе Тройственного союза, но эти вливания не дали никакого результата. Полагаю, что в случае с Россией ситуация складывалась аналогичным образом: немецкие деньги были, но нельзя им приписывать сколько-нибудь серьёзного значения в развитии революционных событий.

Ещё одно актуальное исследовательское направление связано с влиянием революции на процесс самоопределения бывших национальных окраин и распад Российского государства. С этой проблематикой связан вопрос о том, являлись ли события 1917 г. на Украине, в Закавказье, Прибалтике и т.д. частью общероссийской революции или их следует рассматри-

вать как особые национальные революции. Историки большинства постсоветских стран склонны национализировать региональные революционные события, отрывая их от общеимперского контекста, тогда как российские учёные, напротив, изучают революционные события на всём пространстве бывшей империи как важнейший фактор формирования новой советской государственности.

Возвращаясь к теме историографических и политических мифов, от которых должны освободиться современная историческая наука и общественное сознание, не могу не упомянуть миф о двоевластии летом 1917 г. В научной литературе Советы часто представляются органом власти, существовавшим параллельно с Временным правительством и до поры до времени делившим с ним полномочия. Проблема их взаимоотношений усматривается в дублировании функций, которое и приводило к так называемому двоевластию. Сегодня становится ясно, что данная историографическая конструкция сильно упрощает ситуацию, сложившуюся после февраля 1917 г. Весной—летом Советы в большинстве своём не претендовали на власть, дистанцировались от неё, однако, как это ни парадоксально, на практике ею располагали. Эта сложная конструкция, как мне кажется, требует от историков дальнейшего исследования. Во всяком случае, очевидно, что до корниловского выступления меньшевистские Советы не посягали на власть Временного правительства и только с конца августа 1917 г., после большевизации Советов, эта тема встала в повестку дня. Важно понимать вектор развития страны весной—летом 1917 г. В целом в России отсутствовало зрелое гражданское общество, способное удержать страну, с одной стороны, от установления диктатуры, а с другой — от сползания к радикализму и экстремизму. С конца лета 1917 г. реальной была только одна дилемма: Корнилов или Ленин. Вновь, как в дни Февральской революции, дилемму решили массы. Во многом подобная логика исторического развития была обусловлена традиционными особенностями эволюции России, гипертрофированной ролью государства, слабым гражданским обществом и т.д. Влияние Советов на политическую жизнь свидетельствовало не столько о двоевластии, сколько о разрушении властной вертикали и утрате управляемости страной.

В заключение подчеркну: события 1917 г. со всей очевидностью показали, что ни консерватизм, ни либерализм как идеология и политическая практика так и не смогли укорениться на российской почве. В ментальности большинства народа превалировал традиционный лозунг “Земля и воля”, к которому во время Первой мировой войны был добавлен новый — “Мир без аннексий и контрибуций”. Партии, безоговорочно разделявшие эти требования, получили массовую поддержку и в конечном счёте одержали победу.

СТОЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА. НАУЧНЫЕ ИТОГИ

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ И ЭРМИТАЖ КАК СВИДЕТЕЛИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

© 2018 г. М.Б. Пиотровский

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: haltunen@hermitage.ru

Текст поступил в редакцию 08.12.2017 г.

В выступлении речь идёт о выставке “Зимний дворец и Эрмитаж. 1917. История создавалась здесь”. Это один из самых масштабных проектов, который подготовили в Санкт-Петербурге к 100-летию Октябрьской революции. Экспозиция, развернувшаяся практически во всех парадных залах музея, рассказывала о том, чем жил и как менялся Зимний дворец в 1917 г.

Ключевые слова: Русская революция, Эрмитаж, Российская империя, императорская семья, Временное правительство.

DOI: 10.7868/S0869587318050043

Язык музейной науки и язык музейного рассказа имеют ряд особенностей, которые часто оказываются удобными для сложного повествования о сложных событиях. Они всегда основаны на вещах, их форма публикации — выставки и постоянные экспозиции, они многослойны и сочетают элементы анализа, синтеза и просвещения.

Я имею честь представить пример эрмитажного подхода к образу Русской революции. Рассказ о ней — одновременно музейный и не музейный, в нём главный источник и материал — не просто вещи, а здания и стены двух исторических “организмов” — Зимнего дворца и Эрмитажа, которые стали символом европейского выбора России — Российской империи и русского освоения мировой культуры. Вещи только усиливают память, кото-

рую хранят эти стены. Всем известно мистическое чувство причастности к русской истории, которое всегда возникает в залах сегодняшнего Эрмитажа. В канун 100-летия Русской революции в Фельдмаршальском зале при участии наших партнёров — Государственного архива Российской Федерации (священные документы), Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (“священный” броневик), Военно-медицинского музея, Государственного музея-заповедника “Павловск”, Музея Фаберже, Русского национального музея и петербургской школы № 206 (двойной портрет) — открылась выставка “Зимний дворец и Эрмитаж. 1917. История создавалась здесь”, авторами-кураторами которой стали заведующий отделом истории русской культуры Государственного Эрмитажа В.А. Фёдоров и заместитель заведующего отделом рукописей и документального фонда Е.Ю. Соломаха.

Решение создать такую выставку было само по себе революционным. Хотя назвать это событие “выставкой” не совсем правильно. Как на картине загадочного бельгийского сюрреалиста Рене Магритта “Вероломство образов” (1928–1929) крупным каллиграфическим почерком выведено на французском языке “Это не трубка”, так и в нашем случае можно сказать “Это не выставка”. Мы никогда не делали ничего грандиозного в честь годовщин Октября. В этот раз все помещения Зимнего дворца участвовали в рассказе с постепенным

ПИОТРОВСКИЙ Михаил Борисович — академик РАН, генеральный директор Государственного Эрмитажа.

нарастанием темы. Действие началось с выставки “1917. Романовы и революция. Конец империи” [1], которая открылась в Нидерландах в Выставочном центре “Эрмитаж—Амстердам” и имела грандиозный успех. Одним из виновников этого события — голландское дизайн-бюро “Bureau Caspar Conijn” — мы пригласили оформить экспозицию в Эрмитаже.

Для нашего музея это тоже стало своего рода революцией. Осмыслению Октября 1917 г. были посвящены несколько главных выставок, организованных в Зимнем дворце: “Из сервизных кладовых. Убранство русского императорского стола XVIII — начала XX века” [2] и “Ансельм Кифер — Велимиру Хлебникову”, организованная Государственным Эрмитажем совместно с галереей Тадеуса Ропака (Galerie Thaddaeus Ropac, London/Paris/Salzburg). Последняя выставка специально создана одним из главных художников современности Ансельмом Кифером и концентрированно передаёт общую трагически мрачную атмосферу XX в., навеянную Русской революцией. Она как бы воссоздаёт (без специального намерения) живое настроение того момента истории и календаря, когда “Подводной лодкой пошёл ко дну взорванный Петербург” и “Дул, как всегда, Октябрь ветрами, как дуют при капитализме” [3]. Кроме того, в течение 2017 г. в Эрмитаже проходили точечные выставки о событиях 100-летней давности — об истории Лазарета имени наследника цесаревича Алексея, открытого в Зимнем дворце в 1915 г. и просуществовавшего до 27 октября 1917 г., об отречении от власти Николая II и отказе Великого князя Михаила Александровича эту власть наследовать, о работе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию деятельности бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц, о Художественной комиссии В.А. Верещагина по защите культурных ценностей петербургских дворцов и Эрмитажа, о переезде в Зимний дворец Временного правительства и штурме Зимнего дворца.

25 октября 2017 г. заговорил весь Зимний. Заговорил языком плаката и фотографии, ибо другие искусства не успели отразить время достаточно ярко. В знаменитых галереях “толпились” красные плакаты с типичными для времени лозунгами. В критических статьях и протестных письмах отмечали, что мы слишком много внимания уделяем призыву “Отдайте Ленина Вильгельму”. На самом деле именно сегодня важно акцентировать на нём внимание. История с немецким заговором выдвинула Ленина в первые ряды известных персонажей. А главное — шпиономания и “немецкий навет” определяли основные настроения, которые мы и пытались вызвать к жизни. Немецкими шпионами называли императрицу Александру Фёдоровну, “друга” императорской семьи Г.Е. Распутину,

военного министра В.А. Сухомлинова, полковника Русской армии С.Н. Мясоедова и других. Именно в этом историческом ряду стоит Ленин. Потом и большевики использовали вопль “Петроград хотят сдать немцам” в борьбе с председателем Временного правительства А.Ф. Керенским. Это стало почти национальным стереотипом и остаётся им сегодня.

На парадной Иорданской лестнице, закрывая статую “Правосудие”, — огромный плакат, напоминающий о строках из предсказавшего 11 сентября 2001 г. “Ладомира” Велимира Хлебникова: “Когда сам бог на цепь похож, / Холоп богатых, где твой нож?”. Такой же плакат на лестнице, по которой шёл отряд секретаря Петроградского военно-революционного комитета В.А. Антонова-Овсеенко арестовывать Временное правительство, и такими же революционными лозунгами увешан Тёмный коридор Зимнего дворца. Выставка-дворец, как книга-“перевёртыш”, будто бы имеет два входа.

А подлинные вещи хорошо звучат в нишах, соединяющих события и интерьеры, вступившие в сложный диалог с историей. История эта полифонична, и знаменитый “штурм” — лишь эпизод в ней. Это многозвучие мы и попытались передать, особо подчёркивая некоторые сюжеты и играя на сочетаниях люди—дворец—музей. Один из главных акцентов — напоминание о том, что дворец давно уже не резиденция царской семьи, но хранит память о ней. Сама семья представлена серией вещей, носящих мемориальный характер с подчёркнуто человеческим уклоном. Впервые рядом со знаменитым медвежонком цесаревича показан замечательный механический детский паровоз. С ним перекликается большая инсталляция о Лазарете имени цесаревича Алексея, размещавшемся в том самом Николаевском и других парадных залах. Смысловой центр — уникальная и тоже впервые показанная двусторонняя икона, которой освящали лазарет. Уникальна и экспозиция медицинского оборудования, изготовленная Фаберже. И рядом “осколок империи” — Императорский Эрмитаж, готовый выживать и открываться для публики каждый раз, как только представится возможность [4]. В конце зала на одной диагонали с иконой — обретённый в 2017 г. портрет Ленина из актового зала петербургской школы № 206, созданный в 1924 г. Вячеславом Измайловичем. С обратной стороны картины — замазанный портрет Николая II. Прекрасный пример, как надо сберечь неуютное наследие в чрезвычайных обстоятельствах.

Среди больших фотографий и эффектных предметов вооружения — серия страшных документов — трагических реликвий нашей истории, от которых по телу проходит дрожь и волосы встают дыбом. Телеграммы командующих фронтами, призывающие

императора отречься. Запись из дневника Николая II, сделанная 2 марта 1917 г., в день отречения государя от престола: “Кругом измена и трусость и обман!”. Сам текст отречения. И рядом на фоне фотографии страшной стены из Ипатьевского дома — последние дневники императора и императрицы, шифрованная телеграмма о казни и штык — свидетель и участник резни. Опыт Амстердама показал, что тема царской семьи придаёт правильный эмоциональный оттенок всему рассказу и открывает души посетителей.

Портрет А.А. Блока работы К.А. Сомова (1907) напоминает о деятельности комиссии, которая в первый и последний раз привела Ленина в стены Эрмитажа. В стенах же Зимнего дворца с лета воцарился Александр Фёдорович Керенский. Это было сокрушительным для его репутации решением. Он хотел возвысить себя таким переездом, но Зимний дворец умеет ставить людей на место. Ничтожность великого трибуна с именем, созвучным императрице, вылилась потом в легенду о бегстве в женском платье. Проживание в августе—сентябре 2017 г. в Зимнем дворце одной из создателей и лидеров партии эсеров Е.К. Брешко-Брешковской как параллель проживанию в Зимнем по распоряжению Николая II семьи П.А. Столыпина усиливало комический эффект. Этот дворец высокомерен. Прекрасно об этом написал В.М. Пуришкевич:

“Что твои пустые речи, / Дерзостный пришлец. / Торжеством былых столетий / Защищён дворец. / Славна сила и нетленна / Царственных путей. / Не прогонит гость мгновенный / Вековых гостей”. Более провальный PR трудно себе представить. Ужасным *faux pas* было и размещение во дворце войск как бы для его защиты. Все помнили, что 28 февраля Великий князь Михаил Александрович изгнал из дворца генералов, пытавшихся подготовить его к войне с народом. Память о событии 9 января 1905 г. (“Кровавое воскресенье”) жила в подполье у Романовых. Дворец должен быть нейтральным. Кстати говоря, защитники Временного правительства тоже протыкали штыками портреты, как и толпы погромщиков после штурма. Многие очевидцы писали, что интерьеры дворца были в жутком состоянии. “Дворец, как цезарь раненный, сутулится” (Велимир Хлебников).

Временное правительство — один из самых трагических актёров в этой истории. Собрание умнейших и интеллигентных людей мужественно приняло свою символическую судьбу. Вот назидательный пример способности интеллигентов управлять страной в кризисные эпохи! Их имена и портреты повторяются в Белой столовой — месте ареста, бюрократическая нервность которого хорошо описана министром юстиции П.Н. Маляновым и другими очевидцами (мы издали воспо-

Революционный плакат на Иорданской лестнице

минания о революционном времени от директора Санкт-Петербургского Императорского Эрмитажа в 1909–1918 гг. Д.И. Толстого до В.А. Антонова-Овсеенко) [5]. В Белой столовой стояли часы с носорогом. Они давно уже не ходили, и время на них театрально остановили на момент ареста Временного правительства. Это характерная черта стиля Музея революции, который когда-то размещался в Зимнем дворце, но был вытеснен Эрмитажем в ходе долгого “второго” штурма уже после войны. Наш музей – не Музей революции, поэтому мы реставрировали часы и завели их, как другие часы в Эрмитаже. В общественном же сознании закрепилось представление, что они так и остановились в момент ареста, и я получил немало “писем ненависти”: дескать, как “осмелился”...

Важная часть выставки – раздел о Французской революции, ставший предметом сознательных и бессознательных параллелей для участников событий. А.Ф. Керенский учил следователей Чрезвычайной комиссии Временного правительства: “Нам нужно быть немножечко Маратами” [6]. В нём хотели видеть Бонапарта и друзья, и враги, и он сам. Царя надо было обязательно судить и казнить, как Людовика XVI. В витринах – агитационный фарфор и прекрасное агитационное полотно “Марат в аду”, где представлена квинтэссенция ненависти людей старого режима к революции, которую только в России называют Великой.

Наконец, важным элементом революции должен быть штурм дворца. Он и был организован как сознательный перфоманс. Дворец уже давно стал проходным двором. Арестовать правительство мог всякий. Всякие и бродили по его залам. Но большевики срежиссировали это событие, создав внутреннее и внешние ощущение, что “правильные” наследники Французской революции именно они. Эта театральная традиция была продолжена действиями на уже советской Дворцовой площади с участием первых лиц нашей культуры: Н.Н. Евреинова, Ю.П. Анненкова и Д.З. Тёмкина. Вершиной творения эпоса стал фильм С.М. Эйзенштейна “Октябрь”, созданный к 10-летию революции, – ему посвящена специальная экспозиция-исследование «Сергей Эйзенштейн. “Октябрь” в Зимнем» (куратор – научный сотрудник отдела современного искусства Государственного Эрмитажа К.А. Малич) [7]. Она не о том, что у Эйзенштейна всё неправда. Это известно. Она о том, как он эту неправду сознательно творил, как униженно был потрясён Зимним дворцом и как по-плебейски мстил ему, забираясь с ногами на императорский трон. Он изображал арест Временного правительства, как штурм Тюильри, приведший к падению французской монархии. Жан Ренуар, снимавший фильм о том событии – “Марсельезу”, оглядывался на приёмы Эйзенштейна. Мы же в музее воспомина-

ем ещё и фильм 1990-х годов “Осечка” по повести Кира Булычёва “Осечка-67”. Это история о попытке в 1967 г., на полувековой юбилей Октябрьской революции, провести в Ленинграде грандиозную реконструкцию тех давних событий, в ходе которой сотрудники советского Эрмитажа защитили дворец и не пустили в него большевиков.

За “штурмом” последовал погром. О нём говорят то “целые сутки”, то “всего лишь сутки”. Произведённые разрушения зафиксированы комиссией В.А. Верещагина. Есть много фотографий – и это прекрасный материал для изучения психологии толпы. Это был именно погром, полный ненависти, в которой можно различить разные градации злобы в отношении Керенского и царя. Бедняцкая толпа срывала шторы и вырезала кожу с кресел и стульев. Красноречивыми свидетелями событий стали портрет Александра II, проткнутый штыками, и две вазы Эмиля Галле, у которых были сорваны серебряные постаменты.

Иорданская галерея во время выставки

В Николаевском зале — главном зале Невской парадной анфилады, где когда-то устраивали официальные церемонии и балы, развернулась основная экспозиция

Смысловой центр выставки — уникальная двусторонняя икона, которой освящали Лазарет имени цесаревича Алексея

Рядом с дворцом стоял Эрмитаж. Он сумел защитить себя. Часть коллекций после взятия Риги немцами отправили в Москву. Из трёх эшелонов два благополучно ушли, а третий вернулся. Наступило 25 октября 1917 г. Понадобилось много лет и огромные усилия, чтобы вернуть эрмитажные коллекции из ставшей столицей Москвы. В Концертном зале впервые отчётливо рассказано о музейных зрителях и дворцовых служителях, спасавших вместе с ответственными лицами Эрмитажа сокровища дворца. Мы можем всмотреться в их подлинные мундиры и лица.

Музей не признал советскую власть, но сразу начал борьбу за присоединение Зимнего дворца и тем самым спас его для потомков. В опасные и голодные месяцы составлялись новые инструкции и правила музейной работы, разрабатывалась концепция развития Эрмитажа (некоторые из её пунктов мы сумели воплотить в жизнь только недавно, в период новой турбулентности). Опасностей тогда было много. Знаменитые винные подвалы прямо под эрмитажными помещениями пришлось ликвидировать, вылив вино в Зимнюю канавку. В музей проникали воры. Охраны не хватало, и сотрудники сами защищали вверенные им сокровища. Приходили представители Центральной рады Украины с приказом Иосифа

Джугашвили выдать экспонаты украинского происхождения. Тогда и так была заложена традиция грабежа Эрмитажа и передела его коллекций. Она оказалась живучей и существует рядом с нами и сегодня. Изобразительное искусство в 1917 г. не отразило дух событий, а печать, наоборот, отразила, но странным образом. Об этом — выставка “Печать и революция. Издания 1917–1922 годов в фондах Государственного Эрмитажа”. Удивительный взрыв изданий и особая красота их оформления. Прекрасные шрифты в работах самого Эрмитажа — как бы отклик на элегантнейшие издания десятков частных и государственных издательств. Среди них две характерные противоположности — “Двенадцать” А.А. Блока с иллюстрациями Ю.П. Анненкова и фривольная “Книга маркизы” К.А. Сомова, сына хранителя коллекций Эрмитажа [8].

Во дворе Зимнего сегодня стоят пушки и броневик с назидательной судьбой. Его много лет показывали как “тот самый, с которого говорил Ленин”. Давно известно, что это не так. Броневик сделан в 1919 г. и изучен в деталях. Однако как инструмент форматирования исторической памяти он продолжал и продолжает функционировать сегодня, как и фильм Эйзенштейна. В экспозиции были вещи, вызывающие у меня вопросы.

Николаевский зал

Некоторые из них обращены к дизайнеру и исправимы. Трагический портрет Александра II, главный символ штурма, оказался в углу. Его перевесили.

“Марата в аду” невозможно рассмотреть в деталях, а это важно. Нет уверенности в том, что страшный штык надо было выставлять так нарочито. Документы не менее красноречивы. На мой взгляд, в экспозиции слишком много Распутина, который в Зимнем дворце не бывал. Впрочем, сам этот вопрос тянет за собой новую и популярную дискуссию о реальной и серьёзной роли Распутина и русского “сектанства” в революции. Точно так же почти полное отсутствие в нашем рассказе Л.Д. Троцкого при избыточном присутствии В.И. Ленина ставит вопрос об очередном переосмыслении места обоих в событиях 1917 г. Многие детали призывают к дискуссиям — и это хорошо.

Эрмитаж в 1917 г. уцелел и превратился не только в энциклопедический, универсальный и глобальный музей, но и взял на себя функцию хранителя памяти об истории императорской или петербургской России. Не только в связи с революцией, но и повседневно он показывает, что история и культура полифоничны, старается превратить “войны памяти” в “диалог культур”. Инсталляционное представление в Зимнем дворце создавалось не для того, чтобы показать прошлое *wie es eigentlich gewesen* (как оно было на самом деле). Это попытка воссоздать страшную и демонически обаятельную атмосферу 1917 г., который стал историей, то есть прошлым. Некоторые говорят, что нам это удалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Piotrovsky M.* Through Palace Eyes. Romanovs and Revolution // Catalogue of the Exhibition in the Hermitage—Amsterdam. Amsterdam. 2017.
2. *Пиотровский М.Б.* Сервизные кладовые истории // Каталог выставки “Из сервизных кладовых. Убранство русского императорского стола XVIII — начала XX века”. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2016.
3. *Пиотровский М.Б.* Клуб дыма сизого // Каталог выставки “Ансельм Кифер — Велимиру Хлебникову”. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2017.
4. *Пиотровский М.Б.* Защита Эрмитажа // Эрмитаж от февраля к октябрю 1917. Архивные документы. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2017.
5. Революционное время в Русском музее и в Эрмитаже (Воспоминания графа Д.И. Толстого). СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2017; Зимний дворец. Октябрь 1917. Сборник воспоминаний участников Октябрьской революции. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2017; Эрмитаж от февраля к октябрю 1917. Архивные документы. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2017; Эрмитаж. 2017. № 25.
6. *Колоницкий Б.И.* “Товарищ Керенский”: антимонархическая революция и формирование культа “вождя народа” (март—июнь 1917 года) // М.: Новое литературное обозрение, 2017.
7. *Малич К.А.* Сергей Эйзенштейн. “Октябрь” в Зимнем. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2017.
8. *Пиотровский М.Б.* Помочь стенам заговорить // Эрмитаж. 2017. № 25. С. 10—11.

СТОЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА. НАУЧНЫЕ ИТОГИ

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ АРХИВЫ И СТОЛЕТНЯЯ ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

© 2018 г. А.Н. Артизов

Федеральное архивное агентство, Москва, Россия

E-mail: artizov_an@gov.ru

Текст поступил в редакцию 08.12.2017 г.

В докладе обсуждается роль отечественных архивов в обеспечении научного подхода к оценке революционных событий 1917–1922 гг. Важнейшее значение для понимания истоков и смысла революции имеют документы, связанные с фигурой В.И. Ленина, подчеркивает докладчик.

Ключевые слова: архивы, Федеральное архивное агентство, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив социально-политической истории, региональные аспекты революционных событий, цифровые технологии, база данных “Память народа”.

DOI: 10.7868/S0869587318050055

В год 100-летия Великой российской революции отечественные архивы реализовали немалое число научно-исследовательских и просветительских проектов. Прежде чем рассказать о них, хотел бы поделиться двумя соображениями, основанными на моих недавних наблюдениях.

Во-первых, важнейшее значение для понимания истоков и смысла революции имеют документы, связанные с фигурой В.И. Ленина. Мы нередко говорим, что неопубликованных текстов лидера большевизма в настоящее время не осталось. И это действительно так. Однако, хотя неизвестного Ленина больше нет, надо признать, что и научного издания ленинских работ тоже нет. Полное собрание сочинений В.И. Ленина готовилось к печати в условиях безраздельного господства коммунистической идеологии. В ряде случаев, особенно при публи-

кации стенограмм публичных выступлений вождя, археографы в угоду политической конъюнктуре беззастенчиво редактировали его речь и даже произвольно устанавливали авторство. Например, сегодня известно, что декрет-воззвание от 21 февраля 1918 г. “Социалистическое отечество в опасности”, приписываемый В.И. Ленину и опубликованный в полном собрании его сочинений, на самом деле составил Л.Д. Троцкий, а Ленин внёс в текст лишь некоторые правки. И такой факт не единичен, поэтому научное издание ленинского документального наследия – серьёзная задача на будущее.

Во-вторых, хотелось бы подчеркнуть необходимость продолжать систематическую работу по изучению и осмыслению Великой российской революции и после того, как завершатся мероприятия, посвящённые её 100-летию. В советские времена мы жили от юбилея к юбилею. Однако юбилеи приходят и уходят, а процессы исторического познания продолжают идти. Учитывая огромное документальное наследие 1917 и других революционных годов, работы у историков – непочатый край.

Что касается архивов России, то они включают тысячи фондов, сотни тысяч единиц хранения и десятки миллионов документов, отражающих революционную эпоху. Только в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) находятся личные фонды членов императорской фамилии, известнейших государственных и общественных

АРТИЗОВ Андрей Николаевич – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства.

деятелей дооктябрьской России, участников революционного движения, советских партийных работников, комплексы документов практически всех социалистических партий тогдашней эпохи за исключением партии большевиков и меньшевиков, фонды Временного правительства, Петроградского и Московского военно-революционных комитетов, ВЦИКа, Совнаркома. Здесь же хранятся основные фонды Русского заграничного исторического архива Праги, который был передан чехословацким правительством Москве сразу после окончания Второй мировой войны. Этот комплекс документов создавался русской эмиграцией в 1920–1940-е годы и имеет первостепенное значение для изучения истории революции и Гражданской войны, особенно Белого движения. Значительная часть военной документации белых правительств хранится в Российском государственном военном архиве.

Российский государственный архив социально-политической истории (бывший Центральный партийный архив) располагает документами по истории социал-демократического движения, в том числе большевистской и меньшевистской партий. Здесь же находятся уникальный по своему объёму и составу фонд В.И. Ленина, который собирался на протяжении всей советской истории, документы российской компартии, Коминтерна, личные фонды видных деятелей большевистской партии Н.И. Бухарина, К.Е. Ворошилова, Ф.Э. Дзержинского, Г.Е. Зиновьева, М.И. Калинина, Л.Б. Каменева, С.М. Кирова, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого и многих других.

Таковы лишь некоторые наиболее значимые комплексы источников по истории революции, хранящиеся на федеральном уровне, без учёта региональных архивов. Количество подобных фондов, как отмечалось выше, исчисляется тысячами.

Большая часть документального наследия досталась нам от предшественников. Но и сегодня, спустя 100 лет после 1917 г., документальная база изучения революции продолжает пополняться. Приведу только три примера. В 2008 г. на родину вернулся архив Ариадны Тырковой-Вильямс, незаурядной женщины, гимназической подруги Н.К. Крупской и видного члена Центрального комитета Кадетской партии. Этот обширный комплекс нам передали в дар наследники Тырковой-Вильямс, живущие в Венесуэле. В ноябре 2014 г. на аукционе дома Друо (Франция) культурно-историческим фондом “Связь времён”, учреждённым В.Ф. Вексельбергом, был приобретён, а затем передан в дар государству архив князя Ф.Ф. Юсупова, участника убийства Григория Распутина. Архив содержит ценнейшие эпистолярные памятники, проливающие свет на отдельные стороны жизни российской элиты накануне революции, и ныне хранится в ГАРФ. В ближайшее время учредитель Фонда Святого Ва-

силия Великого К.В. Малофеев передаст в ГАРФ в дар государству коллекцию документов старшей дочери императора Александра III Великой княгини Ксении Романовой, в составе которой – её подлинники дневники за август 1914 г. – май 1919 г. Эту коллекцию известный российский предприниматель купил на аукционе в Лондоне.

В своей деятельности архивисты руководствуются основополагающим принципом: всё документальное наследие должно быть доступно согражданам. Работа по повышению доступности ведётся по нескольким направлениям.

Сейчас всё большее значение приобретают цифровые технологии. Они, в частности, позволяют не только сориентировать любого человека в огромном массиве архивных документов, но и облегчить научно-исследовательскую деятельность благодаря поисковому аппарату, находящемуся в свободном доступе в сети Интернет. Поэтому последовательная оцифровка справочников относится к числу приоритетных задач.

Помимо этого идёт планомерное создание электронных копий документов. Например, успешно продвигается работа по оцифровке около 10 млн карточек бюро учёта потерь русской армии в годы Первой мировой войны. Тем самым реализуется инициированный председателем Российского исторического общества С.Е. Нарышкиным проект формирования базы данных, аналогичной базе данных “Память народа”, которая аккумулирует информацию об участниках Великой Отечественной войны. Значение проекта для изучения истории революции очевидно. Его завершение намечено на 2018 г. Планируется также оцифровать самые важные документы Белого движения из фондов Российского государственного военного архива.

Продолжают развиваться и традиционные формы использования архивных документов: научная публикация и организация историко-документальных выставок, причём как обычных, так и виртуальных – с размещением в сети Интернет. Число последних с каждым годом растёт.

Среди изданий последнего времени, подготовленных под эгидой Федерального архивного агентства (Росархив), назову лишь несколько сборников документов. “Кронштадтский совет в 1917 году. Протоколы и постановления” (в 2-х томах) представляет собой подборку документов, в том числе развенчивающих миф о бескровности Февральской революции; в книге можно найти списки зверски убитых в результате событий февраля 1917 г. адмиралов и офицеров Балтийского флота. Сборник “Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. Материалы предварительного следствия” объединяет хранившиеся в архивах документы, повествующие о судьбе Елизаветы Фёдоровны, Ми-

хаила Александровича и других членов большой семьи Романовых, убитых в Алапаевске и в Перми. Поскольку документы, отражающие убийство императора, его супруги и детей, опубликованы ранее, в это издание они намеренно не были включены. В 2013 г. вышел том 1 сборника “Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус, 1914–1920 гг.”. Том 2, освещающий период Гражданской войны, увидит свет в 2018 г. В сборнике “Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год” впервые публикуются все основные документы, связанные с событиями в Киеве во время революции.

Особый интерес историков и общественности в последнее время обращён к региональному аспекту революционных событий. К 100-летию революции российскими архивистами подготовлено более десятка изданий документов, показывающих, как воспринимали происходившее “на местах” в Петрограде и Москве, каким было “провинциальное измерение” Великой российской революции. Отмечу, в частности, такие сборники, как “Дон в годы революции и Гражданской войны: 1917–1920 гг.” (издан в Ростове-на-Дону), “Дальний Восток России в 1917 году: документы и материалы из фонда Комиссара Временного правительства по делам Дальнего Востока”. Последний сборник развенчивает ещё один из мифов о революции. Считается, что в 1917 г. сообщение с Дальним Востоком было плохим. Однако в действительности уже на следующий день после событий 25 октября комиссар Временного правительства во Владивостоке имел полную картину того, что происходило в Петрограде:

гражданский телеграф большевики взяли сразу, а установление контроля над военным потребовало больше времени.

Не могу не упомянуть ещё об одном издании: в декабре 2017 г., к 100-летию государственной независимости Финляндии, выходит сборник документов по истории советско-финляндских отношений, в котором опубликованы все основные материалы комиссии Временного правительства, рассматривавшей вопрос об укреплении автономии и возможности предоставления независимости Великому княжеству Финляндскому.

Среди реализованных выставочных проектов центральным событием считаю историко-документальную выставку “В.И. Ленин” из цикла “Лидеры советской эпохи”, которая широко освещалась в СМИ, в частности, центральные каналы телевидения подготовили несколько специально посвящённых ей передач. На этой выставке вниманию широкой общественности впервые были представлены документы и мемориальные вещи (всего около 1 тыс. экспонатов), полно и объективно отражающие жизненный путь В.И. Ленина как профессионального революционера, теоретика коммунизма, создателя советского государства. Выставка стала выражением основного принципа работы российских историков-архивистов: подходить к изучению прошлого, опираясь на подлинные и достоверные документальные свидетельства. Не судить, а стремиться понять и познать — так может быть сформулирован методологический принцип историко-архивного исследования.

СТОЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА. НАУЧНЫЕ ИТОГИ

ЮБИЛЕИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

© 2018 г. Н.В. Корниенко

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия

E-mail: natalkornienko@yandex.ru

Текст поступил в редакцию 08.12.2017 г.

Выступление посвящено самым значительным романам о революции, которые были созданы в первые советские десятилетия. Они заложили основы подлинно исторического взгляда на события 1917 г. и стали ответом русской литературы на глобальный исторический перелом и революционные потрясения всего уклада национальной жизни.

Ключевые слова: русский роман, революционная эпоха, судьба литературных памятников революции 1917 г.

DOI: 10.7868/S0869587318050067

Известно, что в последние десятилетия отношение к литературе советской России было критическим. Мы пережили эпоху “поминок по советской литературе” 1990-х годов, когда с “парохода современности” были сброшены крупнейшие романисты XX в., авторы книг о революции и действительные члены АН СССР А.Н. Толстой, М.А. Шолохов, К.А. Федин, Л.М. Леонов. В эти годы именно Академия наук помогала возвращать литературные памятники советской эпохи, а филологическую науку – на исторические рельсы.

В 1999 г. Институту мировой литературы им. А.М. Горького РАН удалось вернуть из небытия рукопись 1-й и 2-й книг романа М.А. Шолохова “Тихий Дон” (считалось, что она была утрачена в годы Великой Отечественной войны). При содействии Академии наук рукопись была выкуплена и пере-

дана в наш институт. Несколько лет потребовалось для того, чтобы отреставрировать её. В 2005 г. в издательстве “Современный писатель” при поддержке РАН вышло факсимильное издание рукописи, неоспоримо свидетельствующее о принадлежности романа “Тихий Дон” М.А. Шолохову.

Однако это было только начало большой работы. В 2005 г. опубликовано подготовленное текстологами ИМЛИ РАН научное описание рукописи романа. Затем началась работа по изучению всех прижизненных изданий романа; она завершилась подготовкой первого научного издания романа “Тихий Дон”, которое вышло в свет в октябре 2017 г. Впервые читатель сможет познакомиться с главным романом XX в., наконец-то освобождённым от цензурных изъятов, редакторской правки, опечаток и ошибок, с историей не только создания, но и бытования романа в XX в. Текст был подготовлен в соответствии с принципами отечественной текстологической науки, творческой логикой М.А. Шолохова и логикой создания им всех четырёх книг романа. Эта работа не могла бы состояться без рукописи первых двух книг.

Академия способствовала возвращению наследия А.П. Платонова. В 2006 г. президент РАН академик Ю.С. Осипов подписал распоряжение о выделении средств на приобретение архива выдающегося русского писателя. Решение было беспрецедентным. Дело в том, что основной массив писательского архива наследники никому не пере-

КОРНИЕНКО Наталья Васильевна – член-корреспондент РАН, заведующая отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН.

давали, он оставался закрытым и для учёных. Несколько лет группа научных сотрудников нашего института занималась систематизацией и описью архива, перешедшего на хранение в институт. В 2009 г. вышла в свет 1-я книга “Архив А.П. Платонова”, представившая новые архивные материалы и ставшая спутником научного Собрания сочинений писателя. В 1-й том сочинений, вышедший в свет в 2004 г. к 105-летию со дня рождения А.П. Платонова, включены его рассказы, стихотворения и статьи, написанные в первое революционное десятилетие (1918–1926). Весной 2016 г. ИМЛИ РАН выпустил 2-й том академического Собрания сочинений А.П. Платонова – повести, рассказы, статьи и сценарии 1926–1927 гг., с которыми писатель вошёл в большую русскую литературу. Можно сказать, что 10-летие Октябрьской революции он отметил выдающимися произведениями, большая их часть была опубликована впервые по автографам. В этом году учёные ИМЛИ РАН закончили уникальную работу – описание рукописи романа А.П. Платонова “Чевенгур”, которая была “разорвана” между двумя городами и тремя архивами. Надеемся, что издание этого выдающегося литературного памятника, без которого невозможно представить наше понимание революции 1917 г., состоится в 2018 г.

Третье издание нашего института связано со столь же значимым для истории русской литературы советской эпохи именем Константина Александровича Федина – автора классических романов об интеллигенции и революции “Города и годы” (1924) и “Братья” (1927), создателя удивительной книги о литературной эпохе первого советского десятилетия “Горький среди нас” (1944). В 2017 г. исполнилось 125 лет со дня его рождения. К юбилейному году в ИМЛИ РАН подготовили большую исследовательскую, издательскую и событийную программу, призванную заново актуализовать в культуре имя Федина. Летом 2016 г. вышел коллективный труд ИМЛИ РАН и Государственного музея К.А. Федина (Саратов) “Константин Федина и его современники. Из литературного наследия XX века. Книга 1”. Здесь опубликованы ранее неизвестные материалы из истории русской литературы XX в. – переписка Федина с Ф.К. Сологубом, Е.И. Замятиным, Р.Б. Гулем, А.А. Ахматовой, М.А. Кузминым, К.И. Чуковским, М.М. Зощенко, В.В. Ивановым и В.Г. Лидиным. В 2017 г. сдана в производство 2-я книга, в которую вошли переписка Федина с А.М. Ремизовым, В.В. Вересаевым, Б.Л. Пастернаком, В.П. Полонским, О.Д. Форш, М.Л. Слонимским, а также неизвестные архивные материалы, раскрывающие историю создания романа “Города и годы”. Сейчас этот роман готовится к публикации в известной серии РАН “Литературные памятники”. Отмечу, что именно в этой

знаменитой и авторитетной серии началось издание литературных памятников советской эпохи – вышли в свет первая редакция романа “Хождение по мукам” А.Н. Толстого, уникальные литературные памятники эпохи 1920-х годов “Тайное тайных” В.В. Иванова и “Столбцы” Н.А. Заболоцкого. В этой же серии готовятся к изданию романы “Вор” Л.М. Леонова и “Зависть” Ю.К. Олеши, книга рассказов “Конармия” И.Э. Бабея.

К сожалению, центральные средства массовой информации и даже телевизионный канал “Культура” отказались отмечать 125-летие со дня рождения К.А. Федина. Но для Академии наук это событие не прошло незамеченным. В феврале 2017 г. в Москве, в Центральном доме литераторов, состоялся юбилейный вечер “Города и годы Константина Федина”. На нём выступили учёные из Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Государственного литературного музея, Литературного института, наследники К.А. Федина и близких ему писателей. Осенью 2017 г. в Саратове, в Музее К.А. Федина прошла большая Международная научная конференция, приуроченная к 100-летию революции и 125-летию со дня рождения писателя. Она была посвящена главной теме творчества Федина – “Интеллигенция и революция в русской литературе XX в.”.

Готовясь к докладу, я проанализировала, как праздновали юбилеи революции в 1927, 1937, 1947 и 1957 гг. и как менялось представление о событиях 1917 г., сформированное отчасти историками, но в большей степени, очевидно, русской литературой XX в. Причём разные эпохи и политические переломы диктовали и насаждали свою систему оценок события. Литература принимала самое активное участие в этом процессе созданием стихотворений, поэм, повестей, романов, пьес. Политические переломы отразились и на судьбах литературных памятников революции 1917 г.

На взгляд историка-текстолога, самые значительные романы о революции были созданы её современниками в первые советские десятилетия. Они заложили основы подлинно исторического взгляда на революции 1917 г. и стали ответом русской литературы на глобальный исторический перелом и революционные потрясения всего уклада национальной жизни. Роман предложил свою периодизацию отечественной истории, отодвинув экспозицию романских событий от 1917 г. сначала к Первой мировой войне, затем к рубежу веков, представил панораму жизни предреволюционной и революционной России, рассказал о быте и бытии человека революционной эпохи как эпохи трагической. “Новая личность *сострадательна* с революцией, или соокаянна с ней, – писал А.Н. Тол-

стой в 1922 г., резюмируя свой опыт романного постижения революции и опыт его современников. — Жестоко и мужественно новый русский поэт и прозаик не отделяет себя от русского, трагического бытия. <...> На крови и бедствиях заложен фундамент, на котором строится новый храм трагедии. Фундамент трагедии — миф. Фундамент новой, русской трагедии — миф революции: её роковая последовательность, её противоречия, её высоты и бездны, её оболешения и непереносимый ужас, её сложная, многоголосая, как fuga, сама себя уязвляющая, исступлённо творческая, славянская душа. Её неотделимое участие в совершающемся.

<...> Они же, новые писатели, — дети полей войны. А на полях войны — нет прикрас: грязно, кроваво, честно и мужественно.

И ругаются на полях войны военными, нечеловеческими словами”¹.

Отмечу, что нет ни одной исторически актуальной темы, связанной с революцией 1917 г., которую не осмыслил бы русский роман:

- Первая мировая война и революция;
- стихийность революции и её социальные вопросы;
- идея Русской революции 1917 г. как первой главы грядущей мировой революции;
- крестьянский вопрос;
- административно-территориальная реформа 1920-х годов;
- место интеллигенции в революции;
- образ “нового человека” и “второй природы”;
- строительство “нового быта” и новой семьи, реформа школы;
- борьба с церковью;
- революционные праздники и новые обряды: “октябрины”, “красные свадьбы”, “красные похороны” и т.д.

Гражданская война закончилась в 1922 г., а первые романы о революции, которые сегодня составляют золотой фонд русской классики (“Хождение по мукам” А.Н. Толстого, “Голый год” Б.А. Пильняка, “Два мира” В.Я. Зазубрина, “Хулио Хуренито” И.Г. Эренбурга, “Революция и фронт” В.Б. Шкловского) вышли в свет в 1920–1921 гг. 1923–1925 гг. также отмечены первоклассными романами о революции и Гражданской войне: “Чапаев” Д.А. Фурманова, “Города и годы” К.А. Федина, “Белая гвардия” М.А. Булгакова, “Сахарный немец” С.А. Клычкова, “Барсуки” Л.М. Леонова

(называю только литературные памятники, которые выдержали испытание временем).

Страна готовилась масштабно отметить 10-летие Октябрьской революции, и литература была призвана участвовать в подготовке и проведении этого юбилея. Практически все “толстые” журналы опубликовали в 1927 г. романы, также вошедшие в золотой фонд русской литературы: в “Красной нови” с первого номера печатался роман Л.М. Леонова “Вор”, в “Новом мире” началась публикация 1-й книги романа М. Горького “Жизнь Клима Самгина”, печаталась “Зависть” Ю.К. Олеши, в ленинградской “Звезде” — романы “Братья” К.А. Федина и “Козлиная песнь” К.К. Вагинова. Отдельным изданием в 1927 г. вышел роман А.А. Фадеева “Разгром”. В 1927 г. М.А. Шолохов завершил работу над 1-й и 2-й книгами “Тихого Дона” (публикация осуществлялась с первого номера журнала “Октябрь” в 1928 г.). В юбилейный год А.П. Платонов начал путь к роману “Чевенгур”; А. Весёлый продолжал работу над романом “Россия, кровью умытая”. И это только вершинные явления русской прозы.

Сколь бы разными по эстетике ни были эти произведения, их объединяют общие темы, они остаются и одними из самых достоверных *исторических свидетельств* и документов о том, как жила, о чём и как думала Россия, русский человек в эпоху переломов и расколов национальной жизни первой половины XX в. Пафос свидетельствования о жизни человеческой, перемолотой в мясорубках революций и войн, тенденция к подлинной жизненности объединяет писателей очень разных по политическим взглядам, литературной репутации и творческой манере.

Русский роман оказался не только в общей с европейской литературой ситуации культурно-философского и религиозного кризиса рубежа веков (знаменитое “Бог умер” Ф. Ницше) — “обезбожения мира”, “заката Европы” (О. Шпенглер), “поиска утраченного времени” (М. Пруст), но и в ситуации поиска исчезающего с географических карт национального пространства. Россия в 1917 г. утратила своё историческое и культурное имя. В ходе административно-территориальной реформы 1922–1928 гг. исчезли традиционные (в том числе для русской классической литературы) губернии, уезды, волости, шло тотальное переименование городского и сельского пространства... Эпические произведения 1920–1930-х годов восстановили не только духовную вертикаль русского классического романа — время (примечательно, что практически все они предложили свою интерпретацию слов нового гимна страны — “Интернационала”), но и русское пространство, создав масштабную карту революционной России. Поволжье предреволюционной и революционной эпохи описано в ро-

¹ Толстой А. О новой литературе // Накануне. Литературное приложение. 1922. № 7(62). С. 5–6.

манах Ал. Толстого, К.А. Федина, А. Весёлого, юг России — в “Тихом Доне” М.А. Шолохова; южные губернии — в “Чевенгуре” А.П. Платонова, Дальний Восток и Сибирь — в “Двух мирах” В.Я. Зазубрина, “Разгроме” А.А. Фадеева, Киев — в “Белой гвардии” М.А. Булгакова, Петербург—Петроград—Ленинград — в романах К.А. Федина, К.К. Вагинова, О.Д. Форш, Подмосковье и Москва — в романах Б.А. Пильняка, Л.М. Леонова, А.Б. Мариенгофа. В этом смысле романы первого десятилетия можно отнести к областнической литературе, на что постоянно указывала современная критика, призывая “национальных писателей” к преодолению областничества и бытовизма.

В заключение подчеркну, что романы 1920—1930 гг. — важнейший исторический источник для изучения революции 1917 г. Их отличает сверхреалистичность фантастических образов (то, что мы называем “фантастическим реализмом”) и автобиографизм повествования — революцию и Гражданскую войну писатели изучали не по книжкам, эти события были частью их биографии. Автобиографизм повествования, конечно, был связан и с освоением традиций русской классической литературы,

прежде всего романном опытом Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Создатели всех крупных романов о революции 1917 г., которые стали классикой русской литературы, по своему рождению и воспитанию — “дети” русской культуры XIX в.

Почти у всех романов 1920—1930 гг. была непростая биография. Почти все они оказались под дамокловым мечом политических интересов правящей партии. Романы о революции жестоко редактировали уже в 1920-е годы, редактировали или сдавали в спецхран в 1930—1940-е годы; не менее жестоко тексты о революции редактировали в эпоху “оттепели”, а литературоведы в каждый новый период переписывали историю литературы, приспособляя её к текущему моменту. Вот почему для академической науки нет более насущной темы, чем подготовка к изданию подлинных текстов литературных памятников революции, а их было не так мало.

Русская литература советской России внесла огромный вклад в исторический процесс, который мы называем “познанием революции”, и это наследие нам ещё предстоит открыть и освоить.

СТОЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА. НАУЧНЫЕ ИТОГИ

АКАДЕМИЯ НАУК В 1917 ГОДУ

© 2018 г. И.В. Тункина

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: tunkina@yandex.ru

Текст поступил в редакцию 08.12.2017 г.

Две русские революции и Гражданская война 1917–1922 гг. круто изменили вектор развития Академии наук и судьбы её сотрудников. Документ из уникальной коллекции академического архива свидетельствует об усилиях научного сообщества по сохранению академии как центра науки и просвещения в переломную эпоху развития страны.

Ключевые слова: архив Академии наук, спасение академических ценностей, реорганизация академии наук 1917 г.

DOI: 10.7868/S0869587318050079

Правовые основы деятельности. Академия наук встретила 1917 г. с уставом 1836 г., провозгласившим её членов “первенствующим учёным сословием” империи. При Николае I Российская академия, созданная в 1783 г. Екатериной II как главный гуманитарный научный центр страны, была ликвидирована и в 1841 г. присоединена к Императорской Санкт-Петербургской академии наук в качестве Второго отделения – Русского языка и словесности (ОРЯС). Таким образом, с 1841 г. Конференцию (Общее собрание) Академии наук образовывали члены трёх отделений – Физико-математического, Русского языка и словесности и Историко-филологического. На 20 января 1917 г. Конференция состояла из 40 человек. Более половины академиков (21 человек) входили в два гуманитарных отделения – Русского языка и словесности, Исторических наук и филологии. Это была элита отечественной науки, главное экспертное сообщество империи,

исповедовавшее принцип служения народу путём развития науки и просвещения.

Структура и штаты. В 1917 г. в академию входило 19 учреждений “по учёной части”, в том числе Архив Конференции, Библиотека, пять лабораторий и одна станция, три музея и один кабинет, две обсерватории, учёный корреспондент в Риме при Отделении исторических наук и филологии. “В связь” с академией был поставлен Кавказский музей в Тифлисе, при Общем собрании и отделениях действовало 19 комиссий. С началом Первой мировой войны в главном здании Академии наук был открыт лазарет № 185 для раненых воинов. В ведении Правления АН находились вспомогательные учреждения – Типография со Словолитней и Книжный склад. В штате академии, законодательно утверждённом императором в 1912 г., к 1917 г. работали 220 человек, из которых половину составлял учёный персонал.

Финансирование. Цифры финансовых вложений в академию в те годы были довольно высокими. По смете государственных расходов Российской империи на 1914 г. Министерству народного просвещения, которому подчинялась Академия наук, выделяли 5,1% от расходной части бюджета. Но даже при таких расходах на образование из 40 млн взрослого населения Российской империи из-за сословных и национальных ограничений 23 млн человек оставались неграмотными (57,4%). По количеству студентов на 10 тыс. жителей Россия занимала последнее место среди ведущих стран Европы.

ТУНКИНА Ирина Владимировна – доктор исторических наук, директор СПбФ АРАН.

Острый недостаток лиц со средним и высшим образованием мешал экономическому и культурному развитию страны.

На учёные учреждения империя в 1917 г. тратила почти 3 млн руб., в том числе 1 млн 113 тыс. на Академию наук (около 37%). Ряд аффилированных с академией учреждений (Николаевская главная астрономическая обсерватория в Пулкове, Главная физическая обсерватория в Санкт-Петербурге, Севастопольская биологическая станция, Русский археологический институт в Константинополе и Императорская Археографическая комиссия) получали финансирование отдельными строками в бюджете министерства.

Личный состав. В 1915 г. после смерти Великого князя Константина Константиновича, который возглавлял академию на протяжении 26 лет, Академия наук осталась без президента. В 1916 г. скончался единственный вице-президент П.В. Никитин. Во главе академии с 15 мая 1916 г. стояли временно исполняющий обязанности вице-президента академик А.П. Карпинский (с 1916 г.), непременный секретарь магистр санскритской словесности С.Ф. Ольденбург (с 1904 г.) и председательствующий в Отделении русского языка и словесности историк древнерусской культуры А.А. Шахматов (с 1906 г.). В течение 1917 г. ординарными академиками были избраны профессор Московского высшего технического училища физик П.П. Лазарев, причисленный к Министерству народного просвещения филолог-классик и эпиграфист А.В. Никитский, профессор Петроградского университета антиковед и археолог М.И. Ростовцев, старший хранитель Эрмитажа историк искусства и востоковед Я.И. Смирнов и профессор Петроградского политехнического института экономист П.Б. Струве. Согласно уставу 1836 г., избранные членами-корреспондентами Академии наук профессора Московского университета историки России А.А. Кизеветтер и М.К. Любавский, филологи-классики Н.И. Новосадский и М.М. Покровский, ординарный профессор Петроградского политехнического института статистик А.И. Чупров, профессор Казанского университета, специалист по славянской филологии М.П. Петровский, ординарный профессор Петроградского университета папириолог Г.Ф. Церетели содержания не получали и в заседаниях Конференции участия не принимали. Членов-корреспондентов привлекали для работы в академических комиссиях, к экспертизе научных трудов, представлявшихся на академические премии. Почётными членами академии в 1917 г. стали государственный деятель П.Н. Игнатьев и юрист-криминалист Н.С. Таганцев. Выборы иностранных почётных членов в 1917 г. не проводились.

В почётные академики по Разряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности, учреждённому в 1899 г., избирались выдающиеся писатели, публицисты, литературные критики, театральные режиссёры и актёры. Почётными академиками стали Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В.Г. Короленко, И.А. Бунин и другие. В 1902 г. почётным академиком избрали А.М. Пешкова (Максим Горький), но из-за недовольства царя Николая II выборы были кассированы на основе закона о состоящих под следствием, так как Горький находился под гласным надзором по обвинению в государственном преступлении. В итоге два почётных академика — А.П. Чехов и В.Г. Короленко — в знак протеста покинули академию. После Февральской революции 24 марта 1917 г. Разряд изящной словесности ОРЯС признал А.М. Пешкова почётным академиком согласно избранию 25 февраля 1902 г. Почётными академиками по тому же разряду в 1917 г. были избраны театральный режиссёр К.С. Алексеев (Станиславский), драматург и артист А.И. Сумбатов-Южин.

Многие члены академии исповедовали либеральные взгляды и с восторгом приняли отречение Николая II от престола, отказ от власти его младшего брата Великого князя Михаила Александровича и образование Временного правительства. Но Общее собрание 24 марта 1917 г. на эти события не отреагировало, а лишь “приняло к сведению” информацию о смене власти в стране. Пять дел Канцелярии Конференции Академии наук, начиная с 4 марта 1917 г. и вплоть до 13 января 1923 г., имеют общий заголовок “О вопросах, возникших в связи с государственным переворотом”.

Политические взгляды академиков сильно разнились, но большинство исповедовало либерализм. Видными кадетами были В.И. Вернадский, С.Ф. Ольденбург, А.С. Лаппо-Данилевский, А.С. Фаминцын, А.А. Шахматов, М.И. Ростовцев и П.Б. Струве. Незначительная часть академиков придерживалась правых взглядов, в их числе монархист В.Н. Ипатьев, член Клуба русских националистов Н.П. Кондаков и член Союза русского народа А.И. Соболевский. Многие учёные быстро разочаровались в результатах Февральской революции и в частной переписке выражали обеспокоенность судьбой страны.

Академики-кадеты включились в новое государственное строительство и приняли активное участие в работе Временного правительства и его комитетов, комиссий, министерств. Входивший в ЦК Конституционно-демократической партии С.Ф. Ольденбург в мае 1917 г. стал членом Чрезвычайной следственной комиссии для расследования действий царских министров, а позднее (июль—август) — министром народного просвещения. Товарищем министра народного просвещения в августе 1917 г. был назначен

В.И. Вернадский, который находился на этом посту вплоть до октябрьского переворота, но из-за угрозы ареста был вынужден перейти на нелегальное положение и скрыться на Украине. Членами августовского Государственного совещания в Москве от Академии наук были избраны М.А. Дьяконов, А.С. Лаппо-Данилевский и М.И. Ростовцев.

От Императорской к Российской академии наук.

4 марта 1917 г. руководство Академии наук направило Временному правительству обращение, подписанное А.П. Карпинским и С.Ф. Ольденбургом, с выражением готовности предоставить правительству, “пользующемуся доверием народа, те знания и средства, какими она может служить России”. Об этом было объявлено 24 марта 1917 г. на экстраординарном Общем собрании, но академики приняли это обращение только к сведению.

29 марта и 20 апреля 1917 г. академия ходатайствовала перед министром народного просвещения о её переименовании из Императорской в Российскую, так как её деятельность “распространяется на всю Россию”. Согласно распоряжению Временного правительства от 11 июля 1917 г., следовало “бывшую Императорскую академию наук впредь именовать Российской академией наук”. Официальная публикация указа, утверждённого Правительствующим Сенатом, состоялась 25 октября 1917 г., в день октябрьского переворота. Академия стала использовать новое наименование после указа Временного правительства, не дожидаясь его утверждения Правительствующим Сенатом. Если 11-й выпуск главного академического печатного органа, подписанный в печать 15 июня, носил название “Известия Академии наук”, то 12-й выпуск от 15 сентября уже назывался “Известия Российской академии наук”.

Благодаря влиянию на власть академии удалось добиться большей автономии и пересмотреть ряд статей устава Императорской Санкт-Петербургской академии наук 1836 г. Февральская революция устранила сословные и национальные привилегии, было отменено обязательное проживание академиков в Петрограде (на проживание академика Первого и Третьего отделений вне столицы ранее требовалось высочайшее разрешение). На первом после падения царизма экстраординарном Общем собрании 24 марта 1917 г. была принята окончательная редакция изменений статей академического устава, существенно усиливших демократические начала управления научным сообществом: должности президента и вице-президента отныне становились выборными. На Общем собрании завязалась дискуссия о сроках избрания на административные должности, причём большинством голосов было решено избирать президента и вице-президента из числа ординарных академиков на пять лет.

15 мая 1917 г. на экстраординарном Общем собрании состоялись первые в истории Академии наук демократические выборы президента, завершившиеся единогласным избранием на этот пост академика А.П. Карпинского. Выборы вице-президента не могли состояться из-за отсутствия кворума: зал заседания покинул математик А.А. Марков, и требуемых по уставу двух третей голосов не набралось. Академикам пришлось провести баллотировку записками, согласно которой временное исполнение обязанностей вице-президента было возложено на ботаника И.П. Бородину. Судя по протоколу, минимальную поддержку получил В.И. Вернадский — всего один избирательный голос.

На экстраординарном Общем собрании 24 марта 1917 г. академик И.П. Бородин, будучи председателем Комиссии директоров музеев, предложил составить комиссию из директоров всех учёных учреждений академии, а не только музеев, и пригласить в её состав, с правом решающего голоса, по одному представителю учёного персонала от каждого учреждения для составления проекта положения о советах при учёных учреждениях академии. Это предложение было утверждено Конференцией. 15 мая 1917 г. председатель Комиссии директоров И.П. Бородин огласил основные положения о порядке управления научных учреждений Академии наук (лабораторий, музеев, библиотек): каждое научное учреждение управляется своим советом с директором-академиком во главе; совет является органом, ответственным за состояние и деятельность учреждения, в его состав входят директор в качестве председателя и “все лица учёного персонала, состоящие в штате. Совет имеет право привлекать в свой состав лиц, которые выполняют ответственные научные работы в учреждении, с представлением им решающего голоса; в музеях в состав совета входят также члены АН по соответствующей специальности. При решении дел в совете, в случае равенства голосов, голос председателя даёт перевес”. Эти правила были утверждены Комиссией директоров 14 мая 1917 г. и на следующий день приняты к сведению Конференцией Академии наук. Таким образом, Совет директоров учреждений РАН и учёные советы академических учреждений существуют уже сотню лет и до сих пор действуют по основным правилам, выработанным ещё в мае 1917 г.

Создание новых академических учреждений. Февральские события активизировали процессы институционализации русской науки. Вовлечённые в государственное строительство академики сами формировали целенаправленную политику в области науки и образования для преодоления культурной отсталости страны. Ещё в январе 1917 г. на совместном заседании Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС) и Военно-хи-

мического комитета обсуждался проект создания сети государственных научно-исследовательских институтов, нацеленных на решение мобилизационных задач в условиях Первой мировой войны. В эту сеть были включены, в частности, Институт физико-химического анализа, Институт по изучению платины и других благородных металлов, Институт общей и прикладной химии. Предполагалось, что институты начнут работу с 1 января 1918 г., но фактически они начали свою деятельность уже в советский период.

4 февраля 1917 г. Общее собрание постановило создать Комиссию по изучению племенного состава населения России (КИПС) под председательством неперменного секретаря С.Ф. Ольденбурга для сбора статистических сведений, составления описаний народов, подготовки этнографических карт не только внутренних территорий страны, но и пограничных земель. Академики осознавали, что силами 220 человек, числящихся в штате академии, невозможно комплексно изучить собственную страну ни в естественно-историческом, ни в гуманитарном отношении, поэтому лоббировали создание широкой сети научно-исследовательских институтов, лабораторий, научных станций по всей России. В тот же день участники Общего собрания обсудили проект создания Палестинского комитета при академии для подготовки к открытию Историко-археологического института в Палестине. Единственное отечественное научное учреждение за рубежом — Русский археологический институт в Константинополе (РАИК) — в связи с началом Первой мировой войны свернуло свою деятельность. Директор РАИК академик Ф.И. Успенский перенёс работу в завоёванные области Османской империи, возглавив Военно-археологическую экспедицию в Трапезунд. В июне 1917 г. был создан первый академический институт — Кавказский историко-археологический институт в Тифлисе под руководством академика Н.Я. Марра, на создание которого Временное правительство ассигновало более 26 тыс. руб.

Спасение архивов. Погромы и поджоги правительственных учреждений, дворянских усадеб, дворцов знати и квартир крупных чиновников стимулировали правительственные органы и частных лиц к передаче своих документальных и книжных собраний в Академию наук на постоянное или временное хранение. 27 или 28 февраля 1917 г. заведующий Конференц-архивом, основатель Пушкинского Дома Б.Л. Модзалевский с коллегами раздобыли сани и спасли от огня исторический архив III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии в подожжённом в революционные дни здании Департамента полиции. В начале марта приказом по Министерству юстиции за подписью А.Ф. Керенского директору Пушкинско-

го Дома академику Н.А. Котляревскому поручили вывести из Департамента полиции все документы в Академию наук. Министр-председатель Временного правительства князь Г.Е. Львов 11 марта оповестил академию: “Предлагается Академии наук: 1) принять на вечное хранение Архив бывшего III Отделения Собственной Его Величества канцелярии и архив Департамента полиции по 1905 г. включительно; 2) озаботиться приведением этих архивов в порядок и 3) открытием их в возможно близком будущем для общего пользования на условиях, какие Академии наук покажутся целесообразными”. 20 марта Петроградское общественное градоначальство обратилось в академию с просьбой вывезти документы Департамента полиции и Зимнего дворца ввиду их огромного общественно-исторического значения. Среди бумаг исторической части спасённого архива были обнаружены письмо А.С. Пушкина к А.Х. Бенкендорфу от 7 мая 1830 г., а также документы (в том числе перлюстрированные письма) ряда членов Академии наук, в частности А.А. Шахматова, А.И. Соболевского и В.Н. Перетца, считавшихся неблагонадёжными.

В 1919–1926 гг. архивы III Отделения Собственной Его Величества канцелярии и Департамента полиции (около 240 тыс. дел за 1826–1905 гг.), хранившиеся в главном здании Академии наук, частями передавали в Историко-революционный архив — в VII секцию Единого государственного архивного фонда, откуда затем вывозили в Москву (сегодня эти документы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации).

В марте 1917 г. был создан Союз российских архивных деятелей (СРАД), который в апреле возглавил академик А.С. Лаппо-Данилевский. Союз активно включился в спасение частных и государственных архивов, библиотек и художественных собраний. В числе архивов и библиотек, которые удалось сберечь, — собрание гравюр и рукописей из дворца князей Дашковых, семейный архив графов Мордвиновых, бумаги семьи Ланских, историческая библиотека Великой княгини Елены Павловны. Из Министерства юстиции и Штаба Отдельного корпуса жандармов на хранение в академию поступили автографы нот и текста гимна “Боже, царя храни” А.Ф. Львова, из Судебной палаты — портреты императоров. В академии вплоть до 1929 г. хранились подлинные тексты отречения от власти императора Николая II и его младшего брата Великого князя Михаила Александровича, вложенные в конверт с надписью сенатора Г.Е. Старицкого (брата жены В.И. Вернадского).

Документы по истории освободительного движения, Первой мировой войны и двух русских революций, а также нелегальные издания целенаправленно собирали с 1906 г. в Рукописном отде-

ле Библиотеки Академии наук. Эти документы, получившие название Архив войны и революции, в 1917 г. планировали положить в основу фонда Дома-музея памяти борцов за свободу, создаваемого при Академии наук по инициативе М. Горького. С архивами войны и революции и Департамента полиции ознакомился вернувшийся из эмиграции В.И. Ленин. В Архив войны и революции поступили документы Учредительного собрания, материалы партии социалистов-революционеров и ЦК кадетской партии.

Через десятилетие хранение документов государственной важности в Академии наук стало предложено для развязывания советскими властями “академического дела” (1929–1931), поводом для проведения массовых репрессий и чисток в учреждениях АН СССР, к принудительной передаче спасённых от уничтожения Академией наук архивных фондов в общегосударственные архивы.

Эвакуация академических ценностей. Из-за развала фронта и угрозы захвата немцами в сентябре 1917 г. Петроград был объявлен на военном положении. Академия наук и СРАД приложили немало усилий для спасения накопленных за два века научных сокровищ. Наиболее ценные документы Конференц-архива, материалы Рукописного отделения Библиотеки Академии наук, Азиатского музея, Петроградского университета и Археографической комиссии были эвакуированы в Саратов в четырёх вагонах товарного поезда (310 ящиков весом 2500 пудов). Часть документов Пушкинского Дома, включая автографы А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, а также платиновая посуда Химической лаборатории РАН, золотые монеты Азиатского музея были перевезены в Российский исторический музей (ныне Государственный исторический музей). Реэвакуация этих ценностей успешно прошла в 1920–1922 гг.

В.И. Вернадский как директор Геологического и минералогического музея имени императора Петра Великого организовал вывоз в Москву семи ящиков с драгоценными камнями и минералами, которые были размещены в железном шкафу в кабинете ректора Московского университета. В первопрестольную эвакуировали Физическую лабораторию Академии наук (наиболее ценные приборы, библиотеку и архив), которая разместилась в Институте физики Московского высшего технического училища, а академики В.А. Стеклова, Н.С. Курнакова, А.Н. Крылова, П.П. Лазарева и В.Н. Ипатьева командировали на год в Москву и другие города России для “учёных занятий и для участия в разного рода работах по обороне, требующих применения математических, физических и химических наук”.

РАН и Октябрьская революция. Октябрьский переворот Академия наук категорически не приняла.

“Академики-идеалисты”, по меткой характеристике М.И. Ростовцева, “нёсшие свой крест апостолов знания”, не могли примириться с насилием, которому подверглась страна при большевиках. 18 ноября Общее собрание констатировало, что “происшедшие события угрожают гибелью стране и необходимо, чтобы Российская академия наук не молчала в такое исключительное время”. Ни один из проектов заявлений не был принят присутствовавшими 25 академиками, поэтому для составления текста образовали комиссию. Обращение с отказом от сотрудничества с “самозванным” правительством большевиков, в поддержку Учредительного собрания зачитал А.С. Лаппо-Данилевский на экстраординарном Общем собрании 21 ноября, где присутствовала половина всех членов Академии наук – 22 из 44 академиков. Большинство учёных поддержали это обращение, против высказались только академики В.А. Стеклова и И.П. Бородин. Обращение было вновь подтверждено на заседании Конференции 2 декабря 1917 г. и получило одобрение Совета научных учреждений и высших учебных заведений Петрограда во главе с А.П. Карпинским. Обращение начиналось такими словами: “Великое бедствие постигло Россию: под гнётом насильников, захвативших власть, русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства; он продаёт свою душу и ценою постыдного и непрочного сепаратного мира готов изменить союзникам и предать себя в руки врагов. Что готовят России те, которые забывают о её культурном призвании и чести народной? – внутреннюю слабость, жестокое разочарование и презрение к ней со стороны союзников и врагов. Россия не заслужила такого позора: всенародная воля вручает ответственное решение её судеб Учредительному собранию; оно должно охранить её от внутреннего и внешнего насилия; оно призвано обеспечить рост её культуры и упрочить её положение в среде просвещённых государств”.

* * *

1917 год стал важнейшим рубежом в истории русской науки. Добившиеся академических свобод и демократических выборов руководства, члены Академии наук впервые поставили перед властью вопрос о необходимости коренной реорганизации науки и высшего образования в России: создания широкой сети научно-исследовательских центров по отраслям знаний, увеличения числа вузов (прежде всего университетов) для подготовки научных кадров. Именно в 1917 г. завершились работы по реализации реформы русского правописания и реформы календаря; впервые был поднят вопрос о создании археологических, историко-культурных и биосферных заповедников по всей стране, озвучено множество других проблем, требовавших скорейшего решения центральных и местных властей.

«Нам нужна не грамотная Россия, а Россия культурная, — писал академик М.И. Ростовцев в статье “Наука и революция” (1917). — Спасение России не в диктатуре масс, в этом её гибель. Спасение только в... подъёме культуры России, немыслимой без сильного, богатого и единого государства». По его убеждению, главная задача власти — ликвидация той пропасти, которая образовалась между интеллигенцией и народом, лишаящей русскую науку основы, на которой она должна стоять. В деле возрождения России именно наука должна сыграть решающую и определяющую роль: экономический подъём возможен только при наличии культурного, то есть научного, развития страны.

Первые, очень осторожные контакты руководства РАН с представителями советской власти относятся к концу января 1918 г., уже после запрета конституционно-демократической партии и разгона большевиками Учредительного собрания. Академии наук, с 1 января 1918 г. лишённой госбюджетного финансирования, пришлось приспособляться и идти на сотрудничество с большевиками

для спасения русской науки и культуры. На экстраординарном Общем собрании 24 января 1918 г. академия заявила о готовности к сотрудничеству с Наркомпросом “в зависимости от научной сущности вопроса... и от наличия тех сил, которыми она располагает”.

Две русские революции и Гражданская война 1917–1922 гг. круто изменили вектор развития Академии наук и судьбы её сотрудников: академия потеряла треть своих действительных членов (часть скончалась от голода, недоедания и болезней, другая покинула Петроград, третья эмигрировала). Оставшиеся на посту делали всё возможное для сохранения Академии наук как центра науки и просвещения, необходимого народу России в переломную эпоху развития страны.

Как показала история, многие идеи, сформулированные в 1917 г., со временем были претворены в жизнь членами РАН, которые сумели выжить в советской России и передать эстафету научного знания следующим поколениям отечественных учёных.

С КАФЕДРЫ
ПРЕЗИДИУМА РАН

**БОЛЬШАЯ ЕВРОПА:
ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ**

© 2018 г. Ал.А. Громыко

Институт Европы РАН, Москва, Россия

E-mail: alexey@gromyko.ru

Поступила в редакцию 12.07.2017 г.

В статье, подготовленной на основе доклада, заслушанного на заседании президиума РАН 23 мая 2017 г., представлены модели международных отношений, определявшие форматы, несущие конструкции и элементы безопасности Большой Европы после 1945 г., как реализованные, так и проектные. Автор очерчивает границы Большой Европы, раскрывается смысл внутренних и внешних угроз для неё. Сформулированы последствия для России ситуации усугубления рисков в развитии Большой Европы и задачи, которые стоят в этой связи перед страной.

Ключевые слова: модели международных отношений, Большая Европа, безопасность, внутренние и внешние угрозы, стратегия, разворот на Восток, мягкая и жёсткая сила, международный терроризм.

DOI: 10.7868/S0869587318050080

Для того чтобы быть правильно понятым, поясню прежде всего смысл терминов, использованных в названии статьи. Угрозы безопасности, как они представлены в данном исследовании, — это традиционные угрозы военного, социально-экономического и политического характера, это явные, очевидные и потенциальные риски неспособности государств или их объединений ответить на основные вызовы современности и национального развития.

Что такое Большая Европа? Огромное и мозаичное цивилизационное пространство от Атлантики до Тихого океана. Европа не сводится к географическому представлению о ней как о части Евразии от западных рубежей Португалии и Ирландии до Урала и тем более не ограничивается территорией Европейского союза. Большая Европа — это про-

странство множества европейских идентичностей. Европа в своём цивилизационном воплощении — то место, где большинство людей принадлежат многолойкой европейской культуре, точнее — культурам, говорят на множестве европейских языков, являются носителями исторической памяти, которая может как объединять, так и разделять. История и судьбы России — результат не только сплава европейских и евразийских ценностей, представлений и воззрений, но и взаимодействия разных цивилизаций. На первом месте среди них стоит цивилизация европейская.

**БЕЗОПАСНОСТЬ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ
МОДЕЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

Приведём модели международных отношений, которые определяли форматы обеспечения безопасности во второй половине XX — начале XXI в.

Первая модель — биполярность, баланс силы и интересов сверхдержав — СССР и США. Глобальное управление и регулирование осуществлялись двумя противостоящими друг другу лидерами, создавшими круг союзников, сателлитов и попутчиков. С точки зрения реализации власти, это была модель с двумя «вертикалями». Она пришла на смену европоцентризму в международных от-

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич — член-корреспондент РАН, директор ИЕ РАН, руководитель кафедры истории и теории международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета, председатель Ассоциации европейских исследований России, председатель Координационного совета профессоров РАН.

ношениях, доминировавшему со времён Великих географических открытий до середины прошлого века.

Вторая модель — однополярный мир 1990-х годов как стремление США к сохранению статуса сверхдержавы в условиях демонтажа своего основного конкурента. Как оказалось позднее, то была переходная модель, которая не смогла закрепиться на практике. Предполагалась одна вертикаль власти в системе глобального управления. Европейские центры силы занимали бы в ней ещё более неподчинённое место, чем в эпоху биполярности.

Третья модель — “евросфера” как попытка в первом десятилетии нового века вернуть европоцентризм в центр глобального регулирования. Но на сей раз европоцентризм в международных отношениях предусматривал лидерские позиции Европейского союза, а не Соединённых Штатов Америки, России, Китая или ещё кого бы то ни было. Такое лидерство должно было опираться на “мягкую” и нормативную силу Евросоюза. “Евросфера”, как и однополярность, также во многом осталась в проекте, оказалась частью переходного этапа. Череду кризисов в ЕС с середины 2000-х годов, увенчанная брекзитом, перечеркнула эти ожидания¹.

Четвёртая модель — полицентричный мир. В идеале это модель горизонтали власти, или сетевого устройства. На деле речь идёт о диагонали власти, то есть о широком распределении властных полномочий в системе глобального регулирования, но с сохранением элементов иерархичности и соподчинённости, другими словами — компромисса между вертикалью и горизонталью власти и влияния. Такая модель больше, чем другие, отвечает национальным интересам влиятельных субъектов международных отношений за рамками коллективного Запада — России, Китая, Индии и других стран.

Не по форме, но по сути такой полицентризм похож на модель “концерта держав”, который длительное время в XIX в. определял систему межгосударственных, точнее, межимперских, отношений в Старом Свете, а следовательно, во многом и в мире. Но полицентризм сегодня — это явление не региональное, а глобальное. Если бы он повлёк за собой формирование некоего подобия европейского “концерта держав”, то в нём ключевые игроки, расположенные в Большой Европе, были бы только частью мирового “концерта”. Существует достаточно аргументированная точка зрения, что современный полицентризм, в отличие от предыду-

щих конфигураций великих держав (биполярность, “концерт держав” XIX в.), не носит антагонистического характера. Одновременно указывается на то, что в современном мире усложнение урегулирования проблем безопасности всё же может приводить к катастрофическим последствиям [2].

Конечно, нет гарантии того, что модель конструктивного полицентризма, опирающегося на современное международное право, ядром которого служит ООН и её Устав, безальтернативна. Безальтернативен полицентризм как объективное явление, но не его возможные модели. Точно так же безальтернативна глобализация как усиление взаимозависимости мира, хотя и до определённого предела, но не её модели, они рукотворны. Неолиберальная модель глобализации, возникшая в 1980-е годы благодаря усилиям определённых политических движений и политических идеологий, почти выработала свой ресурс и требует замены.

Чрезвычайно важно, что на формирование моделей международных отношений и глобального регулирования громадное влияние оказывает субъективный фактор. От наличия или отсутствия политического лидерства будет многое зависеть и в Европе, и за её пределами². В отсутствие политической воли и при иных неблагоприятных обстоятельствах полицентризм может обернуться миром без правил, то есть хаосом, или миром, где будут сосуществовать несколько конфликтующих порядков³. В таком случае не исключён сценарий деглобализации. Действительно, с точки зрения объёмов мировой торговли, глобализация достигла пика в 2007 г., причём корни её гиперфазы уходят в 1980-е годы. Потоки товаров, услуг и капитала взлетели до отметки 53% в мировом ВВП. Затем они испытали резкое падение, откатившись в процентах от мирового ВВП до уровня 2001–2002 гг., а начиная с 2010 г. — неустойчивое укрепление. Как бы то ни было, в денежном выражении эти потоки увеличились на порядок — с 3 трлн долл. в 1980 г. до 30 трлн в 2014 г. [5].

Несколько слов о форматах, несущих конструкциях и элементах безопасности Большой Европы после 1945 г., как реализованных, так и проектных. На первом этапе, до 1980-х годов, ими служило в первую очередь международное право с опорой на Устав Организации Объединённых Наций, возникшей как часть Ялтинско-Потсдамской систе-

¹ Наиболее убедительно в пользу тезиса об ухудшении перспектив проекта ЕС свидетельствуют работы тех европейских аналитиков, которые раньше были убеждёнными европеистами. См., например, [1].

² Под политическим лидерством имеем в виду “политических лидеров” — проекты, а не конкретных политиков. О мифе “сильного лидера” см. [3].

³ В новейших российских исследованиях о позиционировании России в мире положение о формировании полицентричного мира стало магистральным, как и положение о том, что пока ещё слабо структурированный полицентризм может “свалиться” в хаотизацию. См., например, [4].

мы международных отношений. Ключевую роль играл институт национального государства как основной строительный материал системы глобального управления. Неотъемлемым элементом социальной стабильности стали социальный рынок и “государство благосостояния” (социальное государство). Относительную военно-политическую стабильность и предсказуемость поведения конкурентов обеспечило оружие массового уничтожения, особенно после того, как Советский Союз добился стратегического паритета с США в 1960–1970-е годы.

Стабилизирующим фактором стало закрепление в 1975 г. на Хельсинкском совещании по безопасности и сотрудничеству послевоенных границ в Европе. Существует мнение, что тогда, в Хельсинки, СССР принял стратегическое поражение за стратегическую победу, позволив вкратце в “декалог” принципам, с помощью которых Запад в среднесрочной перспективе добился значительного ослабления позиций своего противника. В первую очередь указывают на “корзину” прав человека и на оговорки касательно возможности изменения государственных границ.

Думается, что эта критика выступает с позиций постфактума, то есть задним числом, ретроспективно оценивает эффективность Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе с высоты более поздних событий, которые уже не имели к нему прямого отношения. Такой подход представляется ошибочным. С одной стороны, эффективность любого соглашения надо оценивать по результатам, с другой – результатами можно посчитать последующие события, которые в реальности не являются звеньями причинно-следственных связей, вызванных в данном случае комплексом конкретных международных договорённостей.

Хельсинкский заключительный акт был компромиссным документом, для подписания которого Запад и Восток пошли на ряд уступок друг другу. В 1975 г. и длительное время после Совещания достигнутые соглашения представлялись обеим сторонам сбалансированными. Одновременно каждая из них не отказывалась от идеи при появлении возможности изменить баланс сил в свою пользу и в случае успеха превратить ранее сделанные соперником равновесные уступки в его ахиллесову пятку.

Если бы не договорённости 1975 г., удалось бы предотвратить ход событий, приведший Советский Союз к распаду 15 лет спустя? Думается, что Заключительный акт не имел к этому ни прямого, ни косвенного отношения. Допущенные руководством страны компромиссы при его выработке и заключении превратились в “прощёты” после того, как

начал меняться общий баланс сил в мире. В результате выгодные для СССР и затем России стороны соглашения стали выхолащиваться.

Например, принцип закрепления послевоенных границ в Европе. Агрессия НАТО против Югославии грубейшим образом нарушила его. Или принцип взаимного соотношения между безопасностью каждого государства-участника и безопасностью в Европе в целом. Расширение НАТО на Восток, начавшееся в 1990-е гг., перечеркнуло и эту договорённость. Ещё один пример – обязательство, что государства-участники будут уважать право друг друга свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы. Тезис Р. Рейгана об СССР как об “империи зла”, выдвинутый в 1983 г., или действия внешних акторов на постсоветском пространстве в 1990-е и 2000-е годы сводили данное обязательство к нулю.

В то же время компромиссные стороны Заключительного акта со временем стали трактоваться как “недальновидные” уступки со стороны советского руководства. В первую очередь это относится к “корзине” о правах человека. Но с тем же успехом можно было бы утверждать, что создание Совета Безопасности ООН в 1945 г. было ошибкой, так как в последующий период истории соперники СССР не раз использовали его с целью нанести урон Кремлю.

Похожей логикой руководствуется, например, Киев, обвиняя Москву в нарушении Будапештского меморандума. Украина задним числом заявляет об ущербности этого документа для её интересов в результате “нарушения” его Россией, хотя по сравнению с 1994 г. ситуация, с точки зрения взятых на себя тогда подписантами обязательств, коренным образом изменилась после государственного переворота в Киеве в феврале 2014 г.⁴ Другими словами, баланс выгод и уступок, заложенный в международном договоре, который заключён в конкретный исторический момент времени, может меняться в ходе последующих событий. В результате меняются его восприятие и оценки – его привлекательность или, наоборот, невыгодность.

Очевидную ценность хельсинкских соглашений доказывает и то, что до сих пор, более 40 лет спустя, на них постоянно ссылаются как на один из краеугольных камней послевоенной системы меж-

⁴ Отдельная тема – безосновательность обвинений России в нарушении Будапештского меморандума как такового даже с сугубо юридической точки зрения. Если Меморандум был меморандумом по сути, его невозможно было нарушить, так как стороны не взяли на себя юридических обязательств. Если же он был по сути международным договором, то и в этом случае нарушить его было нельзя, потому что ни одна из сторон не ратифицировала его.

дународного права и примера, которому в той или иной степени многие хотели бы продолжать следовать. Отсюда, например, столь широко обсуждаемая в последние годы идея “Хельсинки-плюс”. Отсюда и последовательная заинтересованность Москвы в обретении ОБСЕ (как наследника СБСЕ) полноценной правосубъектности для увеличения её роли в разрешении международных конфликтов. Отсюда и большие надежды, которые возлагают на ОБСЕ в деле урегулирования украинского кризиса.

Возвращаясь к ключевым элементам безопасности Большой Европы после 1945 г., необходимо упомянуть ещё об одном процессе — об историческом примирении Франции и Германии в рамках Европейского экономического сообщества. Для Западной Европы это стало бесспорным достижением.

На следующем этапе, со второй половины 1980-х годов, созданные ранее форматы безопасности Большой Европы стали обогащаться новыми идеями, которые, как казалось, могли привести к достижению действительно прочного мира без разделительных линий. Среди них идея общеевропейского дома, системы безопасности от Ванкувера до Владивостока, общеевропейской системы безопасности, равной и неделимой.

Активно протекал процесс разоружения, в том числе были подписаны Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и Договор об обычных вооружённых силах в Европе. Эффект “мирного дивиденда” высвобождал значительные средства, которые теперь могли идти на нужды гражданской экономики и на развитие социальной сферы.

Важной новацией в подходах к европейской безопасности стала концепция “мягкой” силы как альтернатива “жёсткой”. Именно “мягкая” сила на достаточно длительное время стала одной из главных составляющих подхода Европейского союза к вопросам развития и конфликтного урегулирования. Речь идёт о воздействии на мир с помощью своей привлекательности, культуры, языка и т.д. Китай во второй половине 2000-х годов вышел вперёд по количеству создаваемых в мире отделений Института Конфуция (более 400), более чем в 2 раза обогнав по этому параметру Британский совет и Институт Гёте. Новым фактором в этом соревновании стали Центры Русского мира — проект фонда “Русский мир”; их количество в 2017 г. достигло 109.

Продолжала реализовываться западноевропейская концепция региональной интеграции и “пула суверенитетов” ЕЭС/ЕС как смиренная рубашка национализма, приведшего к катастрофам Первой и Второй мировых войн. Именно такое, сугубо негативное отношение к национализму стало доминантой в политическом мышлении сторонников европейского федерализма. Более того, оно

стало распространяться и на отношение к национальному самосознанию как таковому. Вместо него должны были и дальше складываться общий европейский социум и европейская политика, в которых продолжали бы растворяться государственные границы и субъектность государств-членов.

С принятием в 1986 г. Единого европейского акта и в 1992 г. Маастрихтского договора федералистские тенденции в ЕС получили новый импульс. Тогда мало кто предполагал, что нивелирование национальных различий и перманентное изменение соотношения сил внутри интеграционного проекта в пользу наднациональных структур и нарративов в будущем приведёт к реакции отторжения, вплоть до выхода из ЕС одного из государств-членов.

БЕЗОПАСНОСТЬ В ПОСТБИПОЛЯРНОМ МИРЕ: НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

В последние десятилетия мы стали свидетелями шагов по размыванию и даже демонтажу различных форматов безопасности в Большой Европе и вокруг неё. Свою лепту внесла в это политика расширения НАТО. Поступательно происходило не только приближение военной инфраструктуры альянса к российским границам, но и попустительское безответственным действиям стран, рассчитывавших вступить в него. Например, такими были действия грузинского руководства в августе 2008 г.

Множилось число государств, обладающих ядерным оружием. В их число вошли Индия, Пакистан, а позже Северная Корея. Оружие массового уничтожения переставало рассматриваться как исключительная стабилизирующая сила и сдерживающий фактор, приобретая всё больше черт потенциального источника дестабилизации⁵. Так, повышение вероятности резкой эскалации напряжённости между Пхеньяном, с одной стороны, и Сеулом, Вашингтоном и Токио, с другой, увеличивает гипотетические шансы обмена ядерными ударами вблизи российских границ или крупномасштабного конвенционального военного конфликта в регионе.

С начала XXI в. безопасность Большой Европы подтачивали разработка и строительство региональной ПРО как части глобальной системы ПРО США. После того как летом 2015 г. было заключено соглашение международной “шестёрки” с Ираном, но Вашингтон всё равно приступил к размещению

⁵ Специалисты по политической стратегии обычно рассматривают ядерное оружие как неизбежный атрибут стратегического планирования на всю обозримую перспективу, признавая одновременно потенциальную смертоносность этого атрибута. См., например, [6].

наземного компонента этой системы в Румынии и Польше, под угрозой оказался Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Происходит дальнейшее расшатывание системы глобального стратегического паритета.

Коррозия европейской безопасности ускорена с неожиданной стороны — постепенным отказом ЕС и значительным количеством его государств-членов от ведущей роли концепции “мягкой” силы в их внешней политике. Неоднократное применение рядом европейских стран и США, их союзниками военной силы в нарушение международного права в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии, проталкивание независимости Косова, одержимость концепцией смены режимов нанесли вред ООН, увеличили степень нигилизма в отношении соблюдения норм международного права, столкнули лбами принципы права наций на самоопределение и территориальной целостности государств.

К отрицательным последствиям в сфере европейской безопасности привела политика расширения сферы влияния Евросоюза с помощью поддержки антиросийских сил. Одним из результатов этого стал антиконституционный переворот в Киеве в феврале 2014 г. и дальнейшая эскалация напряжённости внутри Украины и вокруг неё. Если по этому трафарету продолжают развиваться события в Молдове, что становится всё более вероятным, в Приднестровье может вновь вспыхнуть горячий конфликт с непредсказуемыми последствиями.

Расшатыванию основ региональной и глобальной безопасности способствовало активное использование санкционных режимов в обход Совета Безопасности ООН. Яркий пример — введение нескольких пакетов санкций против России, начиная с 2014 г., с постановкой заранее невыполнимых целей. Важно отметить, что использование рестрикций против России началось до событий на Украине — примером могут служить санкции в связи с “делом Магнитского”. Фактически, прибегая к всё более масштабной практике санкций, Запад своими руками увеличивает шансы на раскручивание процессов деглобализации, что должно быть невыгодно в первую очередь ему самому.

Потенциал дестабилизации безопасности Большой Европы заключается и в неустойчивости и неопределённости будущего политических режимов и партийно-политических систем ряда стран в пограничных с Россией регионах или близких к её рубежам, включая Закавказье, Центральную Азию, Ближний и Средний Восток.

В последние годы выросли масштабы внутренних вызовов безопасности Большой Европы. Среди них долгосрочным фактором являются демографические изменения, в первую очередь постепенное, но неуклонное снижение числа носителей европей-

ской культуры в результате низкой рождаемости среди коренного населения. Не меньшую угрозу могут представлять процессы депопуляции целых европейских стран или их отдельных регионов.

Ещё один грозный вызов — усиление социально-экономических диспаритетов как между государствами Большой Европы, так и внутри них. Мировой экономический кризис только усилил эти процессы. Так, в ЕС вследствие финансовых и банковских неурядиц, обострения проблемы бюджетных дефицитов, а затем суверенных долговых обязательств широкое применение нашла политика “жёсткой экономии”, глашатаем которой выступила Германия. Сумма этих негативных факторов привела к тому, что у многочисленных групп населения в течение длительного времени доходы stagnировали, а то и снижались в реальном выражении. Ответной реакцией на такое положение дел стал “новый популизм”, выразивший недовольство широких слоёв среднего класса своим обеднением и постепенным сворачиванием институтов “государства благосостояния”, а в более общих категориях — выхолащиванием послевоенного “социального контракта”. В числе побочных эффектов таких протестных настроений и повышения ощущения собственной уязвимости — рост радикальных политических движений, антисистемных сил, смыкающихся с экстремизмом, ксенофобией, расизмом.

Одним из центральных внутренних вызовов безопасности Большой Европы стала доктрина “новой холодной войны” — наихудшее выражение конкуренции различных центров силы Старого Света за влияние. Как и британская “неписаная” конституция, которая не существует в виде единого документа, но складывается из множества источников, доктрина “новой холодной войны” — образ собирательный, но вполне реальный. Многими и в России, и на Западе она рассматривается в качестве “новой нормальности” в их отношениях. “Подложка” здесь очевидна — заставить Москву втянуться в жёсткое противостояние со своими соперниками, составной частью которого является гонка вооружений, рассчитанная на постепенное изматывание России. Такое в истории уже было, и допустить повторения подобного нельзя.

Большая Европа стоит и перед лицом вызовов смешанной внутренней и внешней природы, между которыми трудно провести границу. В этой категории бесспорный “лидер” — международный терроризм. Когда-то это явление воспринималось как сугубо привходящее, внешнее для Европы, но к настоящему времени превратилось в доморощенный феномен Старого Света. Он появился лишь в 1990-е годы, уходя своими корнями во внутреннее межэтническое и религиозное противостояние

в Афганистане во второй половине 1970-х годов, в перипетии отношений Афганистана с соседями, в первую очередь с Пакистаном, в превращение Афганистана в зону противоборства между СССР и США после ввода советских войск в эту страну в 1979 г.

Нельзя не отметить полный провал так называемой “войны с международным терроризмом”, объявленной президентом США Дж. Бушем-младшим в 2001 г. После атаки на небоскрёбы в Нью-Йорке число погибших от терактов в мире к 2003 г. снизилось вдвое. Но после вторжения в Ирак зарегистрирован резкий рост числа жертв терроризма, которое достигло почти 12 тыс. человек. Затем вновь эти трагические цифры пошли на спад, но пережили новый взлёт до 32 тыс. погибших в 2014 г. после того, как изначально внутренние столкновения в Сирии превратились в результате вмешательства соседей Сирии, а также США в полномасштабную гражданскую войну и в целом в борьбу региональных государств за лидерство в этой части мира [7]. В 2017 г. международный терроризм продолжал носить черты устойчивого явления трансрегионального характера⁶. Продолжается относительное снижение и экономической, и политической конкурентоспособности Большой Европы по сравнению с быстрорастущими центрами силы. Отсутствует полноценная политическая субъектность Евросоюза; достаточно очевидна его неспособность проводить осознанную и самостоятельную внешнюю политику. Одно из проявлений этого — взятый курс на изоляцию России на международной арене и решение разногласий с ней с помощью давления и угроз. В Брюсселе и многих столицах стран-членов осознают эту неспособность. Отсюда резко возросшая активность европейских федералистов в деле развития общей политики обороны и безопасности, подстёгнутая “новым популизмом”, брекзитом и феноменом Д. Трампа. Значительное большинство граждан стран-членов ЕС недовольны ситуацией в этой сфере. Так, в Испании за более активную роль ЕС в мире выступает 90% населения, во Франции — 80%, в Италии — 77%, в среднем по ЕС — 74% [9].

Помимо массы традиционных и нетрадиционных внешних угроз, а также универсальных угроз, таких как климатические изменения, наркотрафик, организованная преступность, эпидемии, нельзя не отметить неконтролируемую миграцию, захлестнувшую Евросоюз с 2015 г. Африканский и ближневосточный демографический навес оказывается для Евросоюза, Балкан долговременным фактором. Для России, которая и так уже на протяжении многих лет — одна из крупнейших стран-реципи-

ентов мигрантов в мире, схожие проблемы могут усугубиться в случае всплесков насилия и дестабилизации в Центральной Азии, на Украине, в Северо-Восточной Азии.

ПОСЛЕДСТВИЯ УГРОЗ И ЗАДАЧИ ДЛЯ РОССИИ

В наиболее общих категориях последствия для России усугубления ключевых внешних и внутренних угроз Большой Европы можно определить следующим образом.

Усилился целый ряд вызовов внешнего характера. Часть окружающего Россию мира превратилась в более агрессивную по отношению к ней среду. Это относится и к международному терроризму, и к политике расширения НАТО, и к антироссийским санкциям, и к строительству европейского компонента американской системы ПРО. Такое ухудшение ситуации компенсируется развитием евразийских интеграционных и международных проектов с участием России, в первую очередь БРИКС, ШОС, ЕАЭС, укреплением стратегического взаимодействия с Китаем. Активизируются поиски путей нормализации отношений России с Японией.

Произошло ухудшение внешних условий и с точки зрения экономической модернизации России и её социального развития. Долгое время основным её технологическим и инвестиционным донором считался именно коллективный Запад. В условиях санкций была применена вынужденная политика импортозамещения, которую можно рассматривать как желанную для развития лишь некоторых отечественных отраслей. Кроме того, и в этих отраслях первоначальный оптимизм в отношении посыла государства к импортозамещению снизился в результате трудностей на бюрократическом уровне и в банковской системе. Эти недостатки в механизме принятия решений и реализации задач, поставленных политическим руководством страны, необходимо устранять. С перспективой на несколько десятилетий вперёд именно угроза экономического и технологического отставания России от группы мировых лидеров может быть признана главным риском для страны [10].

В последние годы, главным образом в европейской части России, были реализованы или запущены рассчитанные на долговременный экономический и социальный эффект крупные инфраструктурные мегапроекты с масштабными бюджетными вливаниями: зимние Олимпийские игры в Сочи, “Большая Москва”, кубок Конфедераций, чемпионат мира по футболу и др. Эффективность каждого из них требует внимательного изучения. Ключевой момент — не допустить, чтобы государственные

⁶ На системный характер террористической угрозы указывает [8].

инвестиционные проекты превращались в инструмент решения ограниченной во времени задачи, вместо того чтобы давать мультипликационный эффект в качестве стратегических звеньев развития отечественной экономики.

Возрастание угроз внешней для России природы привело к значительному увеличению оборонных и иных сопутствующих расходов, к пересмотру государственного бюджета с точки зрения сокращения затрат на социальную сферу, на развитие науки, образования, здравоохранения. Пока нет оснований считать, что масштабный госзаказ в сфере ВПК становится драйвером роста в гражданских секторах экономики, что он приведёт к налаживанию “перелива” новых технологий в эти секторы. Это не означает, что военная модернизация России – не императив времени. Однако гражданские секторы экономики, в первую очередь её локомотив – потребительский сектор, нуждаются в собственных стимулах и ресурсах для переоснащения и роста, прежде всего в доступном кредитовании.

Из-за отсутствия видимых сдвигов в деле модернизации отечественной экономики и её стагнирующего развития из года в год падают реальные доходы населения и его покупательная способность. Хуже работают “социальные лифты”, что ведёт к накоплению социальной напряжённости. Эти негативные явления можно объяснять внешними факторами, в том числе антироссийскими экономическими санкциями, но в действительности они – лишь часть проблемы. Главный её источник, не могу не повторить, – отсутствие очевидных успехов в деле модернизации отечественной экономики, то есть в решении задачи, поставленной задолго до введения санкций. Кроме того, ссылки на негативный эффект санкций противоречат частым заявлениям об их благоприятном характере для развития ряда отраслей экономики России.

Наиболее технологически оснащённые государства мира в трудные времена в качестве долговременной антикризисной политики увеличивают траты на науку, в первую очередь фундаментальную, на образование, НИОКР. Например, так делала, в отличие от России, Германия в последнее десятилетие. Стратегическим конкурентным преимуществом в XXI в. будет оставаться наличие у государства современной фундаментальной науки. В России она переживает кризисные времена. Среди прочего обескураживает деградация поддержки государством общественных и гуманитарных наук, которые всё больше переводятся на финансирование по остаточному принципу. Грантовые программы могут быть эффективным подспорьем для базового финансирования, но не должны вытеснять его. Если это происходит, то теряется смысл самих

грантов, на основании которых фундаментальная наука не может развиваться в принципе.

Общим местом в России давно уже стали отсылки к успехам китайской модели развития. Одна из граней этой модели – системные государственные расходы на поддержку общественных и гуманитарных наук, в том числе на создание собственной мощной школы международных, региональных, страновых исследований.

Принципиально важно возрождение ключевой роли Российской академии наук как “мозгового штаба” отечественной фундаментальной науки. Этому должны способствовать адекватная реализация Стратегии научно-технологического развития России и разработка эффективного закона о научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации. Значимую роль в решении этой задачи призван сыграть корпус профессоров РАН.

Сложившаяся в мире и в Большой Европе ситуация стимулирует государство вырабатывать новые стратегические подходы, а специфика политического процесса в России позволяет при их внедрении не зависеть от коротких электоральных циклов, предоставляя удобный горизонт стратегического планирования. В первую очередь, речь идёт о политике “разворота на Восток”, о крупных экономических проектах в неевропейской части России, таких как “Сила Сибири”. Многообещающим может стать решение о выделении земель на Дальнем Востоке в случае его системного внедрения. С учётом долговременного характера большинства вызовов безопасности Российского государства, как внутренних, так и внешних, вероятно, понадобятся и другие неординарные стратегические шаги, например, перенос ряда столичных функций в Сибирь⁷.

При этом в обозримой перспективе геополитическая и экономическая значимость Старого Света будет определять ведущую роль европейского вектора политики России, диктовать необходимость нормализации её отношений с ведущими державами и организациями на континенте. Выгода от этого была бы всеобщей. Так, объективные процессы глобализации и серьёзные политические просчёты поставили перед государствами-членами Евросоюза вопрос о выживании этого интеграционного проекта. Адекватный ответ на него не будет найден

⁷ Речь идёт о необходимости развивать стратегическое мышление, не ограничиваясь рамками военной теории и практики. Именно последние традиционно являлись и остаются базой стратегического мышления. Однако невоенная часть стратегического планирования приобретает в XXI в. всё большее значение, во многом равносильное традиционному формату. Об эволюции стратегического мышления см. [11].

без стратегии воссоздания кооперационного пространства от Атлантики до Тихого океана⁸.

* * *

Для того чтобы Россия утвердила себя в XXI в. не только как европейская и даже евразийская держава, которой она и так является, но и как держава трёх океанов, как один из ведущих центров влияния, ей важно выстроить свои геостратегические приоритеты. Если для России Большая Европа не будет надёжным и устойчивым мегарегионом, то поворот на Восток в смысле многовекторной диверсификации внешней политики страны, её экономики будет сопровождаться высокими рисками.

Опасно реализовывать пространственную стратегию развития, если у тебя не обеспечены тылы в прямом и переносном смысле. Россию как мощного трансрегионального, а тем более глобального игрока на Юге и Востоке в полной мере воспринимать не будут, если она не обустроит свой “европейский тыл”. Россия как главный игрок, в первую очередь в Большой Европе, неизбежно заинтересована в решении проблем именно здесь, на пространстве от Лиссабона до Владивостока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zielonka J. Is the EU Doomed? Cambridge, UK: Polity, 2014. Reprinted 2016.
2. Безопасность и контроль над вооружениями 2015–2016. Международное взаимодействие в борьбе с глобальными угрозами / Отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН; Политическая энциклопедия, 2016.
3. Brown A. The Myth of the Strong Leader. Political Leadership in the Modern Age. London: Vintage Books, 2015.
4. Тезисы по внешней политике и позиционированию России в мире (2017–2024). М.: Центр стратегических разработок и РСМД, 2017.
5. Munich Security Report 2017. С. 9. <http://www.securityconference.de/en/discussion/munich-security-report>
6. Gray C.S. The Future of Strategy. Cambridge, UK: Polity, 2015.
7. START Global Terrorism Database, <http://www.start.umd.edu/gtd>. Подсчитано Institute for Economics and Peace.
8. Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2016 году. Обзор МИД России Москва, апрель 2017 г. <http://www.mid.ru/ru/activity/review>
9. Pew Research Centre. Spring 2016 Global Attitudes Survey. Q 39.
10. Мир 2035. Глобальный прогноз / Под ред. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2017.
11. Milevski L. The Evolution of Modern Grand Strategic Thought. Oxford University Press, 2016.
12. Европа XXI века: новые вызовы и риски / Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. М.: Нестор-История, 2017.

После выступления член-корреспондент РАН Ал.А. Громыко ответил на вопросы участников заседания.

Академик РАН Г.Г. Матишов: Вы вскользь сказали об Украине. Что можно сказать о её ближайшем будущем?

Ал.А. Громыко: В поисках ответа на этот вопрос ломают головы политики, военные. Визит А. Меркель в Сочи и её встреча с Президентом России показала, что в истеблишменте “нормандской четвёрки” нет представления о том, как в обозримом будущем выйти из украинского тупика. Основой для умиротворения этого конфликта служат Минские соглашения. Когда они были достигнуты, в России, Германии и во Франции рассчитывали на наличие в Киеве политического окна, позволяющего президенту Порошенко пройти свою часть пути, намеченного “Минском-2”. Но решение вопросов, которые может решить только власть в Киеве, затянулось, и окно возможностей закрылось.

У Порошенко уязвимое и хрупкое положение на Украине. В международных форумах нередко участвуют представители второго эшелона политиков и бизнесменов, олигархов, считающих, что скоро наступит их черёд. В этой ситуации ждать, что Порошенко и его команда смогут на деле пройти свою часть пути, скорее всего, не приходится. Конфликт всё больше приобретает черты замороженного.

В последнее время обсуждаются вопросы размещения миротворческой вооружённой миссии в буферной зоне между Украиной, находящейся под контролем Киева, и непризнанными республиками Донбасса. Если это будет сделано, можно будет, вероятнее всего, выполнить требования первого пункта “Минска-2” — прекращение военных действий и обстрелов с обеих противоборствующих сторон. Но одновременно такой шаг лишь законсервирует ситуацию, поставит окончательный крест на возможности реинтеграции этих частей Украины и, как я уже сказал, в лучшем случае приведёт к замораживанию конфликта. Это не лучший путь: как мы знаем из истории, подобные конфликты рано или поздно драматически “размораживаются”. До тех пор, пока в Киеве не произойдут изменения

⁸ Этой многогранной тематике посвящена коллективная монография ИЕ РАН, выпущенная к 30-летию института [12].

в политической системе, пока не придут к власти новые лица, настроенные на мирное решение проблемы, изменить ситуацию к лучшему не удастся.

Академик РАН С.М. Алдошин: Вы упомянули в докладе политику импортозамещения. Как вы её оцениваете?

Ал.А. Громыко: Должен отметить: многое из того, что реализуется в рамках импортозамещения, могло и должно было проводиться и в отсутствие санкционной войны между Россией и Западом. Естественно, никто из экономистов не будет рукоплескать такому методу подталкивания к диверсификации экономики, как санкции. Но по факту в ряде отраслей экономики, прежде всего в военно-промышленном комплексе, в немалой степени и в аграрном секторе, наблюдаются значительные положительные сдвиги. Благодаря развитию мясного производства, например, в Воронежской области в наших магазинах всё меньше пользуются спросом мраморная говядина из Новой Зеландии или Бразилии, люди покупают высококачественное мясо, произведённое в России. Однако бизнесмены опасаются, что протекционистские меры, позволяющие им развивать производство и встать на ноги, могут быть сняты в случае отмены санкций, и они вновь проиграют за счёт наплыва импорта. Мне представляется, что импортозамещение, если оно в ряде отраслей даёт положительные результаты, должно с помощью других методов поддерживаться и в случае снятия санкций. При нормализации отношений России с Западом импортозамещение будет сворачиваться в тех секторах, где Россия не может обойтись без участия в глобальных цепочках создания добавленной стоимости.

С.М. Алдошин: Что вы можете сказать о внешне-экономических факторах, препятствующих модернизации российской экономики?

Ал.А. Громыко: В годы, когда было провозглашено стратегическое партнёрство между Россией и Евросоюзом, наблюдалась, на мой взгляд, странная ситуация: многие считали, что формат разделения труда, складывавшийся между Россией и странами Евросоюза, оптимальный. Но мы знаем, что отечественная экономика все последние годы отличалась однобокостью, упором на определённые сектора. Евросоюз рассматривал и продолжает рассматривать Россию в качестве надёжного поставщика главным образом энергоресурсов. И эта ситуация вполне устраивает крупные европейские фирмы, производящие продукцию с высокой добавленной стоимостью и заинтересованные в российском рынке ёмкостью в 146 млн человек. Несмотря на то, что малый и средний бизнес благодаря инвестициям и приходу в Россию компаний из Германии, Италии, Великобритании, Голлан-

дии от этого выигрывал, в целом это не повлияло на структуру экономики нашей страны.

Модернизация российской экономики провозглашалась одним из лозунгов в годы президентства Д.А. Медведева, для её активизации подписывались соответствующие соглашения со многими странами-членами Евросоюза. Но, во-первых, фактически эти соглашения остались на бумаге. Во-вторых, несмотря на достаточно большой объём прямых портфельных инвестиций в Россию из стран Евросоюза, их величины оказались далеко недостаточными для того, чтобы, опираясь на внешний фактор, модернизировать нашу экономику. Если мы временно ставим крест на стратегическом партнёрстве с Евросоюзом и разворачиваемся на Восток, для настоящей модернизации российской экономики надо больше опираться на собственные силы, проявить политическую волю и создавать благоприятный инвестиционный климат внутри нашей страны, нежели полагаться на помощь извне.

Академик РАН Л.М. Зелёный: Наверное, из-за ограниченности времени вы в своём докладе не вдавались в подробности относительно внешне-политической позиции отдельных стран Евросоюза, например, Венгрии. Есть ли надежда на то, что в создаваемом антироссийском едином фронте возникнут трещины, в частности, есть ли надежда на балканские страны, у которых с Россией традиционно многогранные связи?

А.А. Громыко: Евросоюз, включающий 28 стран пока ещё с учётом Великобритании, — это крайне неоднородное, пёстрое и многоликое объединение. В нём есть страны со значительными политическими, социально-экономическими диспаритетами, ставшими одним из главных факторов тех проблем, с которыми ЕС столкнулся в последние годы. В Европе на протяжении четырёх десятилетий, с 1950-х по 1980-е годы, действовал двигатель под названием “франко-германский тандем”. В 1990–2000-е годы из-за того, что Франция стала терять свои позиции, в основном в экономике, вперёд вырвалась Германия, став признанным экономическим и политическим лидером Евросоюза. С учётом дрейфа Великобритании в сторону от ЕС встаёт вопрос: как будет меняться конфигурация сил внутри Европейского союза и, соответственно, как Россия может этим воспользоваться?

Раньше, когда речь шла о “большой тройке”, имели в виду Великобританию, Францию и Германию с постоянным подключением Италии. В настоящее время “большая тройка” превратилась в “большую четвёрку”, в которую включают Францию, Германию, Италию и Испанию. В ней достаточно примирительную политическую позицию по отношению к нашей стране занимают Италия

и Испания. А вот Германия, к удивлению многих в России, в 2014 г. взяла курс на лидерство в категории стран, выступивших за введение санкций против нашей страны. Во Франции многие рассчитывали на то, что как только новым президентом станет Ф. Фийон, не боявшийся открыто выступать за нормализацию отношений с Россией, связи Москвы и Парижа начнут налаживаться. Но обстоятельства сложились по-другому: президентом стал Э. Макрон. Учитывая, что он пришёл во власть с лозунгом возрождения величия Франции, независимой, самостоятельной её внешней политики, не исключено, что Макрон может попробовать предпринять достаточно неординарные шаги для выполнения хотя бы внешнеполитической части своей предвыборной программы. Как мы знаем, французские президенты всегда тяготели к новациям именно во внешней политике, где у них из-за действующих конституционных норм намного больше свободы выбора, чем во внутренней политике.

Вы абсолютно правы, что в таких странах, как Венгрия, Словакия, Греция, Кипр, время от времени открыто высказываются симпатии к нашей стране. Но учитывая, что Евросоюз — организация с мощными наднациональными структурами, маловероятно, что малые и средние страны пойдут против крупных игроков, против консенсуса и выступят, например, за снятие санкций с России, если тяжеловесы будут на ограничительных мерах настаивать. Поэтому движение в благоприятную сторону должно быть инициировано той или иной крупной страной, которая рано или поздно придёт к выводу, что в её в национальных интересах взять лидерство в вопросе о демонтаже политической эскалации между Россией и Евросоюзом, призвать к этому и своих соседей.

Академик РАН Г.А. Месяц: У меня короткий вопрос: в чём суть обязательств России по “Минску-2”?

Ал.А. Громыко: Надо сказать, что юридически Россия — не сторона этого соглашения. Мы знаем, что стороны — это Украина и две непризнанные республики. Россия — в числе гарантов договорённостей, достигнутых в Минске. Но де-факто все понимают, что Россия ждёт от Франции и Германии, если иметь в виду нормандский формат, и неформально от США нажима на Киев, чтобы он выполнял свою часть соглашения. В свою очередь, наши западные партнёры ждут от России, что она будет влиять на Донецк и Луганск, чтобы они этих соглашений также чётко придерживались. Вертикаль власти в непризнанных республиках до конца не выстроена, она достаточно рыхлая в смысле регулирования политического и политико-военного процесса. Надо сказать, что Россия оказалась

в не менее сложной ситуации, чем западные страны: мгновенных рычагов для прямого влияния на то, чтобы переговорные рабочие группы в рамках “Минска-2” достигли каких-то соглашений, у неё нет. Насколько я понимаю, Россия сделала всё от неё зависящее для того, чтобы “Минск-2” стал успешным. И, как говорится, мяч давно на стороне поля тех стран, которые с декабря 2013 г. принимали как косвенное, так и прямое участие в смене власти на Украине, апогеем чего стал государственный переворот, происшедший в ночь с 20 на 21 февраля 2014 г.

Академик РАН Ю.А. Золотов: Как бы вы с позиций сегодняшнего дня оценили значимость и особенно перспективы Хельсинкских соглашений?

Ал.А. Громыко: В один из слайдов, сопровождающих мой доклад, я включил упоминание о 1975 г. — годе подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Это один из ключевых элементов безопасности Старого Света. В этой связи не могу не вспомнить: когда у Андрея Андреевича Громыко в личных разговорах спрашивали, что он считает самым большим своим достижением в дипломатии, он говорил о 1975 годе и закреплении послевоенных границ в Европе. Конечно, наследие 1975 г. состоит не столько в закреплении этих границ — с тех пор многие границы в Европе изменились и не исключено, что в XXI в. изменяться будут ещё не раз, — сколько в том, что тогда, в условиях холодной войны, хотя и в фазе потепления, ведущие европейские и мировые центры силы пришли к пониманию: надо садиться за стол переговоров и вырабатывать модус вивенди, с тем чтобы противостоящим сторонам развиваться в относительной безопасности.

Наследие 1975 г. до сих пор крайне актуально. Продолжением Хельсинкского заключительного акта стала Парижская хартия для Европы, подписанная в 1990 г. В ней говорится об общеевропейской системе безопасности — равной и неделимой. Наша дипломатия регулярно проговаривает этот тезис с западными партнёрами, говорит о недопущении закрепления новых разделительных линий в Европе.

В экспертных кругах ведётся много дискуссий по вопросу о том, как можно использовать наследие держав XIX в. и наследие 1975 г. для того, чтобы выйти на какие-то новые идеи, касающиеся регионального и глобального регулирования и управления в XXI в. Хельсинкский заключительный акт считается и в нынешних условиях одним из краеугольных камней в обеспечении безопасности Большой Европы. Но одновременно признаётся, что само по себе декларирование заложенных в нём принципов сегодня недостаточно. Надо выходить на новые форматы, новые соглашения, где,

с одной стороны, могли бы подтверждаться принципы 1975 г., но, с другой стороны, закреплялись бы новые механизмы их реализации в условиях полицентричного мира. В отличие от биполярного мира, когда был подписан Заключительный акт,

обстоятельства полицентризма сильно отличаются, здесь масса игроков, и их мнение надо учитывать. Так что 1975 г. — огромное достижение, но на нынешнем этапе этот документ нуждается в доработке и обновлении.

БЕЗ УЧАСТИЯ РОССИИ ОБОЙТИСЬ НЕ УДАТСЯ

ОБСУЖДЕНИЕ НАУЧНОГО СООБЩЕНИЯ

“Прочная и реальная система безопасности в Европе может быть с большим трудом создана без Москвы и невозможна против Москвы” — такая позиция сформулирована в докладе уважаемого в Европе германского Института исследований проблем безопасности фонда “Наука и политика” (доклад опубликован в 2016 г.). С пожеланием обратить внимание на это высказывание, осмыслить его обратился к участникам заседания почётный директор Института Европы РАН академик РАН **В.В. Журкин**.

Факты говорят о том, что санкции в отношении России будут продолжены, не стоит питать иллюзий по поводу возможности их отмены в ближайшем будущем. Но в сфере безопасности позитивный диалог с Европой возможен. Что служит основой для такого вывода? Успешно функционирует Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), истоки которой восходят к Хельсинкскому совещанию 1975 г., ставшему самым большим собранием лидеров Европы со времени Венского конгресса 1814–1815 гг. Значительна её роль в подписании Парижского договора 1990 г. об обычных вооружённых силах в Европе. Тогда около 50 тыс. единиц крупной военной техники (танков, артиллерии, вертолёт, самолётов) были либо уничтожены, либо вывезены из европейской зоны. О важности усилий ОБСЕ можно судить по тому, что хрупкое перемирие на востоке Украины во многом обеспечено деятельностью миротворческой миссии этой организации.

По словам В.В. Журкина, сегодня очень активно, и во многом по инициативе России, заработали субрегиональные организации. Их несколько, в том числе Арктический совет, Совет Баренцево-Атлантического региона, “Арктика — территория диалога”, “Черноморское экономическое сотрудничество”. На их базе вполне реально принятие важных решений в сфере укрепления общеевропейской безопасности.

В основе здравых действий политиков лежит понимание, что новое вооружённое столкнове-

ние в Европе — безумие. Это понимали лидеры и СССР, и Западной Европы со времён У. Черчилля и И.В. Сталина. Правда, у Черчилля был план под названием «Операция “Немыслимое”», состоявший в том, чтобы по окончании Второй мировой войны военным путём вернуть Советский Союз к его довоенным границам. Многие годы считалось, что этот план — выдумка советской пропаганды, но последние рассекреченные английские документы говорят о том, что он всерьёз обсуждался в британском генеральном штабе совместно с американцами. Судя по всему, военные убедили Черчилля, что если начать его осуществлять, то Советский Союз продвинется ещё дальше на Запад. Кстати, в Англии вышла первая книга на эту тему, перевод её под названием «Операция “Немыслимое”» опубликован и в России.

Как реально может начаться процесс возрождения системы общеевропейской безопасности? Во-первых, на основе уже существующих структур. На Западе, особенно в Германии, уже неоднократно высказывалось мнение: не стоит ли провести новое представительное совещание, подобное Хельсинкскому? Но Совещание 1975 г. готовилось на протяжении десятилетия, соответственно, подготовка новой встречи также займёт не один год. Тем не менее даже маленькие шаги к организации такого масштабного форума, а также к возрождению реальной системы европейской безопасности можно только приветствовать.

Директор Института Африки РАН член-корреспондент РАН **И.А. Абрамова** коснулась таких важных проблем, как угроза терроризма и распространение радикальных идей в Европе, в том числе и в России. В последние три года резко выросли миграционные потоки, но они представляют опасность не сами по себе, а в связи с радикализацией значительных слоёв мигрантов. Каковы её причины? По мнению И.А. Абрамовой, их три. Первая — ухудшение материального положения, в первую очередь мусульманской диаспоры как за пределами Европы — в тех странах, где ощути-

мы тяжёлые последствия “арабской весны”, так и в самой Европе. Представители арабского населения говорят об ответственности европейцев за эти события, полагая, что они должны “заплатить по долгам”. Отсюда идея: приезжать в Европу не столько для того, чтобы работать, сколько за социальными благами. Вторая причина — настойчивое побуждение мусульманского населения в рамках “арабской весны”, а фактически социального эксперимента по радикализации, выступать с протестами против собственного государства и его лидеров. В первую очередь такое побуждение касалось молодёжи, и сейчас оно “аукается” тем, что молодёжь, в том числе и в европейских странах, также активно радикализируется. Причём это касается не только мусульманской общины, но и христианских общин. Третья причина, очень существенная, — отказ значительной части европейского пространства от какой-либо идентичности, индивидуальности во всех её проявлениях. Это отказ от идеи национального государства, отказ от сильных политических лидеров (они могут создаваться буквально из ничего, как произошло с Макроном), это идея отказа от различия полов, различия между матерью и отцом.

Универсализация, проповедуемая во всех европейских странах, сталкивается с идеей сильной национальной идентичности, характерной для арабского и восточного обществ. У представителей этих обществ отмечается когнитивный диссонанс: они хотят пользоваться преимуществами жизни в Европе, в то же время отрицая европейские моральные и идеологические ценности. Это также усиливает радикализацию, приводя, по сути, к формированию в Европе феномена параллельного восточного общества. Более того, информационные технологии, которые призваны объединять людей, позволяют тем, кто разорвал связи со своими странами, оставаться за счёт постоянного общения в Интернете в своём родном культурном и языковом пространстве. То же самое, и это опасно, происходит в России (об этом можно судить по поведению нынешнего поколения мигрантов), хотя в нашей стране нет универсализации и отказа от идеи национального государства.

Взявший затем слово директор Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН член-корреспондент РАН **Ф.Г. Волголовский** выделил приоритеты политики США по отношению к Европе. Д. Трамп и во время своей избирательной компании, и уже став президентом, неоднократно высказывался о необходимости пересмотра отношений с европейскими союзниками, неоднократно говорил о том, что они должны больше платить за свою оборону. В этом отношении он продолжает политику администраций Дж. Буша-младшего и Б. Обамы. Сегодня критериям, предъявляемым членам НАТО в сфе-

ре военных расходов, соответствует только пять стран, остальные не несут этого бремени на должном уровне. Более того, на протяжении последних 15 лет периодически наблюдается тенденция к снижению их военных расходов, и только жёсткая позиция Вашингтона останавливает европейских союзников от более существенных сокращений.

Перед администрацией Трампа стоят сложные вопросы: на что сделать основной упор в военной политике и политике безопасности, на каких видах вооружения и военной техники и, главное, какие регионы приоритетны? Последний вопрос — ключевой для США на перспективу. Будут ли они увеличивать своё присутствие в Европе (сейчас здесь размещены 62 тыс. американских военных и большое количество военных баз) и выстраивать меры противодействия России? Американская стратегия европейской безопасности формулируется прежде всего как стратегия противодействия российской угрозе. Это говорится открытым текстом, особенно в высказываниях военных, в том числе таких высокопоставленных, как глава Европейского командования вооружённых сил США в Европе и Верховный главнокомандующий Объединённых вооружённых сил НАТО генерал К. Скапаротти. Другой вариант: сконцентрировать внимание на Азиатском и Тихоокеанском регионах, что ведёт к иному распределению военных расходов, к принятию иных программ вооружений и военной техники, иного стратегического планирования и иным подходам к выработке военной стратегии. Суть дилеммы состоит в том, будут ли Соединённые Штаты выстраивать свою политику безопасности с ориентировкой на противодействие Китаю или России.

Дело в том, что, и это признаёт большинство американских аналитиков, США не могут одновременно осуществлять военное планирование в отношении и Китая, и России, особенно учитывая динамику роста военных расходов Пекина. Деятельность администрации Обамы, итоги украинского кризиса показали, что США “выстроили” своих союзников в политическом отношении, но так и не смогли заставить их увеличить бремя оборонных расходов.

Ещё один вопрос: вернётся ли администрация Трампа к программам Буша-младшего, направленным на развёртывание стратегической системы противоракетной обороны США в Европе? Как мы знаем, администрация Обамы придерживалась поэтапного подхода, в соответствии с которым развёртывание систем противоракетной обороны должно быть адекватно развитию угрозы. Но тогда в качестве угрозы назывался Иран, сейчас всё чаще — Россия. С чем это связано? Во-первых, нашу страну обвиняют в нарушении Договора о ракетах средней и меньшей дальности. Во-вторых,

крайне негативно было интерпретировано размещение комплексов “Искандер” в Калининградской области. Многие американские военные аналитики открытым текстом называют Россию потенциальной ракетной угрозой США и их европейским союзникам, а также американским базам в Европе.

Трамп наращивает военные расходы, и он ориентирован на то, чтобы сделать военную отрасль одним из локомотивов стимулирования экономического роста. Захочет ли он развивать программу стратегической ПРО, ориентированной на Россию, или отдаст приоритет Азиатско-Тихоокеанскому региону, соответственно, программам развития военно-морского флота и ПРО в данном регионе? Пока на эти вопросы нет ясного ответа.

Научный руководитель Института Латинской Америки РАН член-корреспондент РАН **В.М. Давыдов** выделил две составляющие доклада Ал.А. Громыко. Первая — фундаментальный академический подход к систематизации имеющихся знаний, вторая — выход на прикладную тематику, те внешнеэкономические и внешнеполитические решения, которые желательны в нынешних условиях для Российской Федерации.

В связи с проблемой европейской безопасности В.М. Давыдов акцентировал внимание на таком важном вопросе, как устойчивый рост социального неравенства, который меняет социальный и политический климат в Европе, меняет партийно-политическую структуру европейских стран. Одновременно происходит демонтаж социального государства, что ведёт к росту протестных настроений. Последние президентские выборы во Франции рельефно обозначили эту болевую точку. Новому поколению политиков придётся искать какие-то компенсирующие механизмы для нейтрализации негативного эффекта. Что касается взаимоотношений России с Западом, то конфронтация зашла очень далеко. Даже при активном дипломатическом диалоге на разбор возникших при этом завалов уйдёт много времени. Это надо сознавать и делать выводы и для военной, и для экономической стратегии.

Требуется уточнения понятие европейской цивилизации. Неслучайно С. Хантингтон различал западно-христианскую и восточно-христианскую цивилизации и высказывал предположение о геополитических рисках, которые в перспективе могут проявиться на разломе цивилизаций. События, происшедшие в непосредственном окружении России, — явное доказательство правильности этого тезиса. Клубок противоречий наблюдается, например, в Молдове. Туда внедряются новые игроки, такие, как Турция, опирающаяся на гагаузское меньшинство. Серьёзную активность проявляет нынешний киевский режим. Что может сделать Россия для сохранения своей социально-политической базы

в этой и других республиках бывшего СССР? По мнению В.М. Давыдова, стратегия и тактика Москвы до сих пор были ориентированы в основном на старшее поколение. Но сегодня ставка должна быть сделана на молодёжь. Борьбу за неё Россия может проиграть. Российские университеты поощряются за налаживание связей с Гарвардом и Оксфордом, в то же время укреплению связей с университетами ближнего зарубежья, массовому обмену студентами с ними уделяется мало внимания. Это большая ошибка. Если Россия не будет бороться за умы молодёжи в соседних с ней странах, трагические ошибки, допущенные на Украине, повторятся.

Заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова член-корреспондент РАН **А.В. Кузнецов**, позитивно оценив заслушанный доклад и отметив, что в нём дана обоснованная классификация внутренних и внешних угроз безопасности, напомнил, что ОБСЕ с 1990-х годов стала обращать внимание на то, что безопасность имеет ещё экономические и экологические аспекты. Но чёткой формулировки самого понятия экономической безопасности в Европе пока не выработано. В ОБСЕ её понимают узко, в основном сводя к проблемам транспортных перевозок. В ЕС трактуют шире, но тоже однобоко, что связано с его зависимостью от импорта энергоносителей. Неслучайно Россия сталкивается с противодействием своим инвестиционным проектам в Европе именно под предлогом экономической безопасности. Удручает и то, что наиболее острой проблеме в сфере экономической безопасности — миграции — даются диаметрально противоположные оценки. Евросоюз за 2014–2016 гг. принял более 3 млн беженцев, причём более трети из них въехали в Германию. А Великобритания, которая разыгрывала эту карту, в том числе на референдуме о выходе из ЕС, в год принимала менее 40 тыс. человек, меньше, чем Швеция или Венгрия.

Следующий аспект — экологическая безопасность. В странах Европы, особенно в ЕС, уже не один год ведётся работа по адаптации к изменениям климата, но она пока не приобрела системный характер. Речь идёт не только о таких краткосрочных, пусть и разрушительных проблемах, как наводнения, засухи, пожары, но и о влиянии изменения климата на здоровье человека, воздействии на отрасли экономики, прежде всего сельское хозяйство, рыболовство, туризм. По мнению А.В. Кузнецова, несмотря на то что в международных дискуссиях вопросы экономической и экологической безопасности оказываются далеко не на первом плане, с позиций интересов России — это лучшие темы для конструктивного диалога с партнёрами по

Европейскому союзу, открывающие возможности сотрудничества.

Академик РАН **А.А. Кокошин** сосредоточил внимание на проблеме военной безопасности. Крупные соглашения 1980-х годов по сокращению вооружённых сил и вооружений в Центральной Европе стали результатом сложных, длительных переговоров, значительных интеллектуальных усилий, поскольку речь шла о таких сокращениях, которые снизили бы наступательные возможности сторон. С тех пор произошли радикальные изменения, связанные не только с распадом Варшавского договора и Советского Союза, но и с появлением вооружений новых поколений — робототехнических боевых систем, высокоточного оружия, средств радиоэлектронной борьбы и т.д. Для перехода к новой повестке переговоров по ограничению и сокращению вооружений нужно тщательно проанализировать военные технологии нового уровня, особенно те из них, которые угрожают стабильности и в острой кризисной ситуации могут привести к неуправляемой эскалации во взаимоотношениях Российской Федерации со странами НАТО. Первые шаги с нашей стороны сделаны. В 2016 г. Министерство обороны РФ передало ряд соответствующих предложений странам НАТО, но в ответ получило лишь невнятные заявления. Тем не менее наши усилия должны быть продолжены. Для того чтобы пойти вперёд и радикально решить некоторые вопросы военной безопасности, нужна серьёзная интеллектуальная основа. Здесь не обойтись без тесного взаимодействия учёных гуманитарного, общественно-научного профиля с теми, кто глубоко разбирается в новейших военных технологиях.

Директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

академик РАН **Т.Я. Хабриева** поддержала классификацию угроз и вызовов Большой Европы, предложенную Ал.А. Громыко, и обратила внимание на следующий нюанс. По завершении холодной войны — и это отмечено многими исследователями — изменился характер угроз. Множественным рискам и угрозам последних лет свойственна высокая степень неопределённости, ибо очень трудно предположить, когда и откуда ждать опасности. Наглядный пример — терроризм.

По мнению Т.Я. Хабриевой, Большая Европа не приобрела пока реальных очертаний, её конфигурация вызывает вопросы, а само представление о ней требует обновления и дальнейшей концептуализации. С точки зрения обеспечения безопасности, действующая концепция Большой Европы более всего соотносится с концепцией ОБСЕ. Эта организация объективно оценивает многие события, происходящие в Европе и за её пределами, ставит серьёзные задачи, но в то же время её юридический статус нуждается в проработке и уточнении. Она, например, до сих пор не имеет своего устава.

Подводя итоги обсуждения, академик РАН **В.В. Козлов** отметил, что доклад Ал.А. Громыко содержит подробный, аргументированный анализ сегодняшнего состояния европейской безопасности. Задача научного сообщества также в том, чтобы формулировать прогнозные оценки. Именно этого ждут от научно-исследовательских институтов и экспертов Российской академии наук.

*Материалы обсуждения подготовил к печати
С.С. ПОПОВ,*

“Вестник РАН”, Москва, Россия
ssp1950@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

© 2018 г. А.Е. Гуськов*, Д.В. Косяков**, И.В. Селиванова***

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия

E-mail: guskov@spsl.nsc.ru; **E-mail: kosyakov@spsl.nsc.ru; *E-mail: selivanova@spsl.nsc.ru*

Поступила в редакцию 05.09.2017 г.

Наукометрический подход к оценке результативности научной деятельности приобретает всё большую популярность. В России по инициативе Президента и Правительства РФ этот подход развивается в рамках Федеральной системы мониторинга результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы, и связанной с ней оценки. Авторы анализируют результаты количественных расчётов для ведомственной оценки ФАНО России по методике, утверждённой Министерством образования и науки РФ. Предложены и обоснованы относительно небольшие изменения, позволяющие значительно улучшить методику и сбалансировать результаты.

Ключевые слова: оценка результативности, наукометрия, библиометрия, научные организации.

DOI: 10.7868/S0869587318050092

По итогам заседания Совета по науке и образованию при Президенте РФ 30 апреля 2013 г. постановлением Правительства РФ № 979 от 01.11.2013 г. [1] были внесены существенные изменения в Правила оценки результативности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения. Ключевыми элементами нового подхода стали вневедомственный характер оценки и использование формальных параметров. Министерство образования и науки РФ двумя приказами [2, 3] определило порядок и типовую методику оценки, состав и порядок предоставления научными организациями сведений о результатах их деятельности для мониторинга и оценки. Согласно приказу [3], Рособрназор создал Федеральную систему мо-

нитинга результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы (<http://www.sciencemon.ru>). Эти нововведения заметно изменили подход к оценке научной эффективности, сложившийся в России в предшествующие годы. Дискуссия о необходимости разработки национальной системы оценки началась в середине 2000-х годов, был предпринят ряд попыток проведения оценок результативности, касающихся прежде всего научно-исследовательских институтов в составе государственных академий. Этот процесс проходил на фоне нескольких волн реформ российской науки, что вызвало рост интереса к наукометрии и оживлённое обсуждение соответствующих вопросов в профессиональной среде [4].

ГУСЬКОВ Андрей Евгеньевич — кандидат технических наук, директор ГПНТБ СО РАН. КОСЯКОВ Денис Викторович — заместитель директора по информационным технологиям ГПНТБ СО РАН. СЕЛИВАНОВА Ирина Вячеславовна — младший научный сотрудник ГПНТБ СО РАН.

Попытки проведения оценки научной результативности национального масштаба предпринимались в некоторых странах в конце прошлого века. В 1986 г. в Великобритании стартовала первая программа оценки высших учебных заведений Research Assessment Exercise (RAE) [5], повторявшаяся затем в 1989, 1992, 1996, 2001 и 2008 гг. В 2014 г. она была заменена на Research Excellence Framework (REF). В начале 1990-х годов в Нидерландах внедрена национальная система оценки результативности научной деятельности на базе Ассоциации университетов Нидерландов совместно с Королевской академией искусств и наук и Голландской организацией научных исследований [6]. Первый общий протокол оценки приняли в феврале 1993 г. Франция, наряду с Великобританией и Нидерландами, также стала пионером в этой области, учредив в 1985 г. Национальный комитет по оценке (Comité National d'Évaluation, CNE), который в 1989 г. получил полномочия на оценку высших учебных заведений. В 2007 г. эти полномочия были переданы Агентству по оценке исследований и высшего образования (Agency for the Evaluation of Research and Higher Education, AERES) и расширены на научно-исследовательские организации [6]. Подобные программы развиваются и в других странах.

Экспертный подход, преобладавший на первом этапе, с развитием наукометрических методов стал в большей степени опираться на формальные показатели результативности. Например, Британская программа REF представляет собой так называемую информированную экспертную оценку и опирается на наукометрические показатели наиболее выдающихся передовых научных групп. Итальянская программа оценки Quinquennial Research Evaluation (VQR) сочетает подходы экспертной, информированной и библиометрической оценки. Австралийская программа Excellence in Research for Australia Initiative (ERA) практически полностью полагается на библиометрический подход [7]. Интенсификация использования формальных числовых наукометрических показателей в значительной степени обусловлена необходимостью ускорения процесса оценки, желанием иметь возможность сопоставлять результаты разных стран, возрастанием фрагментации областей исследований и связанной с этим нехваткой признанных экспертов. В то же время повышение качества наукометрических данных и развитие методов анализа позволяют решать задачи широкомасштабной наукометрической оценки [8, 9].

Наиболее частые возражения против наукометрических подходов к оценке научной деятельности [10] опираются прежде всего на экспертный характер национальных программ оценки из числа приведенных выше и хорошо известную специалистам в области наукометрии дифференциацию в публикуемости и цитируемости в разных научных областях. К числу интересных аргументов относится

применение к наукометрии закона Гудхарта [11, 12] в формулировке М. Биаджиоли: “Все показатели научной оценки обязательно будут фальсифицироваться”. Явным примером справедливости этого утверждения выступает рост количества “хищнических” журналов [13]. Вероятно, оптимальный вариант находится всё-таки на пересечении экспертного и наукометрического подходов. В методологических разработках, выполняемых под эгидой Европейской комиссии [14], придают большое значение формальным индикаторам, при этом подчёркивается важность экспертной оценки.

Методика оценки Минобрнауки России. Методика оценки, предложенная министерством, в целом взвешенная и относится, скорее, к типу информированной экспертной оценки. Набор собираемых в федеральной системе показателей весьма широк, что теоретически позволяет выполнить взвешенную количественную оценку и представить экспертам достаточно полную информацию о деятельности оцениваемой организации, причём комиссия может запросить дополнительные данные и привлечь сторонних экспертов.

Согласно упомянутому выше постановлению Правительства РФ, в результате оценки организации должны быть отнесены к одной из трёх категорий: 1 — научные организации-лидеры; 2 — стабильные научные организации, демонстрирующие удовлетворительную результативность; 3 — научные организации, утратившие научную деятельность в качестве основного вида деятельности и перспективы развития. Категории присваиваются, исходя из неких показателей результативности. Сравнение показателей проходит в референтной группе, формируемой в том числе по принадлежности к области и (или) отрасли наук, организационно-правовой форме, соотношению фундаментальных научных и прикладных исследований, опытно-конструкторских и экспериментальных разработок, стратегическим предприятиям и акционерным обществам. Минимальные значения показателей результативности для присвоения научной организации 1 категории должны не менее чем на 25% превышать средние показатели в соответствующей референтной группе, а ко 2 категории — быть не более чем на 25% ниже средних.

Дальнейшее уточнение методики оценки было выполнено коллективом авторов из Высшей школы экономики [15, 16], рассмотрено и утверждено Межведомственной комиссией, созданной приказом Минобрнауки России № 700 от 27 июня 2014 г. [16]. В окончательном виде методика не опубликована, при её описании использовались материалы доклада [16] и имеющийся в распоряжении авторов рабочий документ с характеристикой методики. В федеральной системе мониторинга собрано 78 показателей, объединённых в 4 основные группы: результативность

и востребованность научных исследований; развитие кадрового потенциала; интеграция в мировое научное пространство, распространение научных знаний и повышение престижа науки; ресурсное обеспечение деятельности научной организации. В методике предлагается использовать только 19 из них:

- [1a] — число публикаций организации, индексируемых в Web of Science;
- [1б] — число публикаций организации, индексируемых в Scopus;
- [1e] — число публикаций организации, индексируемых в специализированных информационно-аналитических системах;
- [4a] — общее количество опубликованных научных произведений;
- [4в] — общее количество выпущенной конструкторской и технологической документации;
- [5б] — количество созданных результатов интеллектуальной деятельности, имеющих государственную регистрацию и (или) правовую охрану в Российской Федерации;
- [5в] — количество созданных результатов интеллектуальной деятельности, имеющих правовую охрану за пределами Российской Федерации;
- [7б] — совокупный доход малых инновационных предприятий;
- [8.1a] — средства, полученные на выполнение государственных заданий;
- [8.1б] — средства, полученные на конкурсной основе из бюджетов всех уровней;
- [8.1в] — средства, полученные на конкурсной основе из внебюджетных источников;
- [8.1г] — средства, полученные из иностранных источников;
- [8.1д] — средства, полученные из внебюджетных источников на иные цели;
- [8.2a] — объём доходов от выполнения исследований и разработок;
- [8.2б] — объём доходов от оказания научно-технических услуг;
- [8.2в] — объём доходов от использования результатов интеллектуальной деятельности;
- [20] — численность работников, выполнявших исследования и разработки;
- [20a] — численность исследователей;
- [20б] — численность педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу.

По этим показателям вычисляются пять агрегатов — три основных и два дополнительных:

A — число опубликованных произведений и публикаций, индексируемых в международных информационно-аналитических системах научного цитирования (максимум из значений по базам данных Web of Science, Scopus или по специализированной информационно-аналитической системе, указанной организацией), в расчёте на 100 исследователей (научно-педагогических работников — далее НПР), ед.:

$$A = (\max ([1a], [1б], [1e]) + [4a]) / ([20a] + [20б]) * 100;$$

Б — количество созданных результатов интеллектуальной деятельности, имеющих государственную регистрацию и (или) правовую охрану в Российской Федерации или за её пределами, а также количество выпущенной конструкторской и технологической документации, в расчёте на 100 НПР, ед.:

$$B = ([5б] + [5в] + [4в]) / ([20a] + [20б]) * 100;$$

В — объём выполненных работ, оказанных услуг (исследования и разработки, научно-технические услуги, доходы от использования результатов интеллектуальной деятельности) к общей численности НПР, выполнявших исследовательские работы, тыс. руб.:

$$B = ([8.2a] + [8.2б] + [8.2в]) / [20];$$

B1 — объём доходов от конкурсного финансирования к общей численности НПР, выполнявших исследовательские работы, тыс. руб.:

$$B1 = ([8.1б] + [8.1в]) / [20];$$

B2 — объём доходов от использования результатов интеллектуальной деятельности и совокупный доход малых инновационных предприятий к общей численности НПР, выполнявших исследовательские работы, тыс. руб.:

$$B2 = ([7б] + [8.2в]) / [20].$$

Референтные группы изначально предполагалось формировать в зависимости от направлений наук организаций, вносящих данные в систему мониторинга из иерархического справочника, который создан на базе классификаторов ОЭСР и Web of Science. Однако впоследствии принято решение о создании референтных групп на основе пересечения сформированных экспертами 39 направлений наук в 6 группах и профиля деятельности. Организациям было предложено выбрать для оценки ос-

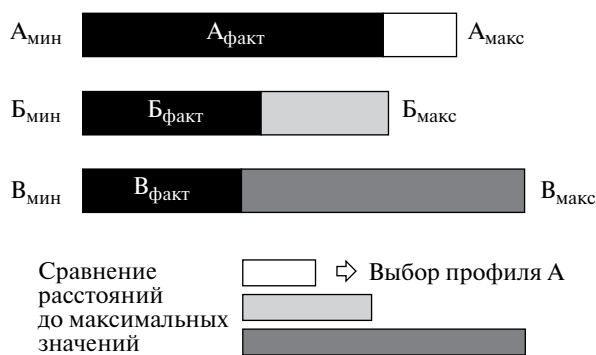

Рис. 1. Способ определения профиля организации по методике МОН

новное и (по желанию) дополнительные направления наук.

Профили деятельности, по замыслу авторов, выбираются, исходя из определяющих показателей:

- профиль I “Генераторы знаний”, определяющий показатель А;
- профиль II “Разработчики технологий”, определяющий показатель Б;
- профиль III “Научно-технические услуги”, определяющий показатель В;
- профиль IV “Особый”, не имеет определяющего показателя.

К профилю IV относятся организации, которые не могут корректно сравниваться с организациями из первых трёх профилей. Чаще всего это организации, обеспечивающие инфраструктуру исследований, например, библиотеки или опытные станции.

Группировка организаций по профилям выполняется по следующему алгоритму.

Во-первых, отбираются организации, относящиеся к профилю IV. Организация попадает в особый профиль, если значения всех трёх базовых показателей результативности у неё ниже определённых порогов отсечения.

Во-вторых, проводится сглаживание распределений показателей результативности. Для получения более равномерного распределения организаций по профилям в конкретном направлении к значениям показателей результативности применяется степенное сглаживание, что сужает разброс распределения значений показателей результативности и увеличивает шансы попадания организации в каждый из профилей.

В-третьих, выполняется расчёт относительного расстояния значения показателя от максимума. Для каждой организации рассчитывается близость её показателей к максимальным.

В-четвёртых, определяется профиль деятельности организации по минимальному расстоянию между значением соответствующего определяющего показателя и максимальным по направлению исследований (рис. 1).

Согласно постановлению Правительства РФ [1], обозначены 3 категории результативности:

- К1 – научные организации-лидеры;
- К2 – стабильные научные организации, демонстрирующие удовлетворительную результативность;
- К3 – научные организации, утратившие научную деятельность и перспективы развития.

С целью проведения оценки в каждой референтной группе устанавливаются пороговые значения показателей результативности. Помимо определяющих показателей, для каждого профиля используется по два дополнительных показателя: для профиля I – Б и В1, для профиля II – А и В2, для профиля III – А и Б. Пороговые значения вычисляются на основе медиан основного и дополнительных показателей по референтной группе. Для определяющих показателей вычисляются два пороговых значения (с целью отнесения к 1 и 2 категории), вычисляемые как $1,25 * med\ xi$ и $0,75 * med\ xi$ соответственно, где $med\ xi$ – медианное значение основного показателя по референтной группе.

Расчётная категория результативности определяется по формальным правилам путём сравнения основного и дополнительных показателей организации с пороговыми значениями. Для присвоения 1 категории основной показатель должен быть не меньше порогового значения для 1 категории, один из дополнительных должен быть больше 0 и не меньше соответствующего порогового значения. Для отнесения к 3 категории основной показатель и все дополнительные должны быть не больше соответствующих пороговых значений. Если оба эти условия не выполнены, то организация относится ко 2 категории.

Итоговая категория результативности присваивается организации на основании экспертного анализа качественных характеристик её деятельности, в результате которого итоговая категория может быть как выше, так и ниже расчётной, но не более чем на одну позицию (замена 2 категории на 1 или 3 на 2 и наоборот).

Таким образом, весь процесс состоит из следующих этапов:

- расчёт основных и дополнительных параметров;
- отнесение организации к одному или нескольким профилям деятельности;
- формирование референтных групп;

Таблица 1. Распределение организаций по референтным группам

Направление	Профиль I			Профиль II			Профиль III			Профиль IV		
	2013	2014	2015	2013	2014	2015	2013	2014	2015	2013	2014	2015
Математика	6	6	5	4	3	3	4	7	6	—	—	—
Гидро- и аэродинамика, микро-механика	4	2	2	2	1	1	3	5	6	—	—	—
Общая физика	7	9	12	7	6	4	19	18	17	—	—	—
Физика высоких энергий, ядерная физика	1	1	1	1	1	1	1	1	1	—	—	—
Исследования космоса, астрофизика и астрономия	6	7	7	2	2	2	2	1	1	—	—	—
Органическая и координационная химия	8	5	6	1	1	1	2	5	4	—	—	—
Неорганическая химия, химия твёрдого тела, материаловедение	3	8	7	7	2	3	2	2	2	—	—	—
Физическая химия, химическая физика, полимеры	6	3	6	5	9	7	5	4	3	—	—	—
Общая биология	20	24	22	16	9	13	10	14	12	—	—	—
Физико-химическая, молекулярная и клеточная биология, биотехнологии	14	13	16	7	3	6	7	11	3	—	—	—
География и окружающая среда	2	1	7	6	5	9	18	20	10	—	—	—
Геология, геохимия, минералогия	12	21	20	5	8	4	15	3	8	—	—	—
Физика океана и атмосферы, геофизика	6	9	8	2	4	6	6	2	2	—	—	—
Энергетика	5	6	3	2	2	2	6	5	8	—	—	—
Горные науки, горная инженерия и добыча полезных ископаемых	5	3	5	2	3	2	3	5	2	—	—	—
Химические технологии, включая нефтехимию	5	4	3	1	1	1	1	2	2	—	—	—
Технологии материалов, металлургия	3	4	2	2	1	2	2	2	3	—	—	—
Приборостроение и механика	2	1	2	1	1	1	4	5	3	—	—	—
Производственные технологии и технологии машиностроения	2	2	1	1	1	1	3	4	4	—	—	—
Проектирование и строительство	—	—	2	—	—	2	—	—	2	—	—	—
Транспортные системы и технологии	1	1	1	—	—	—	1	1	2	—	—	—
Компьютерные науки, включая информационные и телекоммуникационные технологии, робототехнику	4	6	8	6	6	7	23	21	17	—	—	—
Клиническая медицина и технологии первичной медицинской помощи	7	1	6	1	2	3	4	8	2	—	—	—
Фундаментальная медицина	27	12	13	7	7	15	4	19	10	—	—	—

Таблица 1 (окончание)

Направление	Профиль I			Профиль II			Профиль III			Профиль IV		
	2013	2014	2015	2013	2014	2015	2013	2014	2015	2013	2014	2015
Профилактическая и реабилитационная медицина	3	1	2	2	2	1	1	2	4	—	—	—
Фармакология и фармацевтика	1	1	1	1	1	1	1	1	1	—	—	—
Технологии растениеводства	66	65	54	57	45	74		13	2	27	29	22
Животноводство и ветеринарные науки	18	5	6	16	15	11	17	32	34	1	—	1
Продукты питания и технологии их производства	2	7	1	2	2	2	17	12	18	—	—	—
Исторические науки, культурология, искусствоведение	11	6	13	1	3	3	21	24	17	—	—	—
Филологические науки	1	3	3	1	1	1	7	6	5	—	—	—
Экономические науки, экономическая география	7	5	11	10	7	7	16	21	15	—	—	—
Юридические науки	1	1	1	—	—	—	—	1	1	—	—	—
Политология, международные отношения	4	3	3	1	—	—	6	8	8	—	—	—
Философские науки	1	1	1	—	—	—	2	1	1	—	—	—
Социология, демография	2	3	3	—	—	—	3	2	2	—	—	—
Психология и педагогические науки	1	1	1	—	1	1	1	1	1	—	—	—
Общее количество организаций в профиле	274	251	265	179	155	197	237	289	239	28	29	23

- вычисление пороговых значений;
- определение расчётной категории результативности;
- присвоение итоговой категории результативности на основании экспертной оценки.

Далее мы не станем касаться экспертного этапа оценки и под категорией результативности будем иметь в виду расчётную категорию.

Организации ФАНО России в федеральной системе мониторинга и пилотная оценка по методике Минобрнауки. Научные организации, подведомственные ФАНО России, начали заполнение сведений в системе с результатов деятельности 2014 г. и должны были завершить эту работу до 30 июля 2015 г. Данные за 2013 г. должны были быть внесены до 31 мая 2016 г., за 2015 г. и последующие — до 1 июля следующего за отчётным года.

В процессе первичной проверки в данных обнаружилось много неточностей. Особое внимание уделялось достоверности значений показателей, участвовавших в расчёте категорий результативности, и в целом удалось значительно улучшить каче-

ство собранных данных, однако пока ещё остались отчёты с явными ошибками.

Авторы статьи разработали программное обеспечение, реализующее методику оценки Минобрнауки, и произвели расчёт оценки. Результаты пилотного расчёта выявили ряд проблем в методике, в основном связанных с отнесением организаций к профилям деятельности (табл. 1).

Во-первых, в особый профиль попадают обычные (то есть не имеющие признаков “особенности”) исследовательские институты с низкими показателями результативности и, наоборот, не попадают библиотеки и музеи, требующие особого отношения к оценке в связи со спецификой работы. Во-вторых, отнесение организаций к профилям на основе степени близости показателей формирует неадекватное распределение в целом. Специфика предложенного метода заключается в том, что он “стремится” к достаточно равномерному распределению, тогда как большинство организаций, подведомственных ФАНО России, по своей сути должны оцениваться в профиле I. Особенно обращает на себя внимание наличие в профиле II (“Разработчики технологий”) организаций в таких гуманитар-

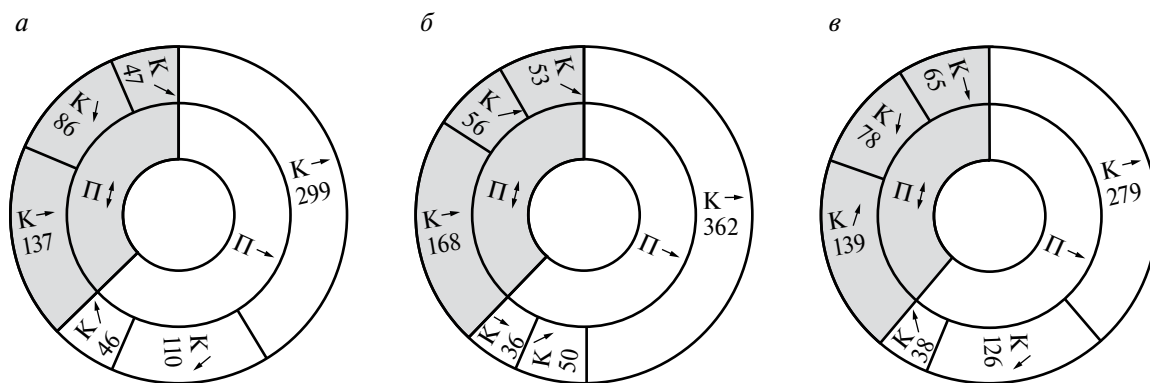

Рис. 2. Изменение итоговых профиля и категории (числами указано количество организаций)

а – в оценке 2014 г. по сравнению с оценкой 2013 г.; б – в оценке 2015 г. по сравнению с оценкой 2014 г.; в – в оценке 2015 г. по сравнению с оценкой 2013 г.; П↗ – профиль не изменился; П↘ – профиль изменился; К↖ – категория ухудшилась; К↙ – категория не изменилась; К↗ – категория улучшилась

ных дисциплинах, как филология и история. В-третьих, методика очень неустойчива к изменению показателей даже одной организации. Характерный пример был обнаружен в направлении “Общая биология”. После применения методики к данным 2014 г. в ней было зафиксировано следующее распределение по профилям: 2/9/33. При изучении такого большого перекаса в сторону профиля III была обнаружена организация, у которой индикатор А был равен 290, что в несколько раз превышает среднее значение по группе. Более того, это значение оказалось ошибочным, а истинное – многократно меньше. Пересчёт после корректировки данных дал распределение по профилям: 14/7/23. Следовательно, изменение даже одного показателя существенно влияет на профили всех организаций в направлении, что говорит о неустойчивой работе методики. Общий анализ смен профилей деятельности и категорий результативности при сравнении год к году представлен на рисунке 2.

Негативным результатом также является большое количество референтных групп с маленьким числом организаций, что не только ставит под сомнение результаты расчёта категорий, но и затрудняет качественную, экспертную оценку. Наконец, значительное изменение от года к году профиля организаций по направлению общей биологии и некоторых других тоже вряд ли может быть содержательно обосновано. Анализ результатов расчёта и алгоритма определения

профиля деятельности организации позволяет выявить их слабые стороны, детальный разбор которых лежит за рамками темы настоящей статьи. В связи с тем, что определяющие показатели рассчитываются для каждой референтной группы отдельно, общие результаты расчёта также вызывают сомнения. В качестве примера нестабильности оценки можно привести изменение опорных (медианных) значений определяющего показателя А для профиля I в некоторых направлениях наук (табл. 2).

Таким образом, следует констатировать, что в исходном виде методику, предложенную Минобрнауки, нецелесообразно использовать для наукометрической оценки организаций, подведомственных ФАНО России. Такая ситуация могла сложиться вследствие того, что разработка методики велась на основе иной выборки научных организаций (включающей университеты и учреждения других ведомств), для которой она продемонстрировала удовлетворительную эффективность.

Методика оценки результативности, используемая ФАНО. Анализ недостатков указанной выше методики позволил авторам предложить её корректировку. Поскольку в рамках ведомственной оценки специфика организаций хорошо известна, принято решение, что список организаций особого профиля определяется решением ФАНО России. В него рекомендуется включить библиотеки, музеи, бо-

Таблица 2. Медианные значения определяющего показателя А в выбранных направлениях наук в профиле I

Направление наук	2013	2014	2015
Органическая и координационная химия	99,43	129,48	91,77
Неорганическая химия, химия твёрдого тела, материаловедение	141,84	91,58	86,52
География и окружающая среда	191,98	235,29	44,62
Профилактическая и реабилитационная медицина	45,16	106,25	67,40
Филологические науки	172,69	84,19	89,23

танические сады, опытные станции и региональные научные центры. При отнесении организации к профилям I, II или III для каждой организации была определена её категория в каждом из профилей, причём для профиля I присвоение категории (то есть сравнение с другими организациями) осуществлялось в рамках тематической референтной группы, а для профилей II и III — для всех организаций сразу (то есть референтной группой выступала вся выборка организаций). Это объясняется тем, что средняя публикационная активность варьируется в разных областях и может различаться в несколько раз [17, 18]. Однако для количества патентов и объёмов внебюджетной деятельности такое утверждение на текущий момент сделать нельзя. Следовательно, в профиле I организации можно сравнивать только с близкими по тематике, тогда как в профилях II и III — со всеми остальными.

Формула для вычисления определяющего показателя В (научно-технические услуги) представляется не в полной мере соответствующей смыслу в связи с тем, что в объём выполненных работ по исследованиям и разработкам входит бюджетное финансирование. Поэтому в некоторых направлениях наук с преобладанием именно этой составляющей удельные показатели будут близки. В качестве показателя В предлагается использовать отношение конкурсного и внебюджетного финансирования к базовому финансированию на выполнение государственных заданий, которое вычисляется по формуле: $B = ([8.1б] + [8.1в] + [8.1г] + [8.1д]) / [8.1а]$.

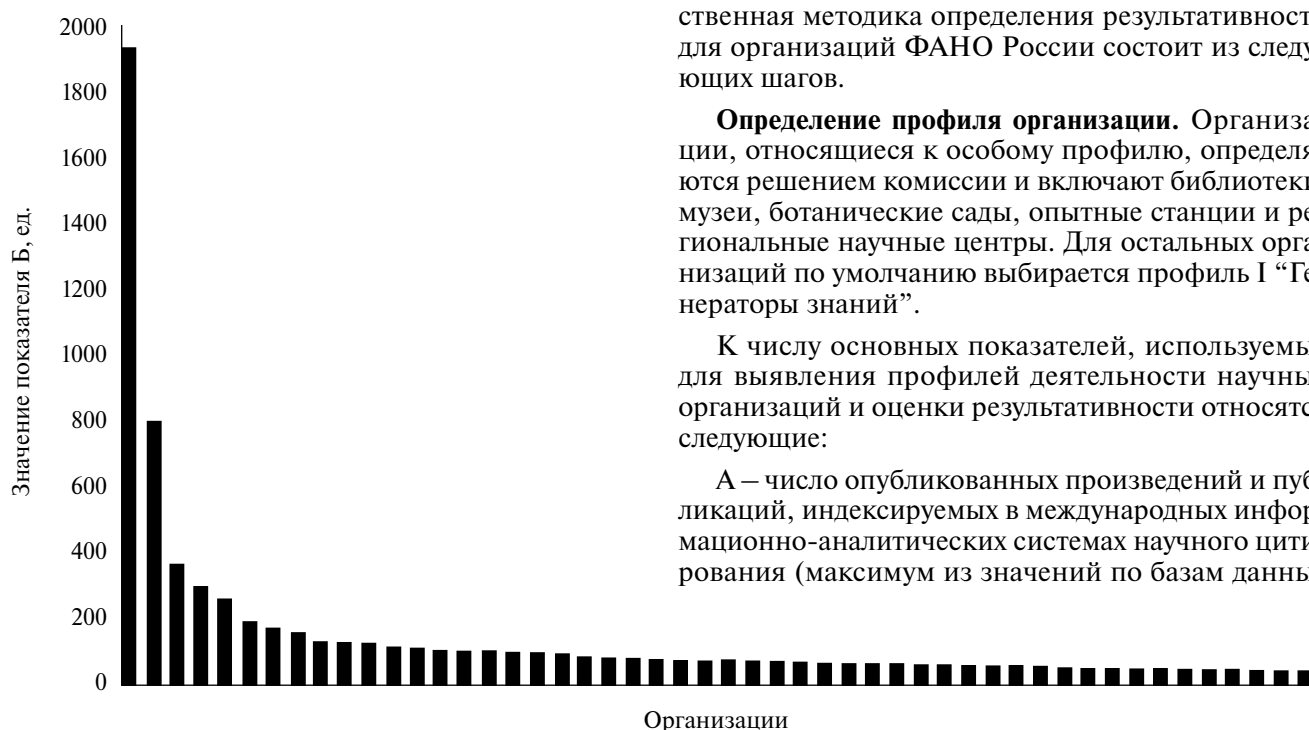

Рис. 3. Значения показателя Б за 2014 г., упорядоченные по убыванию (график показывает значения для первых 50 организаций)

Значения показателей имеют степенное распределение, которое характеризуется наличием единиц организаций с крайне высокими значениями и длинного хвоста. Например, значение индикатора Б (количество результатов интеллектуальной деятельности) в 2014 г. при среднем 16,42 у одной из организаций составило почти 2000 (рис. 3), что связано со спецификой учёта конструкторской и технологической документации. Чтобы нивелировать влияние этих аномалий на процедуру оценки и избежать значительных перепадов пороговых значений, целесообразно использовать медианные значения вместо средних. Однако использование именно средних значений закреплено постановлением Правительства РФ [1]: “Минимальные значения показателей результативности для отнесения научной организации к 1 категории не могут быть менее чем на 25% выше средних в соответствующей референтной группе, для отнесения ко 2 категории не могут быть более чем на 25% ниже средних в соответствующей референтной группе”. Поэтому было принято решение установить предельные значения индикаторов: $\max(B) = 200$, $\max(V) = 5$. В случае превышения средних значений для расчёта использовались предельные. Для индикатора А подобное отсечение не потребовалось из-за отсутствия явных аномалий. Следует отметить, что использование медианных значений привело бы к снижению пороговых значений на 10–15%, в отдельных случаях — на 20–30%.

Итак, после всех принятых изменений ведомственная методика определения результативности для организаций ФАНО России состоит из следующих шагов.

Определение профиля организации. Организации, относящиеся к особому профилю, определяются решением комиссии и включают библиотеки, музеи, ботанические сады, опытные станции и региональные научные центры. Для остальных организаций по умолчанию выбирается профиль I “Генераторы знаний”.

К числу основных показателей, используемых для выявления профилей деятельности научных организаций и оценки результативности относятся следующие:

А — число опубликованных произведений и публикаций, индексируемых в международных информационно-аналитических системах научного цитирования (максимум из значений по базам данных

Web of Science, Scopus или по другой специализированной информационно-аналитической системе, указанной организацией), в расчёте на 100 исследователей, ед.:

$$A = (\max ([1a], [1б], [1е]) + [4а]) / ([20а] + [20б]) * 100;$$

Б — количество созданных результатов интеллектуальной деятельности, имеющих государственную регистрацию и (или) правовую охрану в Российской Федерации или за её пределами, а также количество выпущенной конструкторской и технологической документации, в расчёте на 100 исследователей, но не более 200, ед.:

$$B = \min (200, ([5б] + [5в] + [4в]) / ([20а] + [20б]) * 100);$$

В — отношение объёма финансовых средств, полученных на конкурсной основе, иностранных источников и внебюджетных источников на иные цели к объёму средств, полученных на выполнение государственного задания, но не более 5, ед.:

$$B = \min (5, ([8.1б] + [8.1в] + [8.1г] + [8.1д]) / [8.1а]).$$

К числу дополнительных показателей, используемых для оценки, относятся:

В1 — объём доходов от конкурсного финансирования к общей численности НРП, выполнявших исследовательские работы, тыс. руб.:

$$B1 = ([8.1б] + [8.1в]) / [20];$$

В2 — объём доходов от использования результатов интеллектуальной деятельности и совокупный доход малых инновационных предприятий к общей численности научно-педагогических работников, выполнявших исследовательские работы, тыс. руб.:

$$B2 = ([7б] + [8.2в]) / [20].$$

Для расчёта пороговых значений вычисляются средние арифметические значения основного и дополнительных показателей:

для профиля I — среди всех организаций по этому же направлению наук;

для профилей II и III — среди всех организаций.

При расчёте средних значений исключаются нулевые значения показателей.

Определение категории. Категория для каждой организации в каждом из трёх профилей определяется следующим правилом. Организация отно-

сится к 1 категории, если значение её основного показателя больше или равно соответствующему пороговому значению, умноженному на 1,25 (увеличенному на 25%), оба дополнительных показателя больше нуля и хотя бы один из них превышает соответствующее пороговое значение. Организация относится к 3 категории, если значение основного показателя меньше или равно соответствующему пороговому значению, умноженному на 0,75 (уменьшенному на 25%). Если не выполняется ни одно из этих условий, организация относится ко 2 категории.

Изменение профиля. Итоговый профиль организации выбирается по наивысшей категории, полученной при оценке. В случае равенства категорий в разных профилях выбирается профиль с меньшим номером.

Экспертная оценка. Перед экспертной оценкой организация может выбрать профиль деятельности по своему усмотрению вне зависимости от полученных категорий. Эксперты при подведении итоговой оценки могут учитывать категории, полученные организацией в других профилях. На основании всей совокупности данных эксперты могут изменить итоговую категорию в большую или меньшую сторону, но не более чем на единицу.

Результаты расчёта по методике МОН для организаций ФАНО. В расчёте учитывались данные по 736 организациям, 60 из которых были выделены в особый профиль (табл. 3), у некоторых организаций в данных обнаружены ошибки, не позволившие рассчитать показатели методики, часть организаций не участвовала в расчётах в связи с реорганизацией, ликвидацией или по другим причинам.

За три года выросли все средние значения основных показателей (табл. 4), при этом средние значения показателей А стабильно росли на протяжении всего периода по 18 направлениям, показателей Б и В — по 10. Смешанная динамика по показателю А наблюдалась по 37 направлениям, Б — по 26 и В — по 32. Средние значения показателя А в 2015 г. оказались выше значений 2013 г. по 30 направлениям наук, Б — по 18 и В — по 22. В среднем также выросло количество штатных единиц научно-педагогических работников ($[20 а] + [20 б]$) и общий объём финансирования.

Распределение организаций по направлениям и профилям представлено в таблице 5. В одном направлении наук количество организаций 1 категории увеличивалось и в 2014 г., и в 2015 г., в 11 — всё время снижалось, в остальных направлениях имела место смешанная динамика.

Положительный элемент используемой методики связан с возможностью совместного анализа категорий, полученных организацией во всех трёх

Таблица 3. Сводные данные по организациям ФАНО для расчёта оценки результативности

Организации	2013	2014	2015
Особый профиль	60	60	60
Ошибка в данных	7	4	9
Не участвуют в расчётах	17	17	29
Участвуют в расчётах	652	655	638
Итого	736	736	736

профилях, что особенно важно для крупных многопрофильных институтов, имеющих в своей деятельности сильную прикладную составляющую наряду с фундаментальными научными исследованиями. Необходимо отметить, что 8 организаций в 2013 г., 7 в 2014 г. и 12 в 2015 г. получили 1 категорию во всех трёх профилях деятельности, 1 или 2 категорию во всех профилях получили 42 организации в 2013 г., 46 — в 2014 г. и 71 — в 2015 г. Как видно из таблицы 5, около 26% организаций каждый год получают 3 категорию во всех профилях (профиль I, категория 3), и их научные результаты требуют внимательного экспертного рассмотрения.

Анализ устойчивости представленной методики показал, что более половины организаций при сравнении рассчитанных итоговых профилей и категорий от года к году и от 2013 г. к 2015 г. сохраняли как профиль, так и категорию. Менее 10% организаций понизили категорию, оставшись в этом же профиле, около 10% — повысили. При изменении профиля категория повышалась примерно у 10% организаций и понижалась у 5–8%, оставалась неизменной у 10% (рис. 4).

Весьма любопытно сравнение рассчитанных пороговых значений с аналогичными показателями, полученными по методике Министерства образования и науки РФ и утверждёнными Межведомственной комиссией 14.01.2016 г. [19] (табл. 6). Для этого мы усреднили пороговые значения показателя А, полученные за 2013–2015 гг. в результате расчётов по предлагаемой методике, и сравнили его с усреднённым для 1 и 3 категорий результативно-

сти в профиле I показателем А из протокола заседания Межведомственной комиссии (см. табл. 2). В большинстве направлений наук пороговые значения индикатора А, полученные с помощью данной методики, существенно ниже, чем утверждённые Межведомственной комиссией. Лишь в трёх направлениях они оказались существенно выше, при этом по 11 направлениям пороги оказались более чем на 50% ниже, а в одном случае — более чем в 2 раза!

Такие значительные несоответствия могут объясняться прежде всего особенностями алгоритма формирования референтных групп, когда в профиль I попадают только организации с высокими показателями публикуемости, а также разницей в наборах данных, на которых эти вычисления проводятся. Наши расчёты пороговых значений по методике Минобрнауки также показывают большие расхождения с данными, опубликованными Межведомственной комиссией. Однако исходные данные, по которым вычислялись эти пороговые значения, недоступны. Без их изучения невозможно установить причины расхождения, а также аномально высокие пороги для некоторых референтных групп, относящихся к общественным и гуманитарным наукам.

* * *

Анализ расчётов оценок результативности по методике Министерства образования и науки РФ за 2013–2015 гг. из федеральной системы мониторинга для организаций, подведомственных ФАНО России, показал в высокой степени противоречивые результаты и привёл нас к выводу о нецелесообразности использования этой методики для задач ведомственной оценки научной деятельности. Оставаясь в рамках заданных постановлением Правительства РФ и другими руководящими документами принципов, удалось с помощью относительно небольших изменений значительно улучшить эту методику. Применение изменённой методики показало удовлетворительные результаты, которые могут быть переданы на экспертную оценку с це-

Таблица 4. Динамика средних значений показателей по всем организациям ФАНО, участвовавшим в расчётах

Показатель	2013	2014	2015
Показатель А	40,87	40,89	46,13
Показатель Б	12,17	13,15	13,89
Показатель В	0,57	0,59	0,64
Численность НПР (штатных единиц)	107,26	107,04	108,78
Финансирование на выполнение государственных заданий, млн руб.	95,97	106,76	106,22
Конкурсное и внебюджетное финансирование, млн руб.	58,12	66,65	75,51

Таблица 5. Распределение организаций по направлениям и профилям деятельности

Направление	Профиль I			Профиль II			Профиль III		
	2013	2014	2015	2013	2014	2015	2013	2014	2015
Математика	13	13	13	—	—	—	1	1	1
Гидро- и аэродинамика, микромеханика	6	6	7	—	—	1	2	2	—
Общая физика	19	18	18	2	5	6	12	10	9
Физика высоких энергий, ядерная физика	1	1	1	—	1	1	1	—	—
Исследования космоса, астрофизика и астрономия	6	8	7	2	1	1	1	—	1
Органическая и координационная химия	8	9	8	3	1	1	1	2	3
Неорганическая химия, химия твёрдого тела, материаловедение	10	8	9	—	1	1	2	3	2
Физическая химия, химическая физика, полимеры	9	12	8	—	—	—	6	3	7
Общая биология	44	45	44	1	—	1	3	3	3
Физико-химическая, молекулярная и клеточная биология, биотехнологии	23	19	19	—	1	1	2	5	5
География и окружающая среда	22	24	23	—	—	1	4	2	2
Геология, геохимия, минералогия	29	27	28	1	3	2	2	2	2
Физика океана и атмосферы, геофизика	11	12	12	2	1	—	2	2	3
Энергетика	7	9	8	1	1	2	5	3	3
Горные науки, горная инженерия и добыча полезных ископаемых	6	4	5	2	4	4	2	2	1
Химические технологии, включая нефтехимию	4	4	4	2	—	1	—	2	1
Технологии материалов, металлургия	3	5	4	2	1	2	2	1	1
Приборостроение и механика	4	3	4	—	—	—	2	3	2
Производственные технологии и технологии машиностроения	5	4	2	1	2	3	—	—	1
Проектирование и строительство	2	2	2	—	—	—	—	—	—
Транспортные системы и технологии		1	2	—	—	—	2	1	—
Компьютерные науки, включая информационные и телекоммуникационные технологии, робототехнику	22	21	22	3	2	4	8	10	7
Клиническая медицина и технологии первичной медицинской помощи	8	7	9	1	2	2	2	2	—
Фундаментальная медицина	32	31	35	3	1		3	6	3
Профилактическая и реабилитационная медицина	4	2	4	2	4	2	—	—	—
Фармакология и фармацевтика	1	1	1	—	—	—	1	1	1
Технологии растениеводства	84	95	92	22	24	27	46	33	33
Животноводство и ветеринарные науки	26	32	30	12	9	12	14	11	10
Продукты питания и технологии их производства	6	4	10	11	12	4	4	5	7
Исторические науки, культурология, искусствоведение	33	29	31	—	—	—	—	4	2
Филологические науки	9	8	8	—	—	—	—	1	1
Экономические науки, экономическая география	28	31	30	3	1	2	2	1	1
Юридические науки	1	1	1	—	—	—	—	—	—
Политология, международные отношения	10	9	11	—	—	—	1	2	—
Философские науки	2	2	2	—	—	—	—	—	—
Социология, демография	4	4	5	—	—	—	1	1	—
Психология и педагогические науки	1	—	—	—	—	—	—	1	1
Общее количество организаций	503	511	519	76	77	81	134	125	113

Таблица 6. Сравнение средних значений показателя А, рассчитанных по предлагаемой методике, полученных из опубликованных материалов Межведомственной комиссии (отклонение указано по данным 2014 г.)

Направление	2013	2014	2015	МОН 2014	Отклонение, % от МОН
Математика	76,01	83,92	92,10	146,75	42,81
Гидро- и аэродинамика, микромеханика	61,46	67,79	59,74	71,45	5,12
Общая физика	77,88	82,01	81,46	136,55	39,94
Физика высоких энергий, ядерная физика	68,32	65,17	69,48	137,50	52,60
Исследования космоса, астрофизика и астрономия	71,07	84,08	90,89	59,05	-42,39
Органическая и координационная химия	91,46	96,82	98,33	126,90	23,70
Неорганическая химия, химия твёрдого тела, материаловедение	85,59	71,90	82,20	86,00	16,39
Физическая химия, химическая физика, полимеры	82,31	73,64	86,03	79,35	7,20
Общая биология	47,39	50,26	51,71	49,30	-1,95
Физико-химическая, молекулярная и клеточная биология, биотехнологии	63,04	58,10	65,83	69,60	16,52
География и окружающая среда	52,11	50,14	59,02	53,70	6,63
Геология, геохимия, минералогия	44,75	48,40	47,72	49,30	1,82
Физика океана и атмосферы, геофизика	39,33	46,41	48,07	51,75	10,31
Энергетика	44,84	40,51	52,69	64,80	37,48
Горные науки, горная инженерия и добыча полезных ископаемых	36,43	32,27	34,78	40,90	21,10
Химические технологии, включая нефтехимию	50,40	58,25	60,57	64,80	10,10
Технологии материалов, металлургия	46,95	61,55	62,99	94,75	35,04
Приборостроение и механика	47,40	67,91	56,05	67,50	-0,61
Производственные технологии и технологии машиностроения	43,53	58,18	61,00	29,20	-99,23
Проектирование и строительство	14,29	—	14,29	46,90	—
Транспортные системы и технологии	31,21	22,63	29,64	52,15	56,62
Компьютерные науки, включая информационные и телекоммуникационные технологии, робототехнику	39,87	39,59	49,53	72,70	45,54
Клиническая медицина и технологии первичной медицинской помощи	46,16	48,10	50,23	62,75	23,35
Фундаментальная медицина	38,95	41,87	52,24	152,50	72,54
Профилактическая и реабилитационная медицина	45,82	53,59	73,22	38,35	-39,75
Фармакология и фармацевтика	34,54	34,12	39,63	53,05	35,68
Технологии растениеводства	14,54	14,19	18,16	54,55	73,98
Животноводство и ветеринарные науки	27,48	17,48	18,99	26,05	32,92
Продукты питания и технологии их производства	8,44	7,49	9,79	54,70	86,31
Исторические науки, культурология, искусствоведение	37,73	41,85	43,45	50,00	16,31
Филологические науки	66,63	57,49	61,00	274,15	79,03
Экономические науки, экономическая география	41,69	27,95	41,65	35,50	21,28
Юридические науки	41,21	40,97	41,96	104,15	60,66
Политология, международные отношения	53,37	55,67	72,03	152,50	63,49
Философские науки	28,09	64,90	75,29	217,20	70,12
Социология, демография	27,92	50,30	50,48	43,60	-15,36
Психология и педагогические науки	50,85	52,17	68,64	136,40	61,75

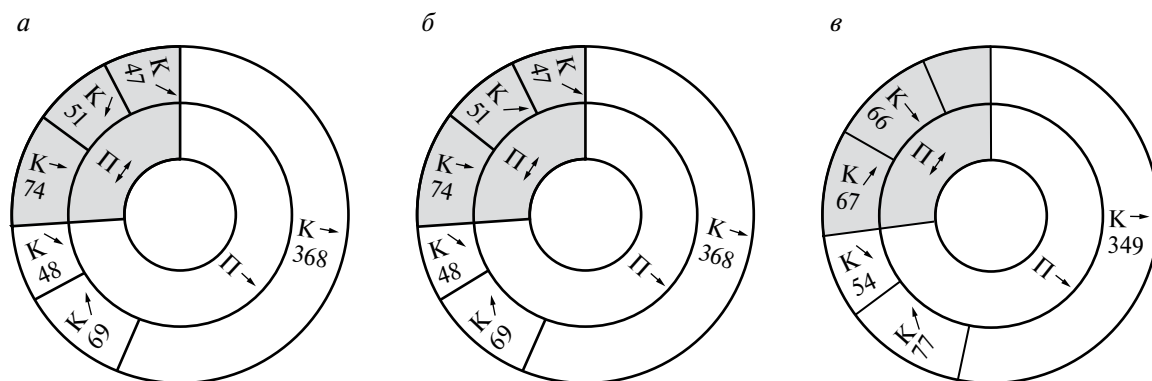

Рис. 4. Изменение итоговых профиля и категории (числами указано количество организаций)

a – в оценке 2014 г по сравнению с оценкой 2013 г.; *б* – в оценке 2015 г. по сравнению с оценкой 2014 г.; *в* – в оценке 2015 г по сравнению с оценкой 2013 г.; П→ – профиль не изменился; П± – профиль изменился; К↘ – категория ухудшилась; К→ – категория не изменилась; К↗ – категория улучшилась

люю подтверждения или корректировки на основе расширенной информации.

Впрочем, являясь лишь срезом сложной и многопараметрической системы академической науки, наша методика не лишена недостатков, которые необходимо принимать во внимание экспертам. Замечено, что крупным организациям редко удаётся достичь наилучших показателей в своих референтных группах. Чаше формальными лидерами оказываются учреждения среднего размера (от 80 до 200 исследователей, иногда до 300). Нередки случаи, когда наивысший показатель А имеют организации, штат которых составляет не более 20 сотрудников (однако они часто попадают во 2 категорию из-за низких дополнительных показателей). Действительно, крупным организациям трудно конкурировать со средними по удельной публикационной активности, хотя только они могут выполнять сложные проекты с высокими затратами на научную инфраструктуру (например, строительство в Институте ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН Супер чарм-тау фабрики). Кроме того, есть и такая проблема, как существенно различающееся количество организаций в разных референтных группах (от 1 до 117). Восемь из 37 референтных групп включают 5 и менее организаций, что ставит под сомнение статистическую значимость вычисления в них пороговых значений.

Наконец, измерение публикационной активности организаций, занимающихся исследованиями в области общественных и гуманитарных наук, в нынешнем виде нельзя признать оптимальным. Есть научные дисциплины, представители которых почти не публикуются в международных журналах, индексируемых в Web of Sciences или Scopus (например, отечественная история или этнология). Применение показателей из РИНЦ, которые сегодня легко подвержены манипуляциям, также нежелательно. Выходом может стать выделение в РИНЦ качественного ядра публикаций, например, на основе списка журналов

RSCI, однако сбор этих данных в системе мониторинга sciencemon.ru пока не предусмотрен.

В ходе анализа показателей, собираемых в федеральной системе мониторинга, методики МОН и результатов оценки, полученных по методике ФАНО России, можно сформулировать ряд предложений по дальнейшему совершенствованию методов количественной оценки результативности. Прежде всего с учётом наличия значительного количества крупных институтов с диверсификацией по профилям деятельности представляется целесообразной одновременная оценка по всем этим профилям. При этом из направлений деятельности выпал образовательный аспект, являющийся одним из основных для академических институтов. Обозначившаяся тенденция формирования мультидисциплинарных научных центров затрудняет оценку по профилю I “Генераторы знаний” в референтных группах по направлениям наук. Выходом может стать оценка отдельных подразделений таких организаций. Необходимо отметить, что в одно направление наук могут попасть дисциплины с существенно различной практикой публикуемости и цитируемости, что также затрудняет адекватную оценку в рамках референтных групп.

Как было показано выше, в расчёте оценки используется только малая часть показателей, собираемых в федеральной системе мониторинга, что объясняется прежде всего недостаточной достоверностью значений и неоднозначностью трактовки части показателей. В этой связи сама система показателей нуждается в качественной наукометрической оценке и модификации, а процесс сбора показателей – в профессиональном контроле качества. С учётом влияния закона Гудхарта также необходимо на постоянной основе заниматься анализом результатов количественной оценки и подстройкой всех элементов системы оценки с целью снижения возможности целенаправленной манипуляции показателями.

Авторы выражают благодарность сотрудникам Управления академического взаимодействия и обеспечения деятельности Научно-координационного совета Федерального агентства научных организаций России за предоставленные данные и консультативную поддержку, а также академику РАН В.А. Рубакову за конструктивные замечания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства РФ от 8 апреля 2009 г. № 312 “Об оценке и о мониторинге результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения” (в ред. Постановления Правительства РФ от 01.11.2013 г. № 979).
2. Приказ Министерства образования и науки РФ от 5 марта 2014 г. № 161 “Об утверждении типового положения о комиссии по оценке результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, и типовой методики оценки результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения”.
3. Приказ Министерства образования и науки РФ от 5 марта 2014 г. № 162 “Об утверждении порядка предоставления научными организациями, выполняющими научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, сведений о результатах их деятельности и порядка подтверждения указанных сведений федеральными органами исполнительной власти в целях мониторинга, порядка предоставления научными организациями, выполняющими научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, сведений о результатах их деятельности в целях оценки, а также состава сведений о результатах деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, предоставляемых в целях мониторинга и оценки”.
4. Guskov A., Kosyakov D., Selivanova I. Scientometric research in Russia: impact of science policy changes // *Scientometrics*. 2016. V. 107. № 1. P. 287–303.
5. Bence V., Oppenheim C. The Evolution of the UK's Research Assessment Exercise: Publications, Performance and Perceptions // *J. Educ. Adm. Hist.* 2005. V. 37. № 2. P. 137–155.
6. Augustin M., Baudrin M., Dauguet B. et al. Valuating Sciences through Research Evaluation: The Netherlands and France. Nijmegen: Radboud Honours Academy, 2014.
7. Abramo G., D'Angelo C.A. Evaluating research: From informed peer review to bibliometrics // *Scientometrics*. 2011. V. 87. № 3. P. 499–514.
8. Drew C.H. et al. Automated Research Impact Assessment: a new bibliometrics approach // *Scientometrics*. 2016. V. 106. № 3. P. 987–1005.
9. Anfossi A. et al. Large-scale assessment of research outputs through a weighted combination of bibliometric indicators // *Scientometrics*. 2016. V. 107. № 2. P. 671–683.
10. Паршин А.Н. Можно ли сопротивляться вторжению библио- и прочей метрики? И если да, то как? // Выступление на совещании представителей гуманитарных факультетов высших учебных заведений РФ “О совершенствовании системы оценки деятельности профессорско-преподавательского состава и научных работников” 6 июня 2016 г. <http://www.socrat-online.ru/page/mozhno-li-soprotivljajstvavtorzheniju-biblio-i-prochej-metriki-i-esli-da-to-kak>
11. Elton L. Goodhart's Law and performance indicators in higher education // *Eval. Res. Educ.* 2004. V. 18. № 1. P. 120–129.
12. Biagioli M. Watch out for cheats in citation game // *Nature*. 2016. V. 535. № 7611. P. 201–201.
13. Beall J. Predatory journals and the breakdown of research cultures // *Inf. Dev.* 2015. V. 31. № 5. P. 473–476.
14. European Commission. Assessing Europe's University-Based Research // *Research Policy*. 2010. № EUR 24187 EN.
15. Fursov K., Kuzmin G. Multidimensional Assessment of R&D Performance: Evidence from the 2014 Pilot Evaluation Exercise of Russian Public Research Organizations (May 29, 2015). <https://ssrn.com/abstract=2666631>
16. Приказ Министерства образования и науки РФ от 27 июня 2014 г. № 700 “О межведомственной комиссии по оценке результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения”.
17. Waltman L., van Eck N.J. Source normalized indicators of citation impact // An overview of different approaches and an empirical comparison. 2013. V. 96. № 3. P. 699–716.
18. Dorta-González P. et al. Journal topic citation potential and between-field comparisons // *The topic normalized impact factor*. 2014. V. 8. № 2. P. 406–418.
19. Приложение 2 к протоколу заседания Межведомственной комиссии по оценке результативности деятельности научных организаций от 14 января 2016 г. № ДЛ-2/14пр. Пороговые значения основных и дополнительных показателей в референтных группах. <http://www.sciencemon.ru/files/contentfile/31/prilozenie-2-porogovye-znachenia-osnovnyh-i-dopolnitelnyh-pokazatelej-v-referentnyh-gruppah.docx>

ТОЧКА
ЗРЕНИЯ

СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: КАКИМ ЕМУ БЫТЬ?

© 2018 г. С.В. Пирожкова

Институт философии РАН, Москва, Россия

E-mail: pirozhkovasv@gmail.com

Поступила в редакцию 27.11.2017 г.

В статье обсуждаются перспективы социальных и гуманитарных дисциплин в условиях так называемого технаучного этапа развития науки, характеризующегося тесным переплетением научно-исследовательской и научно-конструкторской деятельности и выдвиганием на первый план задач создания новых техники и технологий, а не получения фундаментальных знаний. В исторической перспективе автор анализирует особенности технаучи как специфической формы, с одной стороны, организации научного познания, с другой – взаимодействия науки и общества, разделяя процессы увеличения социальной ответственности науки и эффекты влияния ориентации на решение прагматических проблем на научный процесс, в частности, трансформацию методологических норм. Критически рассматриваются понятия социальных и гуманитарных технологий, разбирается ряд проблем, возникающих в связи с технологизацией социогуманитарного знания. Обосновывается, что технологическое развитие требует не только комплексного подхода, подразумевающего использование социально-гуманитарных технологий, но и социально-гуманитарного обеспечения, которое не может быть понято в технологическом ключе. Обсуждается дисциплинарный статус такого сопровождения, в частности, разбирается получившее в последнее время широкое распространение понятие “трансдисциплинарность”, делается вывод, что социогуманитарное обеспечение выходит за рамки профессиональной научной деятельности в область широкой социальной практики. В качестве примера такой трансформации рассматривается форсайт.

Ключевые слова: технауча, технологическое развитие, социальные технологии, гуманитарные технологии, социальное проектирование, философия техники, технологическое прогнозирование, социогуманитарная экспертиза, трансдисциплинарность, социальные практики, форсайт.

DOI: 10.7868/S0869587318050109

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ
ВИТАЛИЯ ГЕОРГИЕВИЧА ГОРОХОВА –
ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО УЧЁНОГО, ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И ЧЕЛОВЕКА

Обсуждаемая в последнее время идея конвергентного развития наук и технологий – фактора, который, может стать определяющим для будущего научно-технического прогресса, а значит, и человеческого общества (см., например, [1]), – заставляет

со всей серьёзностью подойти к вопросу о том, как должны (если должны) меняться функции социальных и гуманитарных дисциплин. Подчеркнём: сама эта проблема порождается не введением, например, С-компонента (социальные или социогуманитарные технологии) в конгломерат конвергирующих НБИК-технологий [1]. Она связана с более общей постановкой вопроса о социальных технологиях и утвердившимся в XX в. подходом, согласно которому социальные и гуманитарные науки должны, помимо прочего, обеспечивать сопровождение технологического развития, помогая в решении широкого круга возникающих социально-гуманитарных проблем. Сегодня уже далеко не так очевидно, что должно представлять собой такое сопровождение: составляющую социотехнического проектирования, узкопрофессиональную социогуманитарную

ПИРОЖКОВА Софья Владиславовна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН.

экспертизу, широкую социальную оценку техники или социальное проектирование и нормирование технологического развития. А если и то, и другое, и третье, и четвертое, то возникает сомнение: всё ли из перечисленного относится к технологиям?

ТЕХНОНАУЧНАЯ СТРАТЕГИЯ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Проблема будущего и стратегий развития социальных и гуманитарных наук (в обозначенной выше трактовке) обусловлена тем этапом развития науки, который принято обозначать термином “технонаука”. Содержание этого этапа представляется целесообразным понимать предельно широко, как это делают, например, А.Л. Андреев и П.А. Бутырин, отмечающие, что понятие технонаука отражает “ставшее неразрывным переплетение исследовательской деятельности с практикой создания и использования современных инновационных технологий” [2, с. 197].

Феномен технонауки следует рассматривать в двух взаимосвязанных, но неслиянных аспектах — в зависимости от того, с позиции какой из составляющих вглядываться на это целое. Если смотреть с позиции науки, то мы получаем двоякую картину: с одной стороны, огромной роли техники и технологий как среды научных изысканий, с другой — как внешней, а не внутренней, среды, задающей направление научных исследований. В первом случае существуют ограничения, накладываемые уровнем технико-технологического развития на возможности научного поиска (как наблюдательные, так и экспериментальные). Но при этом учёный формулирует техническую и технологическую задачи, исходя из того, какие техника и технологии нужны для продолжения научно-исследовательской работы, потребности которой первичны. Во втором случае приоритет оказывается за технологическим развитием: когда техника выступает внешней средой, то формируется запрос, идущий в противоположном направлении — от техники к науке. Задачи ставит уже не только учёный, но и (возможно, даже в первую очередь) потребитель плодов технического прогресса — общество. В качестве внешней среды техника оказывается своеобразным социотехническим гибридом — в том смысле, что логика её развития — это, по крайней мере, отчасти, логика социальных целей и потребностей.

Если смотреть на технонауку со стороны техники и технологий, то нужно отметить их наукоёмкость, поскольку их развитие предполагает разнообразные научные исследования, в том числе фундаментальные. Этот план смыкается с ролью техники как внешней среды, функционирование и развитие которой наука должна обеспечивать.

Таким образом, феномен технонауки предстаёт перед нами в двух ипостасях. Первая — переплетение фундаментальных научных исследований и разработки техники и технологий, обусловленное потребностями познавательной деятельности, продвижение которой по путям исследования мира требует наращивания технической изощрённости и соответствующего технического арсенала. Вторая — сближение фундаментальных научных исследований и разработки техники и технологий, продиктованное общественным запросом на совершенствование человеческих возможностей и функционала, включая трансформацию среды обитания и самого человека. Второй лик технонауки сопряжён с феноменом “прикладнизации” научного знания, под которой имеется в виду “нарастание массива прикладных исследований” [3, с. 68], массива “исследовательских ситуаций, жёстко мотивированных решением конкретных практических задач” [4, с. 113].

В некотором смысле технонаука — феномен, отвечающий идее конвергенции как идее сближения и взаимного усиления независимых процессов: с одной стороны, науки, с другой — техники [5, с. 72–77]. Как аргументированно заключает отечественный философ науки А.Л. Никифоров, исследуя становление науки Нового времени, “с самого начала она формировалась и развивалась как технонаука” [6, с. 47]. Не лишним будет уточнить, что под наукой мы понимаем не только новоевропейский феномен, но и те традиции, с которыми он связан преемственностью, — средневековую и античную науку. Последняя включала в себя и умозрительную составляющую (метафизику), и эмпирическую (астрономию, зоологию и пр.), а также развитую математику. Античный методологический императив научного познания предполагал жёсткое разделение естественного и искусственного, а значит, познания и технического творчества. Поэтому античная наука опиралась на *зрение* — *умозрение* и *эмпирическое наблюдение*. Новоевропейский идеал, наоборот, исходит из трактовки искусственного, а именно математических конструкций, мыслительных экспериментов и реальных сконструированных исследователем ситуаций — экспериментальных ситуаций — в качестве основных инструментов познания природы [7, с. 152–155, 250–263]. Такая форма познания предполагает развитие технического мастерства в помощь научному познанию. Кроме того, новоевропейский учёный питал активный интерес не только к познанию, но и к преобразованию, улучшению и облегчению человеческой жизни. Эксплицированный идеал *полезной* науки мы находим уже в сочинениях Ф. Бэкона, а олицетворение этого идеала — в фигуре Г. Галилея [8].

С учётом обозначенных факторов можно сказать, что новоевропейская наука возникла если и не как технотехника, то, по крайней мере, как прототехника. Почему же сам термин и соответствующая дискуссия в области науковедения и философии науки возникает только в последние десятилетия? Это связано, на мой взгляд, с осознанием и экспликацией тех процессов, которые выше были обозначены как два лика техники, то есть с осознанием, во-первых, зависимости познавательного процесса и получаемого научного знания от используемого инструментария (не только методологии, но и технических средств) [9], во-вторых, социальной ответственности науки. В последнем случае речь идёт не только об осознании последствий применения научных знаний, не только об этических коллизиях, сопряжённых с приложениями чисто познавательного продукта, но и о том, что наука должна давать обществу и человеку нечто большее, чем знание как таковое. Знание должно быть применимым, полезным, ориентированным на совершенствование окружающего мира, а не на то лишь, чтобы понять, как этот мир устроен. Другими словами, учёный не может ограничиться удовлетворением собственного любопытства за государственный или частный счёт.

Оговоримся, что в решении практических проблем и улучшении условий человеческой жизни, разумеется, нет ничего плохого. Наука, далёкая от нужд социума, — идеал, не популярный не только в обществе в целом, но и в научном сообществе. Однако тенденция, которая фиксируется термином “прикладнификация”, означает не увеличение социальной ответственности науки, но трансформацию научного познания как такового. Ориентация на решение прагматических проблем формирует повестку дня научных исследований иногда в противовес внутренней логике их развития и может приводить к искажению методологических норм, регулирующих процесс научного познания. Например, ограничения накладываются на открытое представление процедур получения знания, когда последнее становится конкурентным рыночным продуктом [3, с. 79], и воспроизводство результатов [10].

В социальную науку императив переориентации с познания ради познания на познание ради преобразования был введён К. Марксом, заявившим в одиннадцатом тезисе о Фейербахе, что ранее “философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его” [11, с. 4]. Сегодня каждый работающий учёный, в том числе гуманитарий, при написании программ научных исследований в рамках госзаданий или заявок на гранты вынужден ориентироваться не только на получение чистого, самоценного знания, но и на решение практических задач. В этих реалиях социогуманитарные дисциплины должны не просто

прорабатывать какие-то проблемы, строя объяснительные теории, но и заниматься злободневными, остроактуальными темами и предоставлять в числе результатов набор рекомендаций практического характера. Это, скажем так, первый уровень. На втором уровне любое социальное и гуманитарное исследование должно приобретать черты техники: мало дать рекомендацию, нужно осуществить некую локальную трансформацию, созидательное действие.

С-компонент НБИКС-проекта, как следует из вышесказанного, — яркий пример того, что можно назвать технотехнической стратегией развития науки, в частности социальных и гуманитарных дисциплин. Однако С-компонент оказывается внутренне противоречивым. Поскольку, в соответствии с изначальным замыслом экспертной группы, возглавляемой М. Роко и У. Бейнбриджем, НБИКС-конвергенция предполагает совершенствование функциональных возможностей человека [12], то социально-гуманитарная составляющая должна выступать центром всего проекта. Именно из этой перспективы должны выстраиваться целеполагание, прогнозирование, оценка и контроль. В то же время под С-компонентом НБИКС-конвергенции обычно понимают нечто иное. Присоединяясь к связке НБИКС как одно из технологических направлений, социогуманитаристика включается в дискурс, который носит преимущественно технократический характер, когда технология понимается главным образом в узком смысле — как схема производственной деятельности. Но чем в действительности являются социальные и гуманитарные технологии?

БУДУЩЕЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Упростив или, точнее, очистив смысл понятия “социальная/гуманитарная технология” до идеи *прикладного использования фундаментальных знаний* социальных и гуманитарных наук [13], мы тем не менее не обойдёмся без ряда содержательных уточнений. Поскольку чёткая дефиниция будет носить нормативный характер, нужно сначала зафиксировать, что имеет место на практике, что выступает под именем социальных и гуманитарных технологий. Это позволяет выявить расхождения между методологическим идеалом и практикой, а значит, и риски последней.

Прежде всего уточним: под прикладным использованием мы подразумеваем *преобразовательную деятельность*. Преобразовательный характер не сводится к материальной переработке, но указывает на любую рационализацию, на то, что Б.Г. Юдин определял как технологическую установку — стрем-

ление «так или иначе упорядочить, организовать и даже поставить на службу своим интересам хаос “естественного”» [14, с 56]. Ещё один признак технологии, помимо того, что это деятельность по переработке естественного в искусственное, заключается в отработанности и закреплении определённой деятельностной схемы [15]. Другими словами, технология — не просто преобразовательная, но алгоритмизированная преобразовательная деятельность, предполагающая чёткое определение цели и средств, а значит, и конечного результата. Социальной такая деятельность выступает сразу в нескольких смыслах. Во-первых, как возникающая и реализуемая в социуме, субъектом которой выступает социализированный индивид, а не, например, ребёнок-маугли. Во-вторых, социальность обуславливается её объектом, то есть социальными технологиями — это деятельность по преобразованию социальных объектов (общественных институтов, форм коммуникации между социальными акторами или даже любых объектов, имеющих социальное значение). Наконец, в-третьих, технологии оказываются социальными в силу используемых средств преобразования — знаний социальных наук, а не обыденных представлений сложившихся в социальной практике.

Два последних критерия верны и в отношении гуманитарных технологий с тем уточнением, что объектом воздействия гуманитарных технологий оказываются люди, а социальных — социальные объекты. Строго говоря, если технологии социальные, то речь должна идти о социальных институтах, а значит, о человеческой деятельности, объективированной в форме той или иной функционирующей социальной структуры. Если речь идёт о влиянии на людей, на их психологическое, интеллектуальное, ценностно-мировоззренческое состояние, то мы имеем дело уже не просто с социальными, но как минимум с социально-гуманитарными технологиями. Понятно, что отделить человеческое поведение от порождения социальных структур довольно сложно, поэтому зачастую говорят именно о социогуманитарных, а не просто социальных технологиях. Такое уточнение, кроме того, снимает полисемию термина “социальное знание”, связанную с тем, что социальным оказывается практически любое человеческое знание.

Учитывая эту особенность, получаем два типа социальных технологий. Первые реализуются в способах влияния на людей со стороны других людей и носят, таким образом, социогуманитарный характер. Они могут выступать и в односторонней форме (например, конкретные воспитательные и образовательные технологии), и в форме взаимного воздействия (например, психологические тренинги и группы психологической поддержки). Влия-

ние может быть не только непосредственным, но и опосредованным через воздействие на совокупность социальных условий (система непрерывного образования как социально-гуманитарная технология). Второй тип — воздействие на социальные объекты со стороны отдельных социальных субъектов или со стороны общества в целом (например, технологии организации экономического процесса). Такое воздействие, безусловно, имеет гуманитарные последствия, но в качестве побочного, а не целевого продукта.

На практике под социальными и гуманитарными технологиями зачастую понимают не способы преобразования, основанные на научных знаниях и отработанных схемах деятельности, а такие, которые отличаются относительной алгоритмизированностью, но не обязательно связаны с научными знаниями. Ведущим оказывается не критерий наукоёмкости преобразования, а его направленность на объект определённой природы — социальную и гуманитарную реальность. Действительно, для социальных преобразований, по крайней мере, локальных, никакие специальные инструменты не нужны, достаточно обыденных знаний и обобщений. Более того, существенный пласт деятельностных форм носит технологический характер и опирается на познание, которое не отнесёшь ни к обыденному, ни к псевдонаучному (примером могут служить различные виды тренингов, управленческих методик, методик работы с персоналом).

Эта ситуация не уникальна, она повторяет развитие техники и технологий, которые сегодня связаны с естественно-научным знанием и техническими науками, но на протяжении большей части истории человечества не опирались на научное познание. Напомню, что в Древней Греции слово “*techne*” обозначало искусство, умения, отличавшиеся рационализированным характером, отработанными процедурами, опиравшиеся на практику (практическая рациональность), но не требовавшие фундаментальных познаний и теоретических исследований. Затем “*techne*” эволюционировало в деятельность, связанную с научными знаниями, производство которых к XIX в. обособилось в виде технических наук [16]. Однако предметом этих наук не были общество и человек.

В замечательной дефиниции сути технологии (как основанного на научном познании преобразования), данной В.Г. Гороховым, под природой понимается лишь то, что исследуется естественно-научными дисциплинами: “Технология стремится сначала определить материальные условия и искусственные средства, влияющие на природу в нужном направлении и заставляющие её функционировать так, как это нужно для человека, и лишь потом на основе полученных знаний задать требо-

вания к этим условиям и средствам, а также указать способы и последовательность их обеспечения и изготовления” [17, с. 84]. Эту дефиницию можно использовать применительно к социальным и гуманитарным технологиям с той оговоркой, что в этой области технология во многом ближе к античному “*techne*”, поскольку соответствующие социально и гуманитарно ориентированные технические науки ещё не сформировались. Современные социогуманитарные технологии опираются не только на научные знания, но и на эмпирические обобщения, типологизации, схематизации, классификации и т.д., научный характер которых ещё нужно доказать.

Обозначенная специфика позволяет определить первый источник рисков, связанных с социальными и гуманитарными технологиями: они не всегда научно обоснованны, а их апробация организационно и институционально не оформлена. Второй источник рисков — реализуемость любых технологий, в том числе социальных и гуманитарных, в соответствии с примитивной механистической логикой — как совокупности “приёмов контроля и манипулирования” [18, с. 77]. Тогда варианты социальных и социально-гуманитарных технологий, о которых говорилось выше, оказываются не более чем практиками манипулирования людьми со стороны других людей — взаимными или односторонними, через психологическое влияние или создание соответствующих социальных условий.

Технология действительно, как правило, предполагает однонаправленный контроль субъекта за объектом технологической деятельности, но возможны и технологии, например, коэволюционного развития [19]. Другими словами, воздействие не обязательно должно пониматься механистически; абсурдно, в частности, подходить с такой меркой к воздействию воспитателя на своего подопечного. Тем не менее особенность современных социально-гуманитарных технологий, по мнению Б.Г. Юдина, состоит в том, “что в большинстве случаев результатом, на получение которого они направлены, является та или иная поведенческая реакция индивида” [14, с. 63]. Именно поэтому в обыденном понимании под социально-гуманитарными технологиями имеются в виду методы воздействия одних людей или социальных групп на других людей или социальные группы. Такие методы, по сути, представляют собой более рационализированную форму обычных для общества взаимодействий, когда один человек либо группа, преследуя свои интересы, относится к другому как к средству достижения цели (в той или иной степени).

Однако это только одна форма существования современных социально-гуманитарных техноло-

гий. Вторая востребована в контексте комплексного социотехнического проектирования как неразрывно связанного с определёнными социальными, политическими, психологическими, правовыми и тому подобными условиями. Такое проектирование всё более сдвигается от системотехнического, когда социальные аспекты подчинены техническому замыслу, к собственно социотехническому подходу [20]. Этот подход предполагает не производственно-рыночную логику — есть продукт, который нужно реализовать, а значит, нужно создать условия для его реализации, в том числе манипулируя человеческими потребностями, желаниями и мотивациями. Его логика противоположная — от действительных потребностей к определённому комплексному социально-техническому результату. В таком контексте социально-гуманитарные технологии направлены не только на доведение технологического продукта (который неизбежно оказывается и социальным объектом), повышение его конкурентоспособности, но и на выявление и устранение негативных социальных последствий его внедрения. В данном случае и наивный механицизм, и оторванность от социально-гуманитарных знаний в значительной степени преодолеваются.

И всё-таки, как отмечал В.Г. Горохов, социотехническому проектированию присущ собственный недостаток: оно представляет собой преимущественно интеграцию технологического и социального проектирования, но не видение технологического развития с точки зрения социогуманитарного анализа. Однако именно такой анализ должен сопровождать проектирование социального контекста внедрения новой техники. Это особенно верно в отношении тех или иных проектов совершенствования человека, на которые так богаты последние десятилетия [21]. Отсутствие подобного анализа ведёт к дегуманизации и десубъективации научно-технического развития.

Во-первых, надо понимать, что в условиях комплексного проектирования не только технические проекты благодаря социальным технологиям будут становиться более адекватными действительным человеческим потребностям. Мы получим и обратный эффект. Вне зависимости от решения вопроса о реалистичности проекта НБИКС-конвергенции, согласимся с В.А. Лекторским, что «главные сдвиги в социальных технологиях сегодня и завтра связаны с развитием технологий “конвергирующих”» [21, с. 179]. С учётом рисков недостаточной теоретико-научной обоснованности и часто манипулятивного характера социальных технологий их усиление благодаря информационным (здесь конвергенция — уже состоявшийся факт), био- (по оценке В.А. Лекторского, это ближайшее будущее), нано- и когнитивным технологиям (в более отдалённой перспективе) [21, с. 179] может привести к реали-

зации самых мрачных антиутопий и даже к ситуации, когда реальной окажется “опасность использования социальных технологий для уничтожения человека” [21, с. 188].

Во-вторых, помимо рисков, возникающих при сращивании различных технологий, есть вероятность того, что подобные эффекты будут достаточно долго оставаться незамеченными, поскольку социальные акторы, озабоченные текущими задачами и проблемами, теряют общую перспективу и игнорируют долгосрочные социальные и антропологические последствия реализуемых проектов. Ими движет в основном экономическая целесообразность без учёта цивилизационного значения крупных социотехнических инициатив. Это равносильно потере стратегического и системного видения социального развития, в результате чего логика тех или иных локальных процессов и их результирующие векторы подчиняют себе организаторов, нацеленных на завоевание локального тактического преимущества. Поэтому необходима социогуманитарная деятельность, направленная на анализ тенденций и проектов, подобных НБИКС-конвергенции, то есть то, что принято называть *социогуманитарной экспертизой*. Но здесь возникает вопрос, может ли последняя рассматриваться как своего рода социальная технология.

ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СТАТУС СОЦИОГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Социогуманитарная экспертиза техники и технологий генетически связана с философской, а также дисциплинарной рефлексией над техникой и технологическим развитием. Вопрос о технике в широком смысле слова, включающем в себя и то, что относится к технологиям (алгоритмам и схемам производственной деятельности), является одним из главных открытий философии XX в. Открытие это имеет специфический характер, поскольку совершается не только в рамках собственно философского изыскания, да и результат его — не только философская дисциплина, институализированная благодаря каноническим текстам, учебным курсам, направлениям специализации и профессиональной подготовки. Философия техники не сводится к философии как научной дисциплине, но представляет собой феномен, концептуализировать который нужно в иных понятиях. Я бы предложила использовать понятие *дискурса* — совокупности языковых практик, которые формируются вокруг некоторого предмета или феномена и в ответ сами начинают его формировать. Понятие дискурса позволяет реконструировать становление особого разговора о технике, который не редуцируется к специальной области профессиональных фило-

софских изысканий, а являет собой “философию” в более широком смысле — как рефлексию относительно некоторой проблемы. Такая рефлексия может осуществляться и профессиональными философами, и философствующими представителями иных специальностей, и даже обывателями, небезразличными к непосредственно затрагивающим их процессам технологического развития.

Рефлексия по поводу техники зарождалась одновременно в среде философствующих инженеров и профессиональных философов [22, с. 11–29], начиная с конца XIX в., то есть формировалась как междисциплинарный феномен. В фокусе внимания оказались проблемы общего понимания техники, её природы (сущности), перспектив её развития. Дальнейшая эволюция проблематики шла по двум направлениям. С одной стороны, возникали различные области исследований, так или иначе связанные с проблемой техники, — история техники, история и методология технических наук, а также инженерной деятельности и проектирования. С другой стороны, техника попала в фокус интереса крупных мыслителей XX в. (Х. Ортега-и-Гассет, Ф. Юнгер, М. Хайдеггер, К. Ясперс и другие), их она волновала прежде всего в антропологической и историко-культурной перспективе.

Методологические и историковедческие вопросы развития технической деятельности и технических наук прочно вошли в проблематику философско-методологического изучения науки, что привело к формированию синтетических областей: в России — направления, именуемого “философия науки и техники”, в англоязычных странах, в основном США, — междисциплинарной области исследований науки и техники (“science and technology studies”) [23], в европейских странах — корпуса изысканий, связанных с проблематикой устойчивого социально-экономического развития [5]. *Философия техники* в этом контексте либо превращается в название для направления междисциплинарных исследований, либо идентифицируется как одна из составляющих полидисциплинарного поля изучения техники.

Философию делает именно философией, во-первых, целостное, во-вторых, проспективное (прогностическое и/или проективное), в-третьих, социокультурно ориентированное рассмотрение предмета. Последнее означает, что техника, технические науки и инженерная деятельность анализируются как культурные и социальные феномены. Всё это говорит о том, что философское исследование не сводится к истории, социологии и культурологии и не поглощает их, но тесно взаимодействует с этими дисциплинами. Кроме того, в силу названных отличительных особенностей философское рассмотрение обнаруживает себя как важней-

шая составляющая социогуманитарной экспертизы техники и технологий.

В описанном виде философия техники получает дисциплинарное оформление, однако продолжает отличаться от академической философской дисциплины классического образца, прежде всего потому, что начинает отражать тенденцию на прагматизацию научного знания, о которой говорилось выше. Применительно к философии техники это означает реализацию не только размышлений о сути технического, но и рефлексивного обеспечения принятия решений, связанных с использованием и развитием техники (в том числе в форме консультирования). Таким обеспечением становится *оценка техники* (technology assessment), которой ведущие специалисты в области философии техники В.Г. Горохов и А. Грунвальд дали соответствующее определение: “Социальная оценка техники как область исследований является составной частью философии техники, а именно прикладной философией техники” [24, с. 138]. Определение “социальная”, добавляемое к термину “оценка”, призвано фиксировать специфику оценивания – не технической пригодности и эффективности, а социального и, шире, социогуманитарного значения той или иной инновации. В мировой практике именно оценка техники или, как её ещё называют, техноэкспертиза составляет основу социогуманитарного обеспечения технологического развития.

Содержание довольно широкой и разнообразной области, выделяемой в качестве оценки техники, – “систематическое и многостороннее исследование и раннее распознавание на основе всех имеющихся знаний возможных последствий научно-технического развития” в целях обеспечения “принятия научно обоснованных решений” [24, с. 137]. “Все имеющиеся знания” подразумевают, во-первых, знание истории технологического развития с учётом его культурной и социальной обусловленности, теоретико-познавательной, методологической и этической проблематики, во-вторых, результаты реализации сценарного метода исследования перспектив [25, 26]. Очевидно, что это – метауровень, требующий множества специальных знаний: собственно технических (понимания, как тот или иной технический объект функционирует, как следует его создавать и эксплуатировать), естественно-научных (понимания, как технический объект впишется в естественную среду, каковы основания для его дальнейшего развития, как его безопасно утилизировать и т.д.), социогуманитарных (понимание институциональных, экономических, политических, социально-психологических условий и ограничений реализации некоторого технического проекта).

Нужно отметить, что для эффективного управления технологическим развитием оценок в форме именно прогнозов оказывается недостаточно. Если бы техника развивалась, следуя своим имманентным законам, ни на что иное, кроме прогнозирования, человек не мог бы опереться. Но в той мере, в какой люди свободны ставить цели, выбирать конкретный проект из нескольких возможных, технологическое развитие оказывается не только прогнозируемым, но и конструируемым. И хотя даже продуманные человеческие действия порождают непредвиденные последствия, это не мешает ставить задачу управления технической средой и её формирования. Данная идея ложится в основу концепций *конструктивной оценки техники* [27] и *общественно регулируемого создания/развития техники и технологий* [5]. С точки зрения А. Грунвальда, в рамках социогуманитарного сопровождения технологического развития определяются рамочные условия последнего, “в которых отражаются общественные интенции” [5, с. 41]. Ясно, что это могут быть условия, касающиеся как конкретной продукции, так и масштабных решений, связанных с целыми направлениями технологического прогресса.

Таким образом, социальная оценка техники – структурно дифференцированное и совершенно неклассическое с точки зрения философии и методологии науки явление: это область междисциплинарных исследований, отличающихся социально-гуманитарной, проблемной, прогнозной и проектной направленностью и интегрирующих собственно исследовательскую и технологическую, в том числе социально-проектную, деятельность. На уровне непосредственной организации деятельности по сопровождению технических проектов оценка техники воплощается в ряде социальных технологий, но при этом к ним не сводится. Более того, оценка техники подтверждает то, что давно известно в естественных и технических науках, а именно: эффективная технология предполагает наличие области фундаментальных исследований и соответствующей иерархически выстроенной системы знаний, где одни знания теснее, а другие слабее связаны с данной конкретной прикладной задачей. Это значит, что если расширение сферы прикладных исследований ведёт к прикладнизации фундаментальной науки, то в перспективе неизбежна деградация прикладного знания, а значит, и технических возможностей. Тем самым мы получаем ответ на поставленный вопрос о перспективах социальных и гуманитарных наук (и не только их): расширение их прикладного содержания необходимо, но оно не должно вести к сужению традиционных исследований, что имеет своим следствием системный кризис. Что касается вопроса о роли социально-гуманитарных наук в процессах конвергентного развития наук и технологий, в частности

в рамках НБИКС-проекта, то любое комплексное преобразование человеческого жизненного мира может включать С-компонент на паритетных началах, но только при условии проведения внешней междисциплинарной оценки, ядром которой выступают наиболее фундаментальные, если угодно философские, проблемы, и которая по своей направленности является социогуманитарной, а не технократической или узко сциентистской.

ОТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ К СОЦИАЛЬНЫМ ПРАКТИКАМ

Помимо фундаментальных и прикладных исследований в области социально-гуманитарных аспектов и последствий технологического развития, а также обеспечения комплексного социотехнического проектирования, на социальные и гуманитарные науки ложится ещё одна функция. Я бы определила её не как разработку социальных технологий, но как *сопровождение специфических социальных практик* — практик вовлечения широких кругов населения в процессы управления общественным, включая технологическое, развитием.

Примечательно, что несколькими годами ранее процитированной выше работы [24] В.Г. Горохов определял оценку техники как “новую формирующуюся область научно-технического знания” [28], но не как прикладную философию. Что заставило скорректировать это определение? Уже в статье [28] автор признаёт, что *междисциплинарность оценки техники переходит в трансдисциплинарность*, суть которой заключается “в усилении участия общественности в принятии решений в области научно-технической политики и в необходимости разъяснения содержания научно-технических проектов неспециалистам” [28, с. 80]. Думаю, именно этот аспект заставляет говорить об оценке техники как разновидности прикладной философии. Принятие решений в области научно-технического развития требует рефлексивного обеспечения в том самом широком значении термина “философия”, о котором говорилось в начале предыдущего раздела статьи, — как разговора о технике, объединяющем не только тех, кто непосредственно занимается её созданием, но и внешних наблюдателей. Часть таких наблюдателей занимается рефлексией профессионально (философы и методологи). Другая часть формируется из тех, кого можно охарактеризовать в качестве обывателей/потребителей/представителей гражданского общества (в данном случае эти понятия используются как синонимичные, хотя в действительности это, разумеется, не всегда так). А значит, мало наладить взаимодействие в научной среде, нужно наладить его и с обществом. В свою очередь механизмы такого взаимодействия определяются ответом на вопрос о том, кто является дей-

ствительным субъектом технологического процесса — сообщество инженеров, научное сообщество, государство или общество в целом?

Самый очевидный механизм принятия решений в области научно-технического прогресса предполагает участие управленцев, действующих на основании экспертных оценок. Но кто обеспечивает эти экспертные оценки? Кто санкционирует выбор того или иного направления технологического развития? Кто даёт добро на осуществление того или иного проекта? Кто выступает носителем знания в рамках трансдисциплинарной оценки техники?

Трансдисциплинарность понимается сегодня и как своеобразная высшая стадия развития междисциплинарности — подлинная интеграция различных дисциплинарных знаний и познавательных средств, достижение метауровня в интеграции научных знаний [29] (обозначим её ТД1), и в смысле выхода за пределы науки и научного способа познания и решения тех или иных проблем (ТД2) [30]. Сообразно с этим первая развилка в понимании экспертных процедур сводится к вопросу, должны ли в качестве экспертов выступать только учёные или также те, кто отвечает за техническую и организационную деятельность, обладая большим массивом практических знаний, — не теоретики управления, а успешные действующие менеджеры, не учёные-материаловеды, а те, кто производит требуемый продукт? Привлечение практических знаний, противопоставляемых фундаментальным знаниям как локальные и ситуационные, направлено на сокращение дистанции между возникающими проблемами и потребностями, с одной стороны, и корректировками рамочных условий технологического развития или реализации конкретных социотехнических проектов — с другой. С теоретико-познавательной точки зрения, во втором случае мы получаем познавательные практики, воплощающие идеал не теоретически обоснованного фундаментального знания, а знания практически, опытно апробированного, причём в широком смысле, а не только в смысле эмпирической проверки (в связи с этим появляются такие понятия, как “практический опыт” [30]).

Вторая развилка предполагает ещё большее расширение смысла трансдисциплинарности. Выше речь шла об экспертах — носителях особого типа знаний, обусловленных наличием опыта в сфере той или иной профессиональной деятельности. Но должен ли эксперт обязательно быть профессионалом? Коль скоро во главу угла ставится наличие практического опыта и практических знаний, то экспертом может выступать и непрофессионал — тот, кто не получал специального образования, не владеет специальным профессиональным языком и усвоенной в образовательном процессе системой навыков и умений, но кто

тем не менее обладает какими-то исключительными знаниями и навыками, важными в контексте поставленной проблемы. Так возникает идея эксперта-непрофессионала [31] — представителя гражданского общества, сознательного или безразличного гражданина, потребителя, и, соответственно, ещё одна модель трансдисциплинарности (ТД3).

Такая трансдисциплинарность не претендует на то, чтобы заменить собой дисциплинарность и междисциплинарность или ТД1 и ТД2, либо вытеснить научность в целом. У каждого вида познавательной деятельности существует определённая, безграничная область компетенции. Интуитивно любой человек понимает, что обсуждать детали процесса термоядерного синтеза или реакции гидролиза трансдисциплинарным коллективом — дело ненужное и бессмысленное. Но вот вопрос о строительстве энергетической станции в данном месте и в данных социально-экономических условиях — это уже вопрос для трансдисциплинарной дискуссии (в форме как ТД2, так и ТД3).

Трансдисциплинарный (ТД3) характер развития технаук и оценки техники как сопровождающей это развитие практики вряд ли может быть сегодня оспорен. Вопросы социальной полезности, а также ценностные коллизии, особенно возникающие в связи с программами улучшения человека, делают исключительно научную и профессиональную оценку и обоснование принятия решений в области технологического развития неприемлемыми. Причём не только с этической точки зрения (вопрос о том, как быть и быть ли вообще человеку в его нынешней биологической и социокультурной ипостаси, не могут решать немногие, пусть и умнейшие представители человечества), но и с эпистемологической, а также с точки зрения повышения эффективности любой деятельности.

Эпистемологические основания сводятся к тому, что для адекватной оценки текущего состояния и перспектив техники и технологий, помимо научных, необходимы знания, которые могут быть определены как локальные, связанные с повседневным опытом членов социума — потребителей некоторого технико-технологического новшества. Здесь действует принцип неклассической и постнеклассической рациональности [9], в соответствии с которым не существует позиции наблюдателя, способного ухватить некий феномен во всём его многообразии. Каждая точка зрения/наблюдения даёт эпистемически значимую информацию, которая не может быть получена иным образом. При этом требуются не только методологическое разнообразие и множественность дисциплинарных онтологий (неклассика), но и выход за пределы только научного познания и только научной картины мира (постнеклассика). В случае сверхслож-

ных объектов, какими являются технологический процесс и технологическая среда, наиболее полное представление о тенденциях развития можно получить, интегрируя множество точек зрения (этот принцип находит отражение в некоторых методах технологического прогнозирования и техноэкспертизы, в частности в методе Дельфи [32]).

Кроме познавательного немаловажен практический, конструктивный аспект: технологическое развитие — процесс, порождаемый многими социальными акторами. Поэтому наибольшей эффективности можно достичь, согласовывая их действия, а не просто аналитически формулируя рамочные условия и выясняя позиции отдельных участников. Как только в области оценки техники отчётливо формулируется идея рефлексивности мнений и позиций, которые недостаточно учесть, но которые нужно согласовывать, открывается перспектива её трансформации из консультативной практики, обеспечивающей принятие решений, в практику их коллективной выработки. Такой практикой оказывается, в частности, форсайт.

Форсайт — становящийся социальный и эпистемический феномен, и поэтому он может быть концептуализирован и определён несколькими способами [33]. Наиболее широкое понимание: форсайт — это комплексная деятельность, предмет которой составляет социальное будущее (локальное — какой-либо социальной группы, института, или общества в целом), а цели, средства и результаты указывают на процесс интеграции традиционных деятельностных подходов к будущему, включая прогнозирование, планирование, проектирование, рефлексивное сопровождение, социальное конструирование [33]. В каждом конкретном случае могут превалировать различные цели и соответствующие им средства и результаты — познавательные, планово-проектные, рефлексивные, социально-конструктивные. Тем не менее независимо от того, о каком форсайте идёт речь — проектно, прогнозно или социально-технологически ориентированном, связь с другими составляющими здесь теснее, чем при традиционном социальном и технологическом прогнозировании, планировании, оценке техники и т.д.

Принцип участия (или партисипационный подход), то есть стратегия привлечения различных социальных агентов к прогнозированию и планированию, — одна из характерных особенностей форсайта [34, р. 8]. Но наиболее полно он проявляется в той разновидности форсайт-проектов, которую можно определить как *делиберативный форсайт* и которая предполагает коллегиальное рассмотрение и обсуждение [35]. Делиберативный форсайт опирается на такие методы, как проведение круглых

столов и конференций, организация экспертных панелей и т.п.

Делиберативный форсайт интегрирует социогуманитарную оценку техники в более широкую деятельностьную схему, в рамках которой консультант, которым оказывается уже не просто профессионально подготовленный специалист, но обладатель особой познавательной перспективы и уникальных знаний, осознаёт себя и выступает не только в качестве эксперта, оценивающего уже имеющиеся проекты или указывающего на новые возможности, но участника процесса технологического развития.

Рассматривая делиберативный форсайт в его процессуальном аспекте, с точки зрения деятельности схемы, можно говорить о форсайте как технологии выработки стратегических решений в области социального и технологического развития, а также форм взаимодействия социальных акторов, а значит, как о *социальной технологии*. Однако делиберативный форсайт как трансдисциплинарный (ТДЗ) феномен неизбежно перерастает рамки социальной технологии. Общественная дискуссия может быть подкреплена социальными технологиями, но свести её к ним нельзя. Что касается содержания этих технологий, то результативность дискуссии, нацеленной на выработку оценки и нормативных условий технологического развития, гарантирована в двух случаях.

Первый – реализация манипулятивных социально-гуманитарных технологий, что определённо не следует рассматривать в качестве приемлемого варианта ни с точки зрения ценностей гуманизма, ни с прагматической точки зрения: централизованный контроль, так же как взаимное манипулирование, в долгосрочной перспективе оказывается менее эффективной стратегией, чем достижение компромисса. Например, “зелёное” лобби может организовать форсайт, в результате которого все участники сойдутся во мнении о необходимости немедленного отказа от атомной энергии и перехода на альтернативные источники, причём даже те специалисты – в области управления, экономики, технических наук, – которые понимают издержки или даже нереалистичность такого перехода. Другой пример: проведение в ходе дискуссии о внедрении какого-то метода/протокола лечения пациентскими организациями, фармацевтическими компаниями, медиками (в том числе ведущими научную деятельность), политическими силами, желающими использовать общественный резонанс как электро-ресурс, исключительно собственных интересов, если и способно привести к компромиссу, то шаткому, а главное, случайному – обусловленному тем, чьё воздействие на участников дискуссии окажется успешнее.

Второй вариант результативной дискуссии требует от участников навыков ведения не рефлексивных игр [33], а рефлексивного диалога. Задача социальных и гуманитарных наук заключается в обеспечении, в том числе через систему образования, подобных навыков, прежде всего способности вести диалог, слушать и понимать друг друга, находить точки соприкосновения и общие интересы, а не настойчиво проводить собственную позицию, не желая оценивать её со стороны и вписывать в более широкий контекст.

Подводя итог обсуждению, можно с уверенностью утверждать, что вызовы технологического и неразрывно связанного с ним социального развития требуют не только адекватных социальных и социогуманитарных технологий, но в первую очередь социогуманитарно ориентированной междисциплинарной оценки, которая не допускает сведения к технологии, а также трансдисциплинарных полисубъектных практик общественного обсуждения перспектив технологического развития и выработки рамочных условий такого развития. Технологизация социальных и гуманитарных наук, таким образом, – развитие определённого направления в рамках этой отрасли научного знания, но не программа её тотального преобразования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии. Материалы круглого стола // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 3–23.
2. Andreev A. L., Butyrin P. A. Technoscience as an innovative social project // Herald of Russian Academy of Sciences. 2011. № 2. P. 75–80; Андреев А. Л., Бутырин П. А. Технонаука как инновационный социальный проект // Вестник РАН. 2011. № 3. С. 197–203.
3. Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Культурно-историческое сознание в перспективе междисциплинарного исследования: метод реконструкции // Познание и сознание в междисциплинарной перспективе. Ч. 2 / Отв. ред. В. А. Лекторский М.: ИФ РАН, 2014. С. 68–95.
4. Пружинин Б. И. Прикладное и фундаментальное в этосе современной науки // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 109–120.
5. Грунвальд А. Техника и общество: западноевропейский опыт исследования социальных последствий научно-технического развития / Пер. с нем. Е. А. Гаврилиной, А. В. Гороховой, Г. В. Гороховой, Д. Е. Ефименко. М.: Логос, 2011.
6. Никифоров А. Л. Роль науки в современном обществе // Философия науки. Вып. 19. Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. М.: ИФ РАН, 2014. С. 38–63.

7. Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
8. Горохов В.Г. Технонаука Галилео Галилея. Размышления по поводу книги Матео Валериани “Галилео – инженер” // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 105–116.
9. Стёпин В.С. Теоретическое знание. 2-е изд. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
10. Collins F.S., Tabak L.A. Policy: NIH plans to enhance reproducibility // Nature. 2014. V. 505. P. 612–613.
11. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955.
12. Converging Technologies for Improving Human Performance. Nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science. NSF/DOC-sponsored report / Ed. by M.C. Roco and W.S. Bainbridge. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003. http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report.pdf (дата обращения 29.03.2017).
13. Наука и социальные технологии / Отв. ред. И.Т. Касавин. М.: ИФ РАН, 2011.
14. Юдин Б.Г. Социальные технологии, их производство и потребление // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI. № 1. С. 55–64.
15. Горохов В.Г. Понятие “технология” в философии техники и особенности социально-гуманитарных технологий // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVII. № 2. С. 110–123.
16. Горохов В.Г. Философия и история науки: Учебн. пособие. Дубна: ОИЯИ, 2012.
17. Горохов В.Г. Техника, технология, проектирование – социотехника, социально-гуманитарные технологии, социальное проектирование // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI. № 1. С. 80–89.
18. Игнатенко А.С. Технологизм, технократизм, тоталитаризм. К критике механистической парадигмы СТ // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI. № 1. С. 73–80.
19. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Принципы коэволюции сложных систем и социальное управление // Синергетика и социальное управление. М.: Изд-во РАГС, 1998. С. 8–18.
20. Горохов В.Г. Проблемы междисциплинарной оценки научно-технического развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2007. Т. II. № 2–3. С. 191–214.
21. Лекторский В.А. Философия, познание, культура. М.: “Канон+”, РООИ “Реабилитация”, 2012.
22. Философия техники: история и современность. М.: ИФ РАН, 1997.
23. Касавин И.Т. STS: опережающая натурализация или догоняющая модернизация // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. XXXIX. № 1. С. 5–17.
24. Горохов В.Г., Грунвальд А. Каждая инновация имеет социальный характер (Социальная оценка техники как прикладная философия техники) // Высшее образование в России. 2011. № 5. С. 135–145.
25. Pann Ф. Философия техники: обзор // Философия техники в ФРГ. Сб. статей / Пер. с нем. и англ. Сост. Ц.Г. Арзаканян, В.Г. Горохов. М.: Прогресс, 1989. С. 24–53. <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3132/3133> (дата обращения 18.08.2017).
26. Пирожкова С.В. Предсказание, прогноз, сценарий: к вопросу о разнообразии результатов исследования будущего // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 2. С. 111–129.
27. Rip A., Kulve H. Constructive Technology Assessment and Sociotechnical Scenarios // The Yearbook of Nanotechnology in Society. V. I: Presenting Futures / Ed. by E. Fisher, C. Selin, J.M. Wetmore. Berlin, etc: Springer, 2008. P. 49–70.
28. Горохов В.Г. Междисциплинарные исследования научно-технического развития и инновационная политика // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 80–86.
29. Бажанов В.А. О феномене трансдисциплинарной научной революции // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Издательский дом “Навигатор”, 2015. С. 136–144.
30. Киященко Л.П. Философия трансдисциплинарности: подходы к определению // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Издательский дом “Навигатор”, 2015. С. 109–135.
31. Collins H.M., Evans R. The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience // Social Studies of Science. 2002. № 2. P. 235–296.
32. Пирожкова С.В. Принцип участия и современные механизмы производства знаний в науке // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 1. С. 67–82.
33. Пирожкова С.В. Форсайт: актуальная практика и нормативно-методологическая перспектива // Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте. Коллективная монография. СПб.: Астерион, 2017. С. 93–96.
34. Popper R. Mapping Foresight. Revealing how Europe and other world regions navigate into the future. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2009.
35. Schomberg R. von, Guimarães Pereira Â., Funtowicz S. Deliberating Foresight Knowledge for Policy and Foresight Knowledge Assessment. A working document from the European Commission Services. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2005. http://cordis.europa.eu/pub/foresight/docs/deliberating_foresight2.pdf (дата обращения 6.11.2017).

НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

© 2018 г. Е.Л. Конявская

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

E-mail: ekonyavskaya@gmail.com

Поступила в редакцию 19.10.2017 г.

DOI: 10.7868/S0869587318050110

В сентябре 2017 г. в Институте российской истории РАН прошла IX Международная научная конференция “Комплексный подход в изучении Древней Руси”, организованная научным журналом “Древняя Русь. Вопросы медиевистики”, Институтом российской истории (ИРИ) РАН и Институтом славяноведения (ИСл) РАН при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-01-14012) и научно-методическом содействии Отделения историко-филологических наук РАН. В оргкомитет вошли ведущие учёные, преподаватели и специалисты в области истории и археологии Руси IX–XVII вв., древнерусской литературы и искусства, представлявшие академические институты, а также их коллеги из Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ), Московского государственного института международных отношений (МГИМО), Московского педагогического государственного университета (МПГУ), зарубежных вузов и научных учреждений Германии, Италии, Канады и Украины.

Конференция, которая проходит с 2001 г. раз в два года, за 16 лет приобрела широкую известность и объединила на одной площадке для дискуссий и обмена опытом авторитетных исследователей историко-культурных феноменов Руси IX–XVII вв. из более чем 20 городов нашей страны. Зарубежную науку представляли профессора и молодые учёные из Белоруссии, Италии, Словакии, Словении, США, Украины, Чехии и Швеции.

В 2001 г. член-корреспондент РАН Б.Н. Флоря, открывавший первую конференцию, отмечал, что

размежевание и специализация — закономерный этап в развитии науки, но уже во второй половине XX столетия стала всё больше проявляться потребность создания единого образа прошлого, основанного на сопоставлении результатов, накопленных разными отраслями знания. Важным симптомом этого можно считать появление исторической антропологии, которая начала занимать едва ли не центральное место среди исследований прошлого. Изучающие историю Древней Руси располагают крайне ограниченным кругом источников, поэтому, по словам учёного, “именно комплексный анализ немногих сохранившихся письменных источников, их всестороннее сопоставление с данными археологии и устной народной традиции становится тем главным путём исследования, который позволяет нам пополнить и углубить знания о нашем прошлом”.

Вплоть до пятой конференции заседания были общими, так как доклады представляли интерес для специалистов разного профиля. Однако каждый раз количество участников увеличивалось, и с 2009 г. наряду с пленарными заседаниями оргкомитет начал проводить секционные. При этом формирование секций осуществлялось по хронологическому принципу.

Участники конференции, как и в прежние годы, заранее могли ознакомиться с тезисами докладов, которые были опубликованы в журнале “Древняя Русь. Вопросы медиевистики” (2017, № 3). На этот раз в программе было заявлено рекордное число докладчиков — 191. Бóльшая их часть представляла академическую науку, остальные — вузы, музеи и архивы. Примечательно, что состав участников неизменно обновляется: 30% докладчиков выступали на этом форуме впервые. Примерно 25% аудитории составляла молодёжь — студенты Государственного академического университета гуманитарных наук, аспиранты и магистранты — члены семина-

КОНЯВСКАЯ Елена Леонидовна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН.

На трибуне кандидат исторических наук С.М. Михеев (ИСл РАН)

ра молодых исследователей-медиевистов, который был организован в 2012 г. журналом “Древняя Русь. Вопросы медиевистики” и Советом молодых учёных ИРИ РАН.

Форум открыл директор Института российской истории РАН доктор исторических наук **Ю.А. Петров**. Русское средневековье в этом институте выделено как одно из важных направлений исследовательской деятельности. Работа над воссозданием истории той эпохи с позиций современной науки нашла отражение в готовящихся к изданию первых книгах “Истории России” — исчерпывающего 20-томного труда сотрудников ИРИ РАН, а также в публикации важнейших документов, которые издаются в рамках проекта “Акты Российского государства”. В приветственных речах заместителя академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН кандидата филологических наук **В.Б. Черкасского** и начальника Управления гуманитарных наук РФФИ доктора филологических наук **В.П. Гребенюка** особо подчёркивалась актуальность междисциплинарного подхода в историко-филологических исследованиях Древней Руси, важность вовлечения в научную орбиту специалистов с самыми разными интересами.

В докладе члена-корреспондента РАН **Б.Н. Флори** (ИСл РАН) “Критерии оценки дворянской чести в памятниках русского права XVI–XVII вв.”, который открывал первое пленарное заседание, важная и неисследованная проблема рассматривалась в исторической перспективе на фоне сравнительного анализа памятников русского и польского права. Представленный материал оказался шире заявленной темы — исследование коснулось не только дворянства, но и других слоёв населения: купечества, посадских людей, духовенства. Метод сопоставления, которым воспользовался Б.Н. Фло-

ря, высветил особенности российского законодательства. Для польского права было характерно последовательное разграничение шляхты и плебеев, в результате чего штрафы за бесчестье зависели от принадлежности человека к дворянскому сословию. На Руси же по отношению к основной массе дворянского сословия действовал принцип, когда размер штрафа за бесчестье определялся ценностью государственной службы дворянина и был соразмерен его доходу от занимаемой должности. Соответственно землевладелец, который не нёс службу, не мог рассчитывать на защиту своей чести.

Доктор филологических наук **Е.Л. Коньявская** (ИРИ РАН) в докладе

“Смоленские Ростиславичи и их владения по раннему летописанию” представила анализ летописного материала о землевладениях влиятельного клана — сыновей Ростислава Мстиславича (князя смоленского и киевского) — и показала, что братья стремились получать, удерживать и преумножать владения в Киевском княжестве, не дробя Смоленское. И это позволило им создать мощный родственно-политический союз. Смоленский же стол замешался, видимо, по согласию родственников, без конфликтов и борьбы.

Плодотворность использования разных типов источников продемонстрировал доктор исторических наук **В.А. Кучкин** (ИРИ РАН), который привлёк для новой датировки четырёх договорных грамот XV в. между московскими и серпуховскими князьями данные актов и летописей. Этот же метод позволил другому докладчику, доктору исторических наук **А.А. Горскому** (МГУ, ИРИ РАН), определить функции таких групп населения средневековой Руси, как ордынцы и делюи. Скупость упоминаний о них в древнерусских актах делает невозможным успешную интерпретацию таких групп без учёта иных письменных источников. Другой подход — типологический — продемонстрировала доктор исторических наук **П.В. Лукин** (ИРИ РАН), который провёл сравнение народных собраний Новгорода и Венеции, и **Е.А. Мельникова** (Институт всеобщей истории РАН), обнаружившая параллель между древнерусским полюдьем и древне-норвежской вейцлой.

В серии докладов сотрудники Института археологии РАН **А.А. Хохлов** (“Древняя Тверь: к вопросу о формировании антропогенного ландшафта и городской территории”), доктора исторических наук **С.З. Чернов** (“О хронологических рамках заключения брака Андрея Боголюбского”) и **Н.В. Жилина**

(“Древнерусская деревянная резьба: хронология стилистического развития”) показали, как можно успешно сочетать методики археологического, источниковедческого и искусствоведческого исследования.

В.Г. Пуцко (Калужский художественный музей), опираясь на агиографические тексты, проанализировал генезис и историю формирования на Руси житийной иконы и доказал, что Дионисий и другие мастера создавали строгие и притом одухотворённые образы русских святителей и подвижников на основе письменных источников и живых преданий. Иконописцы использовали исторические и бытовые реалии, но при этом не превращали иконопись в разновидность жанровой картины.

Новые сенсационные данные представили член-корреспондент РАН **А.А. Гиппиус** (НИУ ВШЭ, ИСл РАН) и кандидат исторических наук **С.М. Михеев** (ИСл РАН). Они изучили настенную надпись (граффито) об убийстве Андрея Боголюбского, которая была обнаружена при реставрации Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залеском. Граффито выглядело как две страницы книги. Большая часть текста, в том числе имена убийц Андрея Боголюбского, хорошо читалась. Учёные заметили частичное совпадение надписи с данными летописи, но при этом смогли сделать с учётом нового источника существенные дополнения и уточнения. Мы узнали, что убийцы вскоре после их деяния были преданы церковному проклятию. Возможно, предполагают авторы доклада, надпись появилась по указанию епархиального архиерея.

Сенсационную находку обнаружил кандидат исторических наук **А.Г. Сергеев** (Библиотека Академии наук) в докладе “Новонайденное послание Василию Тёмному”. Послание некоего Феофила Дедеркина (XV в.) Василию II о землетрясении в Италии 4 декабря 1456 г. уже было известно ранее. Но в сборнике середины XV в. обнаружилось новое послание, в котором говорилось о пришествии антихриста и конце мира. Феофил представил его как перевод с латыни. Но на самом деле это пересказ так называемого листа, имевшего хождение в западных странах. Находка А.Г. Сергеева важна и как свидетельство распространения таких листов в Западной Европе в XV в., и как показатель интереса русских князей к новым фактам, идеям и слухам, бытовавшим далеко за пределами Руси.

Ещё одна сенсация содержалась в докладе аспиранта **И.А. Полякова** (Российская национальная

Заседание секции “Домонгольская Русь”
Доктора филологических наук А.М. Ранчин и А.А. Пауткин (МГУ)

библиотека). Анализируя исторические записи на полях древнерусского каллиграфического пособия XVII в. “Азбука фряская”, принадлежавшего князю С.В. Ромодановскому, докладчик показал, что владелец рукописи пытался собрать на свободных листах книги сведения по истории своей семьи и включить в неё собственную автобиографию. Но главное — в рукописи присутствовали два неизвестных списка памятников из легендарной переписки турецкого султана. Наибольший интерес представляла переписка султана с чигиринскими казаками, которая послужила прототипом для широко известного Письма запорожцев турецкому султану. В “Азбуке фряской” представлен наиболее ранний список данного памятника.

Историю другого текста турецкой тематики, вошедшего в рукописную книжность рубежа XVII—XVIII вв., — описание битвы при Зенте, состоявшейся 11 сентября 1697 г. у р. Тисы, в котором австрийская армия под предводительством принца Евгения Савойского одержала победу над турками, — рассмотрел кандидат исторических наук **С.М. Шамин** (ИРИ РАН). Он показал, как текст, переведённый первоначально для первой рукописной газеты “Куранты”, покинул стены государственных учреждений и стал в разных редакциях включаться в рукописные сборники исторического содержания.

В ряде значимых для дальнейшего развития науки выступлений звучала историко-церковная тематика. Новизна материала и исследовательских подходов, представленных в докладе кандидата исторических наук **А.Ю. Виноградова** (НИУ ВШЭ) и кандидата богословия **М.С. Желтова** (Общецерковная аспирантура и докторантура, Московская духовная академия) “Конфликт аскетических прак-

Споры в кулуарах

Кандидат исторических наук А.В. Виноградов (ИРИ РАН) и доктор исторических наук К.Ю. Ерусалимский (РГГУ).

тик на Руси в середине XII в.”, привлекли внимание слушателей других секций, студентов и аспирантов. Исследователи восстановили византийский контекст спора о постах на Руси во второй половине XII в., когда к нам переносилась “евергетидская реформа”, проводившая устроение ряда канонических установлений. Кандидат исторических наук **А.В. Лаушкин** (МГУ) проследил в ранних летописях указания дат прибытия новгородских владык в Новгород после хиротонии и пришёл к выводу, что такие входы в город были, видимо, торжественной церемонией и приурочивались к церковным праздникам и памятным датам. Доктор исторических наук **Э.А. Гордиенко** (Санкт-Петербургский институт истории РАН) представила результаты исследования первых храмов Новгородского кремля — каменной церкви Иоакима и Анны 989 г. и Рождественского придела в Софийском соборе 1045—1052 гг. Фонд письменных источников по истории строительства Новгородского детинца и его части — Владычного двора, говорилось в докладе, весьма ограничен и не позволяет сделать окончательные выводы о расположении древних храмов на этой территории. Проведённые в 1990-х годах архитектурно-археологические, инженерно-геологические и инженерно-геофизические исследования представили убедительные данные для достоверной локализации памятников. Обнаруженные в Рождественском приделе следы более древнего здания позволили сделать вывод о расположении на его месте первой каменной церкви Иоакима и Анны. Докладчица продемонстрировала блестящее владение методиками археологии, истории ар-

хитектуры, а также источниковедческого анализа летописных текстов.

Новый материал и новые интерпретации представил кандидат исторических наук **С.М. Михеев** (ИСл РАН), разрабатывавший в последние годы тему княжеских знаков Рюриковичей. На основе двух типов источников — редких двузубцев и трезубцев, сопровождающихся подписями, и свинцовых печатей с княжеской тамгой на одной стороне и изображением небесного патрона на обороте — ему удалось установить личные знаки нескольких потомков Ярослава Мудрого, живших в XI — начале XIII в.

Высоким профессионализмом и оригинальностью отличался доклад аспиранта **С.В. Городилина** (ИРИ РАН) “Династическая метогія княжеских родов Северо-Восточной Руси XIII—XV вв.”. Он доказал, что демонстрация связи с конкретными предками, выраженная в выборе места погребения и в обряде их поминовения, — важный фактор формирования новых династических групп внутри генеалогического сообщества Рюриковичей и источник манифестации и легитимации их политических и правовых притязаний. Эти предки становятся патронами выделяющихся династических и иных связанных с ними социальных групп, обретая полномочия глав и защитников прав поминающих их обществ.

Ценные наблюдения и новые гипотезы вынесли на обсуждение филологи. Доктор филологических наук **М.П. Одесский** (Российский государственный гуманитарный университет), комментируя “Сказание о Дракуле воеводе” — древнейший памятник оригинальной беллетристики, появившийся в русской письменности в конце XV в., — проследил карьеру Яна Филипеца, епископа Вардана и Оломоуца, приближённого венгерского короля Матьяша Корвина, и высказал гипотезу о том, что именно он был собеседником одного из самых ярких и достойных государственных деятелей эпохи Ивана III Фёдора Курицына. Выступление доктора филологии **М.К. Ферро** (Университет им. Г. д’Аннунцио, Италия) было посвящено анализу литературного образа святой княгини Ольги в письменной традиции XII—XVII вв. Докладчица предложила рассматривать летописные, гимнографические и агиографические тексты, посвящённые княгине Ольге, как макротекст, свидетельствующий о динамически меняющемся восприятии этой личности от образа жестокой правительницы, отдающей вероломный приказ уничтожить древлян, до фигуры первой христианской княгини Древней Руси, которая служила для великих князей и даже московских царей образцом для подражания. Доктор филологических наук **В.М. Кириллин** (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН) в докладе о “Про-

ложном житии Владимира Святого” рассмотрел специфику оценочных суждений о крестителе Руси в панегирических пассажах, дополняющих агиографический рассказ.

Доктор филологических наук **Т.В. Рождественская** (Санкт-Петербургский государственный университет) рассказала об интересном и неисследованном памятнике “Разумы сложения Варнавы Неподобного”, знакомство с которым на Руси произошло, судя по рукописям, в начале XV в., а фрагменты встречались в рукописях более раннего времени, в том числе в граффити начала XII в. При этом сходный текст обнаружился в древнерусском сборнике изречений “Пчела”. Ещё одну лингвистическую работу обнародовал доктор филологических наук **А.М. Камчатнов** (МПГУ). Она касалась словообразовательного аспекта лексикографического описания слова в толковых исторических словарях русского языка. На примере нескольких словарных статей из Словаря русского языка XI–XVII вв. А.М. Камчатнов обосновал мысль о том, что в лексикографическом описании слова должен учитываться и словообразовательный аспект его лексического значения.

Ряд докладов был посвящён русско-европейским культурным связям. О рецепции переводных текстов в XVI в. говорила кандидат филологических наук **О.С. Сапожникова** (Библиотека Академии наук), которая продемонстрировала результаты исследования перевода страсбургского медицинского трактата “Книга о дистилляции” (первое издание 1500 г.) врача Иеронима Бруншвига. Передовые технологии Возрождения, сообщила докладчица, были восприняты русским лекарем-переводчиком полностью, а рецепты и советы европейских гуманистов, которые противоречили укладу жизни и нормам поведения в православном сообществе, опущены, причём такие пропуски сопровождались комментариями переводчика. С большим интересом слушатели восприняли доклад доктора исторических наук **О.Ф. Кудрявцева** (МГИМО) “Заметки о Руси в историческом труде Сабеллико (1504 г.)”. Анализируя “Исторические рапсодии” венецианского историографа Сабеллико, часть которых была посвящена русской теме, автор попытался ответить на вопрос: что могли знать европейцы начала XVI в. о Руси.

Значительная часть исследовательских работ носила источниковедческий характер. Высокую оценку получил доклад члена-корреспондента РАН **А.В. Сиренова** (Санкт-Петербургский государственный университет), посвящённый историографическому значению Воскресенской летописи — крупнейшему памятнику московского летописания XVI в. Автору удалось уточнить историю сложения редакций этого свода, первая из которых созда-

валась в конце 20-х годов XVI в. Он отметил явный интерес составителя Воскресенской летописи к Новгороду. Между тем известно, что в летописных подборках прославленного книжника, уроженца Новгорода М.Я. Медоварцева был отражён процесс создания Воскресенской летописи. Вполне вероятно, замечает автор исследования, что Медоварцев имел отношение к составлению первоначальной редакции Воскресенской летописи. Особую значимость работе придаёт выявление А.В. Сиреновым максимально полного корпуса источников летописи. К неожиданным выводам относительно источника характеристики Марфы Посадницы в “Словесах избранных от святых писаний” пришёл кандидат исторических наук **А.Е. Тарасов** (МГУ). Таковыми оказались один из вариантов “Слова о добрых и злых женах” и приписываемая традицией Иоанну Златоусту гомилия “О женах злых и самовластных и язычных и богобоинных”. Доктор исторических наук **В.Г. Вовина** (Санкт-Петербургский институт истории РАН), которая занималась реконструкцией жизни Кургоминской волости в Архангельской губернии, пришла к заключению, что одновременное использование писцовых материалов второй половины XVII в., переписной книги 1710 г. и ландратского описания 1717 г. даёт возможность приблизиться к объективной картине жизни русского крестьянства на протяжении более чем полувека. Кандидат исторических наук **Е.В. Пчёлов** (Российский государственный гуманитарный университет) обратил внимание на ряд источников по титульной геральдике допетровской Руси, которые ранее в этом качестве не рассматривались. Это предметы из Оружейной палаты и стокгольмского Музея армии, а также два письменных источника: “Описание гербам”, составленное в конце XVII в., и стихи к гербам “Титулярника”. Весьма необычный источник — одну из самых древних сохранившихся беломорских лоций “Река Кушерецка” (XVIII в.) — проанализировал кандидат исторических наук **В.Н. Матонин** из Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова.

Последний день конференции запомнился интересными докладами доктора **Й. Комендовой** из Университета Палацкого (Оломоуц, Чехия), которая провела сравнительный анализ “Повести временных лет” и “Чешской хроники” Козьмы Пражского, и профессора Флорентийского университета (Италия) **М. Гардзанити**, рассказавшего о библейских источниках и их толковании в полемических сочинениях религиозного публициста, писателя и переводчика Максима Грека (ок. 1470–1555/1556). Безусловно, новый вклад в изучение истории создания славянского перевода Пятикнижия (конец XV в.) сделал кандидат филологических наук **А.И. Грищенко** (МПГУ, ИСл РАН). Его доклад

был посвящён исследованию странного исправления: в русских списках Пятикнижия с конца XV в. в 31 главе книги Бытия вместо слова *кумир* (*идол, божок*) появляется нарицательное имя *стурлаб*. Выяснилось, что эта глосса попала в славяно-русский текст из тюркского перевода Пятикнижия, который отражает в данном месте давнюю традицию раввинистического и караимского толкования библейского сюжета, согласно которому Рахиль, когда бежала с Иаковом от своего отца, украла у него не домашних божков (“кумиры” в старом славянском переводе), а стурлабы (астролябии). Это слово стало ключом к открытию основного источника правки славяно-русского Пятикнижия — тюркского таргума Масоретского текста, который достоверно существовал в XV в., поскольку недавно обнаружился самый ранний его список, датированный 1470–1480 гг.

Поздние легенды о подвизании Антония Печерского — основателя Киево-Печерской лавры и “отца русского монашества” — на Афоне были впервые подвергнуты всестороннему критическому рассмотрению в выступлении доктора исторических наук **М.В. Бибикова** (Институт всеобщей истории РАН). Кандидат физико-математических наук **С.В. Шпирко** (МГУ) и кандидат филологических наук **Г.С. Баранкова** (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН) предложили новаторскую методику математического подхода, базирующегося на идее применения теории нечётких множеств, к задаче генеалогической классификации текстов средневекового произведения. Предметом исследования стала классификация спис-

ков переводного произведения “Закон Судный людем” (древнейшая славянская редакция памятника права большинством учёных датируется концом IX — началом X в.), входящего в Кормчие русской редакции. Предложенная в докладе модель основывалась на предположении: чем больше доля разночтений (правок или ошибок), перешедших из одного списка в другой, тем достовернее гипотеза о том, что первый список генетически предшествует второму. Как выяснилось, полученные результаты нечёткой классификации “Закона Судного людем” в целом не противоречат результатам традиционного текстологического анализа и иных формализованных методов и позволяют уточнить группировку отдельных списков и их взаимосвязи. Разработанный авторами подход универсален и может быть применён для классификации других рукописных текстов.

Историки, археологи, филологи, лингвисты, фольклористы и искусствоведы получили возможность увидеть весь спектр медиевистических исследований. Высокий уровень докладов, новизна представленных результатов и, главное, комплексность (междисциплинарность) подхода к изучаемой теме — это, видимо, то, что становится доминантой нашей конференции. Участники конференции отмечают несомненную результативность комплексного подхода: например, филологи именно в докладе “смежника”, историка, часто видят подсказку к решению своей научной проблемы. И наоборот, новая методика филолога, взгляд с “другой стороны”, открывают неожиданные перспективы для исторического исследования.

НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ

ГОД ЭКОЛОГИИ В РОССИИ: АКАДЕМИЧЕСКАЯ СЕССИЯ ГЕОГРАФОВ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПАРКЕ БУЗУЛУКСКИЙ БОР

© 2018 г. А.А. Чибилёв*, А.Г. Рябуха**

Институт степи УрО РАН, Оренбург, Россия

**E-mail: orensteppe@mail.ru; **E-mail: annaryabukha@yandex.ru*

Поступила в редакцию 31.10.2017 г.

DOI: 10.7868/S0869587318050122

1–5 октября 2017 г. в посёлке Партизанский Бузулукского района Оренбургской области на территории национального парка Бузулукский бор проходила XXI совместная сессия Объединённого научного совета по фундаментальным географическим проблемам при Международной ассоциации академий наук (МААН) и Научного совета РАН по фундаментальным географическим проблемам, посвящённая Году экологии в России и 100-летию отечественного заповедного дела. Заседания секции проходят ежегодно с 1997 г. в разных городах стран СНГ и являются общепризнанным регулярным форумом в сфере фундаментальных географических исследований и проблем географического образования. На этот раз тема сессии была обозначена как “Охрана природы и региональное развитие: гармония и конфликты”.

Организаторами мероприятия выступили Объединённый научный совет по фундаментальным географическим проблемам при МААН, Научный совет РАН по фундаментальным географическим проблемам, ФАНО России, Институт географии РАН (ИГ РАН) и Институт степи УрО РАН (ИС УрО РАН). Программный комитет сессии возглавили научный руководитель ИГ РАН, почётный президент Русского географического общества академик РАН В.М. Котляков и директор ИС УрО РАН, вице-президент Русского географического общества академик РАН А.А. Чибилёв.

Основной задачей сессии стал обмен мнениями по теоретическим и методическим подходам в области охраны природы и регионального развития в условиях антропогенных и естественных изменений при-

родной среды, а также выработка практических рекомендаций по сохранению природы и устойчивому региональному развитию. В работе сессии приняли участие более 50 членов научных советов, а также учёные из ведущих географических учреждений России, Белоруссии и Дании, представители органов государственной власти, общественных организаций, бизнеса, средств массовой информации, студенты и преподаватели вузов — всего около 300 человек. Научная программа сессии включала пленарное заседание, три тематических заседания и научные экскурсии по лесостепному Заволжью.

Открывая сессию, председатель Объединённого научного совета по фундаментальным географическим проблемам при МААН В.М. Котляков раскрыл роль Научного совета РАН по фундаментальным географическим проблемам в современном статуте Академии наук. С приветственным словом к участникам обратились директор ИС УрО РАН академик А.А. Чибилёв, заместитель министра природных ресурсов, экологии и имущественных отношений Оренбургской области В.С. Белов, заместитель главы г. Бузулука М.В. Богатырёв, глава Бузулукского района Н.А. Бантюков. От имени нового руководителя МААН академика НАН Белоруссии В.Г. Гусакова участников сессии поприветствовал заместитель директора Института природопользования НАН Белоруссии доктор географических наук В.С. Хомич.

Участниками сессии были представлены 23 научных доклада по широкому спектру вопросов, касающихся заповедного дела в странах Северной Евразии, устойчивого развития регионов России, эколого-географических исследований на заповедных территориях, природно-ресурсных, экологических и социально-экономических проблем охраны окружающей среды в регионах России и странах

ЧИБИЛЁВ Александр Александрович — академик РАН, директор ИС УрО РАН. РЯБУХА Анна Геннадьевна — кандидат географических наук, учёный секретарь ИС УрО РАН.

СНГ. Перед пленарным заседанием состоялось открытие выставки “Лесной форпост России”, посвящённой 100-летию заповедной системы России и 10-летию организации национального парка Бузулукский бор.

Выступая на пленарном заседании с сообщением “Судьба Бузулукского бора как зеркало экологической политики”, академик РАН **А.А. Чибилёв** проследил эволюцию экологической политики России за последние 100 лет. Доклад академика РАН **П.Я. Бакланова** был посвящён структуре природопользования как элемента регионального развития. Он подчеркнул, что природопользование, рассматриваемое на территориальном, пространственно наименее обобщённом уровне, всегда базируется на сочетании природных ресурсов, в том числе территории, воды и воздуха. Особенности развития природопользования в Белорусском Полесье в постсоветский период осветил в своём докладе кандидат географических наук **М.И. Струк** (соавторы В.Ф. Логинов, В.С. Хомич). О новых электронных атласах географов Московского университета — электронном атласе Каспийского региона и атласах Арктического региона — доложил член-корреспондент РАН **С.А. Добролюбов** (соавторы А.Р. Аляутдинов, В.С. Архипкин, А.Н. Демидов, Д.В. Магрицкий, Г.В. Суркова). Доклад члена-корреспондента РАН **А.А. Тишкова** (соавторы Е.А. Белоновская, А.Н. Кренке, Н.Г. Царевская) был посвящён экосистемным услугам национальных парков и заповедников, их оценке, сопоставлению и выявлению конфликтов при их оказании. Докладчик сделал вывод, что уровень экосистемных услуг на особо охраняемых природных территориях России уступает по объёмам и в денежном выражении зарубежным аналогам, что связано с их пока низкой востребованностью, отсутствием международного углеродного рынка и относительно медленным становлением международного и национального рынков рекреационных услуг. Сравнению паспортов двух федеральных программ “Возрождение Волги” и “Оздоровление Волги”, направленных на решение ключевых задач по снижению антропогенного воздействия и сокращению сброса загрязнённых сточных вод, ликвидации объектов накопленного экологического вреда окружающей среде, представляющих угрозу водным объектам Волжского бассейна, посвятил свой доклад доктор биологических наук **С.В. Саксонов** (соавторы Г.С. Розенберг, А.Г. Зибарев, Г.Э. Кудинова, А.Г. Розенберг, Г.Р. Хасаева). Доктор философии (Университет Копенгагена) **А.В. Прищепов** (соавторы И.Н. Курганова, Ф. Ширхорн, В.О. Лопес де Гереню, Й. Камп, Я.В. Кузяков) доложил о последствиях целинной кампании в отношении эмиссий почвенного органического углерода (SOC), некомпенсированных накоплением SOC в период после распада СССР.

Доктор географических наук **С.В. Левыкин** рассказал о новой парадигме ковыльных степей постцелинного пространства.

Тематические заседания соответствовали общей направленности сессии. Первое заседание, посвящённое ландшафтам, ресурсам и социально-экономическому развитию территорий, открылось докладом кандидата географических наук **И.Н. Владимирова** о байкальской природной территории. Кандидат географических наук **Е.В. Гибков** (соавторы В.Е. Закруткин, Ю.Ю. Меринова, Ю.Н. Меринов) говорил об экологическом состоянии и особенностях социально-экономического развития углепромышленных территорий Восточного Донбасса в решающие для этого региона периоды — с 1994 по 2008 г., когда на фоне экономического кризиса резко ухудшилась экологическая обстановка, и с 2009 по 2016 г., когда регион начал переходить в постдепрессивную фазу развития. По мнению докладчика, проведённый анализ позволил выявить намечающиеся положительные тенденции в изменении экологической обстановки и социально-экономическом развитии Восточного Донбасса, что в целом должно способствовать гармонизации развития региона. О проблемах заброшенных агроландшафтов Северного Кавказа рассказала кандидат географических наук **Р.Г. Грачёва**. Вопросы потенциального развития отраслей экономики, базирующихся на использовании возобновимых природных ресурсов, осветила в своём докладе кандидат географических наук **И.Н. Волкова** (соавтор Т.В. Литвиненко). Учёный секретарь Сочинского отделения РГО **М.А. Ренёва** рассмотрела современные проблемы особо охраняемых природных территорий горного Кавказа, связанные с усилением антропогенного воздействия.

Второе заседание было посвящено природным системам, их трансформации и охране. Пространственно-временная динамика земель особо охраняемых природных территорий Астраханской области — тема доклада доктора географических наук **А.Н. Бармина** (соавторы В.П. Дурин, М.В. Валов, М.М. Иолин). О возможных изменениях эколого-геоморфологической ситуации в континентальной части Арктической зоны Российской Федерации при глобальном потеплении рассказали доктор географических наук **Э.А. Лихачёва** и доктор геолого-минералогических наук **И.В. Чеснокова** (соавторы А.В. Кошкарёв, Г.М. Черногаева). История изучения, современный состав и перспективы сохранения герпетофауны гор Большое Богдо, Малое Богдо и их окрестностей освещались в докладе кандидата биологических наук **А.Г. Бакиева** (соавторы К.М. Ахмеденов, Р.А. Горелов, О.Г. Калмыкова, А.А. Клёнина). Доктор биологических наук **А.Г. Ширяев** привлёк внимание к трансформации

микобиоты степной зоны России в условиях меняющегося климата и антропогенного воздействия.

Тематическое заседание “Роль Российской академии наук в изучении степей Евразии” было приурочено к 20-летию Института степи УрО РАН. В совместном докладе академика РАН **А.А. Чибилёва** и кандидата географических наук **А.Г. Рябухи** “Презентация важнейших результатов деятельности ИС УрО РАН за 20-летний период (1997–2016 гг.)” отмечены основные вехи развития и становления института, показаны достижения в области фундаментальных и прикладных исследований, охарактеризовано международное сотрудничество и перспективы развития исследований. **С.В. Левыкин** доложил о перспективах степного научного стационара ИС УрО РАН “Оренбургская Тарпания”. Итоги изучения ландшафтообразующей деятельности соляной тектоники, её мировое разнообразие и проблемы рационального использования рассмотрел доктор географических наук **В.П. Петрищев**. **А.Г. Рябуха** доложила о морфологии и структуре реликтовых перигляциальных ландшафтов Заволжско-Уральского региона по данным дистанционного зондирования. Она сделала вывод о значительном влиянии перигляциальных условий позднего плейстоцена на формирование современной ландшафтной структуры Заволжско-Уральского региона и обосновала гипотезу перигляциального генезиса Бэровских бугров Прикаспийской низменности, являющихся разновидностью реликтового криогенного трещинно-полигонального мезорельефа. Конфликтам природопользования при добыче нефти и газа в степной зоне посвятила свой доклад кандидат географических наук **К.В. Мячина**. По её мнению, возрастающая актуальность экологических последствий нефтегазодобычи свидетельствует о неэффективности существующих мо-

делей составления экологических разделов проектной документации на разработку нефтегазовых месторождений и более чем лояльном отношении контрольно-надзорных органов к компаниям-недропользователям. К социально-экономическим особенностям развития крупных городских территорий в степной зоне России привлёк внимание кандидат географических наук **А.А. Соколов**. Высокий уровень докладов, представленных сотрудниками ИС УрО РАН, был отмечен всеми участниками сессии.

В рамках сессии была предложена интересная экскурсионная программа. Проведены три научные экскурсии, которые стали естественным продолжением дискуссий на заседаниях. Участники сессии посетили Боровую лесную опытную станцию им. А.П. Тольского, метеостанцию, находящиеся в посёлке Опытное, и другие объекты природного наследия Бузулукского бора. Третья экскурсия проводилась по лесостепному Заволжью (Бузулукскому и Бугурусланскому районам) и памятным историческим местам, связанным с именами Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, С.Т. Аксакова. Маршруты соответствовали тематике заседаний сессии. Многие идеи современной теории охраны природы были заложены в произведениях писателей и мыслителей Оренбургского края. Основатель Бузулукской крепости (1736) и первый устроитель Оренбургского края И.К. Кирилов – автор первого Атласа Российской империи (1744). Выбор места проведения академической сессии был обусловлен стремлением к сохранению вековых географических традиций уникального региона России. Участники сессии высказали единодушное мнение о необходимости предотвращения экологических угроз Бузулукскому бору – уникальному объекту природного наследия национального и мирового значения.

В МИРЕ
КНИГ

С.В. Медведев. Мозг против мозга. Новеллы о мозге

М.: Боослен, 2017. 312 с.

© 2018 г. М.В. Киреев

Институт мозга человека им. Н.П. Бехтеревой РАН, Москва, Россия

E-mail: max@ihb.spb.ru

Поступила в редакцию 13.12.2017 г.

DOI: 10.7868/S0869587318050134

Попытки связать, ассоциировать процессы мышления человека с конкретным органом делали ещё древние. И далеко не сразу и не всегда на эту роль претендовал мозг. Автор книги академик РАН Святослав Всеволодович Медведев, основавший и почти 30 лет возглавлявший Институт мозга человека им. Н.П. Бехтеревой РАН, последовательно и логично прослеживает историю изучения мозга и развитие представлений о его роли в организме и жизнедеятельности человека с глубокой древности и до наших дней.

Ещё во времена царствования Птолемея Лагоского (IV–III вв. до н.э.), когда было разрешено вскрывать трупы и даже исследовать анатомию живых преступников, врач Герофил именно на основе полученных данных пришёл к выводу, что головной мозг представляет собой орган мышления и является центром нервной системы. В труде “Анатомия” он подробно описал нервную систему, показав, что спинной мозг – это продолжение головного.

Потом был долгий путь с открытиями, прорывами, ошибками, которые подробно анализирует С.В. Медведев, и этот анализ помогает читателю понять и оценить современный уровень знаний науки о мозге. Многим учёным казалось, что ещё немного – и они разгадают его тайны, но в последний момент стройные концепции рушились. Разочарования были настолько сильными, что даже некоторые нобелевские лауреаты в конце концов заявляли о невозможности поверить, что человек мыслит мозгом. Автор приводит в пример Джона Эклса, легендарного австралийского нейрофизиолога, который в какой-то момент научной карьеры пришёл к мысли о существовании духа, “вита-

ющего” вне мозгового субстрата и управляющего деятельностью мозга человека.

Прорыв, происшедший в последние десятилетия в области технического оснащения исследований, по мнению С.В. Медведева, не привёл к кардинальному изменению ситуации, которая проясняла бы механизмы работы мозга. Резко увеличилось число научных статей, на крупных конференциях по картированию мозга специалисты ежегодно представляют около 3 тыс. докладов (фактически 3 км постеров), но абсолютное большинство из них содержит информацию о том, что “в определённой зоне мозга обнаружена реакция на определённый раздражитель, или что при выполнении определённой деятельности изменился рисунок ЭЭГ”. Существенно меньше исследований, показывающих, как именно происходит реорганизация работающих структур мозга при том или ином действии, как осуществляется мыслительный контроль деятельности, как обнаруживается конфликт, в результате которого подготовленное действие либо разрешается, либо запрещается, или выбирается наиболее целесообразное поведение.

По пальцам можно пересчитать статьи, сообщающие о механизмах работы мозга: какими законами он управляется, как взаимодействуют его структуры. Интересно, что большинство этих законов были открыты до технологического прорыва (рубеж XX–XXI вв.), который существенно расширил наши методические возможности. Причём некоторые из них – буквально “на кончике пера”, то есть при минимуме известных фактических данных.

В этом как раз и состоит преимущество российских физиологических школ, которые отталкивались не только от эксперимента, как большинство западных, но и от глубокого познания физиологии. Автор ссылается на концепцию “светлого пятна” И.П. Павлова: “Если бы можно было видеть

КИРЕЕВ Максим Владимирович – доктор биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории нейтровизуализации ИМЧ РАН.

сквозь черепную коробку и если бы место с оптимальной возбудимостью светилось, то мы увидели бы на думающем сознательном человеке, как по его большому полушарию передвигается постоянно изменяющееся в форме и величине причудливо неправильных очертаний светлое пятно...” (Полное собрание сочинений, 1951, т. 3, с. 248). Это было написано за 70 лет до появления возможности экспериментального подтверждения факта.

Исследования Института мозга человека РАН, которые описывает в книге С.В. Медведев, опираются на традиции русской физиологической школы, но уже с использованием новейшей техники. Это обеспечивает высокий уровень обработки и анализа результатов, что, в свою очередь, служит необходимым условием построения научной гипотезы.

Одна из основных задач, стоящих перед институтом и Медведевым-исследователем, заключается в том, чтобы установить, как соотносится идеальное (мысль) и материальное (процессы в мозге, обеспечивающие мышление). И сотрудниками ИМЧ РАН, и другими учёными показано, что каждому психическому явлению — различным эмоциям, принятию решений, восприятию звука, речи, процессу творчества, наконец, — соответствуют вполне определённые перестройки в активности нейронов и связей между ними. Причём это соотношение между психикой и материальным её обеспечением — дорога с двусторонним движением. С одной стороны, активность нейронов обеспечивается мыслительной деятельностью, а с другой — изменение активности нейронов вызывает трансформации в поведении и мыслях человека. Мозг, с точки зрения С.В. Медведева, представляет собой своеобразный интерфейс между идеальным и материальным. И автор даёт чёткое и яркое описание этого взаимодействия.

Впервые в научно-популярной литературе фундаментальные механизмы работы мозга описаны и объясняются применительно к повседневной жизни и ощущениям человека, что открывает возможность для самопознания и, более того, путь к управлению собственным организмом. Пример такого фундаментального механизма — детектор ошибок, который первыми экспериментально открыли и описали в 1968 г. Н.П. Бехтерева и В.Б. Гречин.

Скажем, человек видит признаки опасности, но полностью осознать увиденное не успевает. Однако, основываясь на этих признаках, мозг молниеносно даёт команду, которую мы считаем подсказкой “внутреннего голоса”. Мы можем инстинктивно остановиться посередине улицы или, напротив, резко ускорить шаг, заметив краем глаза падающую с крыши сосульку или кирпич. Осознать гро-

зящую опасность человек не успевает, однако мозг действует быстрее и даёт команду, что делать. Этот феномен и называется “детектором ошибок”. Речь идёт о механизме сравнения реальной ситуации с контрольной, которая принята в качестве стандартной. Стандартная ситуация тоже формируется в мозге не сразу. Она строится в каком-то смысле методом проб и ошибок. Ребёнок дотронулся до кипящего чайника и на всю жизнь запомнил это. Уже появился стандарт или стереотип: не трогай чайник, не проверив. По мере взросления таких запретов становится всё больше. Кроме них формируются внутренние автоматические правила поведения. Утром необходимо почистить зубы, принять душ, причесаться, позавтракать, застелить постель и т.п. — всё это закрепляется не сразу, а годами. Появляются знания, правила поведения, мораль. Иными словами, постепенно человек становится буквально опутанным стереотипами. Однако (о, радость!) мозг так устроен, что мы соблюдаем эти правила автоматически, не задумываясь. Но при отклонении поведения от стандарта (забыли выключить свет) в мозге появляется сигнал, смутное беспокойство, вызывающее ощущение: что-то не так.

С.В. Медведев впервые описывает на страницах книги результаты исследований этого феномена и его влияния на жизнь и поведение человека. Речь, в частности, идёт о соотношении и взаимодействии детектора ошибок и творчества. Эта задача была поставлена академиком РАН Н.П. Бехтеревой в начале 2000-х годов, но она и сегодня представляет грандиозную и пока не решённую проблему. С одной стороны, любой организм стремится к гомеостазу — хочет жить спокойно, поэтому детектор ошибок будет противиться “отклонениям от курса”. С другой стороны, известны люди с “адреналиновым голодом”, которые не могут жить, не рискуя. “Красный барон”, как называют легендарного пилота “Формулы-1” Михаэля Шумахера, даже закончив гонки, продолжал вести рискованную жизнь. Творчество — всегда выход за рамки. Как же нам добиться этого? Только поборов детектор ошибок. Но ведь тогда он перестанет нас правильно защищать. Парадокс? Может быть, именно с этим связана частая неустроенность жизни творческих людей? Это интереснейшая проблема, которая представляет обширное поле для исследований.

Итак, открытие детектора ошибок стало чрезвычайно важным событием в науке о мозге, но, как показывает автор, одним из немногих. Исследователи XXI в. более или менее знают “физическую географию” мозга, но хуже понимают механизм его работы. Почему? Возможно, потому — и это отражено в названии книги, — что им приходится иметь дело с объектом не просто архисложным, а равным

по значимости человеческому мозгу — инструменту изучения: “Мозг против мозга”.

Практически в любой стереотипной деятельности легко заменить человека специализированным роботом. Но измените условия игры или вообще отмените большую часть правил. Даже не очень высокоорганизованное животное приспособится, а робот? Попробуйте уничтожить городских крыс, которые, несмотря на все наши усилия и ухищрения, выживают в новых условиях! Зайдите в магазин игрушек: любой ребёнок, не думая, просит дать ему “вон ту” собачку и “вон того” мишку, прекрасно ориентируясь в обстановке, классифицируя объекты и мгновенно вырабатывая к ним своё отношение.

Так вот, до сих пор мы не понимаем, чем обусловлены эти способности мозга. Почти невозможно представить, что всё наше “Я”, весь наш внутренний мир заключён в этом органе. И не только потому, что он относительно мал — всего 1–2 кг, но ещё и потому, что очень противоречиво устроен, даже с точки зрения современной науки. В книге “Мозг против мозга”, пожалуй, впервые в научно-популярной и научной литературе, анализируются эти противоречия. И делает это автор не с философских или психологических позиций, а, что очень важно, с позиций исследователя-практика. Будучи одновременно физиком и биологом, он способен оценить возможности и недостатки современных технологий и методик исследования мозга человека.

Суть общепринятого в нейронауках метода заключается в предположении, что сигнал разделяется на собственно полезный и шум. Это предположение пришло из радиотехники, где оно в большинстве случаев выполнялось, потому что действительно был сигнал слабенького передатчика и *не связанный с ним и не зависящий от него* атмосферный шум. В мозге же шум связан с полезным сигналом. Вместе они отражают мультипрограммную работу одного прибора, одной системы, поэтому изложенный подход принципиально неверен — все сигналы физиологически значимы. Именно поэтому, чтобы получить с его помощью достоверные результаты, требовалось не только нажать правильные кнопки статистического анализатора, но и обладать тонким, предельно чётким пониманием метода обработки и интерпретации результатов, а также умением организовать эксперимент. К сожалению, сегодня это, скорее, исключение, чем правило.

Основное противоречие между методами статистической обработки и реальной картиной заключается в том, что мозг делает работу с первого предъявления. Он не функционирует на основе статистического накопления результатов. В этой

ситуации почти все используемые математические методы — лишь методы отбора. Мы договорились обрабатывать результаты именно так, хотя в ряде случаев возможность применения методов недостаточно доказана. Это нужно не для расчёта значимости события, а для того, чтобы отобрать результаты исследований, проводимых в данной лаборатории и вообще во всех лабораториях, применяющих эти методы оценивания, одинаковым образом, то есть исключить субъективный фактор.

Но так обстоит дело, когда статистика и другие методы обработки применяются правильно. К сожалению, многие исследователи, особенно молодые, часто допускают серьёзные ошибки не только методического, но и методологического уровня и слишком привыкли полагаться на всемогущий ПК. Автор книги сформулировал основные ошибки молодых:

- неправильное использование формул во всех дополнительных исследованиях, когда не выполняются предположения, лежащие в их основе;
- неучёт автокорреляций и пространственных корреляций, вплоть до применения заведомо неверных для данного исследования методов, поэтому и в первом, и в проверочных исследованиях делается одна и та же ошибка, и *все* результаты оказываются неверными (наиболее часто это происходит из-за незнания свойств сигнала и шума);
- цепочка ошибок, в результате которой даже в анализе электрофизиологической информации часто встречаются грубые ошибки, а так как рецензенты тоже не всегда внимательны, то статьи с ошибками попадают в журналы; далее на них ссылаются, доказывая свою правоту, другие исследователи — получается снежный ком, причём многие дальнейшие статьи подтверждают эти неверные результаты, поскольку их авторы совершают те же ошибки.

Как утверждает С.В. Медведев, несмотря на расцвет исследований головного мозга человека и выших животных, множество ярких результатов, концепций работы отдельных его систем, учёные до сих пор далеки от создания стройной и непротиворечивой картины понимания, как мозг работает, как он осуществляет высшие человеческие функции, прежде всего — мышление и сознание. Эти функции изучают как бы с двух точек зрения: со стороны психологии — как идеальные и со стороны нейрофизиологии — как материальное их обеспечение. Несмотря на прогресс, достигнутый в этих двух науках, до их плавного сопряжения ещё далеко, как далеко и до полного понимания, как конкретно происходит мозговое, нейрофизиологическое обеспечение психического.

Сегодня относительно хорошо изучены механизмы функционирования нервной клетки и передачи информации от одного нейрона к другому. Однако непонятно, как при малой скорости проведения нервного импульса по аксону (нервному волокну) обеспечивается высокое быстродействие мозга. Также непонятно, как обеспечивается детерминированное выполнение нейронами мыслительных задач.

Особняком стоят, возможно, существующие парapsихологические явления (автор посвятил этому отдельную главу). С одной стороны, может быть, их и нет. По крайней мере, до сих пор не опубликовано ни одной работы, где существование таких явлений было бы строго доказано. С другой стороны, слишком много, по мнению С.В. Медведева, “косвенных уликов”. Их обилие, не позволяя принять окончательное решение о наличии парapsихологических феноменов, заставляет сомневаться. Однако эти явления, если и существуют, не находят места в естественно-научной картине мира.

С.В. Медведев подводит читателя к главному выводу, изложенному в заключительной главе “Мозг и фундаментальные законы природы”: “Обычно такое положение бывает либо перед окончательным поражением, либо перед принципиальным прорывом. Поражение получить нетрудно, а для прорыва, тем более принципиального, требуются нестандартные идеи и обычно, как в хорошо известных психологических тестах, — выход за рамки привычных представлений” (ч. 2, с. 123). Так всегда и происходило в научной революции. Например, потеря опоры для Земли при отказе от концепции трёх слоёв; превращение Земли из центра мира в сферах Птолемея в песчинку в просторах Галактики; появление квантовой механики. Однако мы не всегда осознаём, что возникновение революционных идей для объяснения нестыкующихся результатов приводит к потрясению основ и даже к изменению наших представлений о пространстве и времени, а также о методологии науки.

По мнению автора, ситуация в биологии и конкретно в науке о мозге в настоящее время приближается к границе, за которой следует выход за рамки сложившихся научных подходов. При этом довольно просто было бы вести поиск решения на пути заимствования аппарата квантовой механики или какого-либо другого. Однако С.В. Медведев считает такой путь неперспективным. Аппарат, подход были созданы умными людьми для максимально достоверного описания определённых процессов и явлений, и нет оснований думать, что он подойдёт к другому комплексу явлений. Это как если бы, увидев дверь с новым замком, пробовать, не подойдёт ли к нему один из висящих на колючке

ключей от дома. В принципе, может и подойти, но вероятность ничтожна.

Однако это не означает отрицания важности применения квантово-механических подходов и идей в нейрофизиологии мозга. Квантовая механика, в отличие от классической, — далеко не законченная теория, поэтому многие её результаты не до конца осознаются в смежных и далёких науках. В современной квантовой механике “разрешено” гораздо больше, чем мы можем предположить, исходя из её университетского курса. Суть в том, что даже установленными квантово-механическими принципами можно объяснить многое из пока непонятого в мозге, причём не в эксперименте, а на концептуальном уровне.

В настоящее время хорошо (хотя и не полностью) изучен, в том числе в трудах отечественных учёных, нейрон — “материальная точка” мозга. Мозг же представляет собой совокупность миллиардов или десятков миллиардов нейронов. Таким образом, мы имеем объект, поведение которого даже с позиций классической физики может коренным образом отличаться от поведения его составляющих. При этом необходимо учесть связи между нейронами, которые серьёзно взаимодействуют, каждый элемент находится в определённом состоянии, и поведение всего мозга существенно зависит от состояния каждой “материальной точки”. По мнению С.В. Медведева, такие модели недостаточно полно исследованы математически.

Иными словами, в случае с мозгом различие ещё больше, чем при переходе от описания двух точек к описанию кубического сантиметра газа. Напомним, что в физике этот переход привёл к совершенно новым постулатам, как и переход в микромир, завершившийся драматическими изменениями. Надо признать, с развитием науки нарушается всё больше законов сохранения и незыблемых истин. Уже не кажутся столь фундаментальными и нерушимыми законы сохранения чётности, комбинированной чётности, изотропности времени. Можно ожидать, что и изучение мозга как совокупности сложно взаимодействующих частиц принципиально изменит наше понимание природы, в том числе основных свойств пространства и времени.

Кроме того, не следует ждать, что разработанная для описания движения двух точек методология и математический аппарат будут адекватно применимы для описания результатов исследования мозга. Массовое использование в настоящее время статистических методов, вероятно, и вызвано таким несоответствием. Дело в том, что статистика — универсальный приём для анализа и объяснения предмета, о котором мало что известно. Вероятностный подход и вообще вероятность — показатель нашего незнания. Очевидно, что мозг в работе

не использует многократное повторение и накопление для выделения сигнала из шума, как мы используем в методе вызванных потенциалов. Он воспринимает стимул с первого раза. Применение громоздких статистических и математических моделей и описаний указывает, скорее всего, на неадекватный подход.

Эти качественные соображения приводят автора к выводам, важным для исследований в области физиологии мозга человека. Они означают, что в этой сфере могут и, похоже, должны нарушаться некоторые незыблемые законы, связанные с фундаментальными свойствами окружающего мира. “Вряд ли закон сохранения энергии, но кто знает?! Закон сохранения энергии — это закон однородности времени, и если в одном случае нарушается его изотропность, то почему не может быть нарушения однородности?” — пишет С.В. Медведев (ч. 2, с. 131).

Следует отметить, что такие нарушения будут проявляться только в процессе деятельности мозга. Конечно, здесь нужно сделать некоторые серьёзные оговорки. Хорошо известна фраза Нильса Бора о том, достаточно ли безумна теория, чтобы быть верной. Пока всё можно непротиворечиво объяснить на основе старых законов, они должны

применяться. Следует избегать немотивированного введения новых сущностей, помня о методологическом принципе “бритвы Оккама”. Прежде чем вводить новые постулаты, необходимо попытаться найти объяснения в рамках известных представлений.

В заключение автор формулирует утверждения для дискуссии:

- математический и методологический подходы к исследованию мозга, применяемые в настоящее время, не оптимальны;
- следует ожидать появления наблюдений, нарушающих какие-либо из “фундаментальных” законов;
- выход из сложившейся ситуации, скорее всего, будет лежать во введении новых постулатов и в создании адекватного аппарата;
- не следует считать нарушение закона природы основанием для прекращения дискуссии и априорного заключения о ненаучности работы, нужно уменьшать порог самоцензуры и иногда позволять себе предполагать “запретное” при неременном условии, что вся работа сделана на хорошем лабораторном уровне.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ
ОТДЕЛ

ПРЕЗИДИУМ РАН РЕШИЛ

(декабрь 2017 г. – январь 2018 г.)

• Считать государственное задание, утверждённое ФГБУ “Дальневосточное отделение РАН”, ФГБУ “Уральское отделение РАН” и ФГБУ “Сибирское отделение РАН” за 2017 г., выполненным полностью. Одобрить отчёты о выполнении госзадания.

• Считать утратившим силу постановление президиума РАН от 31 марта 2015 г. № 63 “О структуре и составе Научно-издательского совета РАН”. Утвердить состав Научно-издательского совета РАН: академик РАН **А.Р. Хохлов** – председатель; академик РАН **А.Г. Литвак** – заместитель председателя; кандидат химических наук **А.Я. Назаренко** – учёный секретарь; члены-корреспонденты РАН **А.В. Габов**, **А.А. Громыко**; академики РАН **А.Г. Забродский**, **А.А. Завалин**, **В.В. Козлов**; член-корреспондент РАН **Л.С. Коков**; академики РАН **А.М. Молдован**, **Д.С. Павлов**, **В.Н. Пармон**; доктор исторических наук **Р.Г. Пихоя** (Институт российской истории РАН, главный редактор журнала “Российская история” РАН); член-корреспондент РАН **Ан.А. Соловьёв**; академик РАН **А.Ю. Цивадзе**.

• Утвердить список организаций, подведомственных ФАНО России, находящихся под научно-методическим руководством РАН, в отношении которых согласован проект плана НИР (568 наименований).

• Установить количество вакансий на присвоение звания “профессор РАН” в 2018 г. в размере 10% от общего числа вакансий. Распределить 113 вакансий по отделениям РАН по областям и направлениям науки:

Отделение математических наук РАН – 11 вакансий;

Отделение физических наук РАН – 13 вакансий;

Отделение нанотехнологий и информационных технологий РАН – 4 вакансии;

Отделение энергетики, машиностроения, механики и процессов управления РАН – 8 вакансий;

Отделение химии и наук о материалах РАН – 9 вакансий;

Отделение биологических наук РАН – 8 вакансий;

Отделение наук о Земле РАН – 9 вакансий;

Отделение общественных наук РАН – 5 вакансий;

Отделение историко-филологических наук – 4 вакансии;

Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН – 4 вакансии;

Отделение физиологических наук РАН – 2 вакансии;

Отделение сельскохозяйственных наук РАН – 14 вакансий;

Отделение медицинских наук РАН – 22 вакансии.

• Освободить академика РАН **М.А. Пальцева** от обязанностей председателя Комиссии по золотым медалям и премиям имени выдающихся учёных, присуждаемым Российской академией наук. За активную и плодотворную работу на этом посту объявить Михаилу Александровичу Пальцеву благодарность.

• Утвердить академика РАН **В.В. Козлова** председателем Комиссии по золотым медалям и премиям имени выдающихся учёных, присуждаемым Российской академией наук.

О РОЛИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В РАЗВИТИИ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ И МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА РАН

Принятие Федерального закона от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ “О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации” повлекло за собой кардинальные изменения в деятельности Российской академии наук в области международного научно-технического сотрудничества как в организационном плане, так и в содержании этой работы. В течение последних четырёх лет академия осуществляла практическую деятельность в рамках подписанных ранее соглашений, провела ряд мероприятий по укреплению международных связей и повышению их эффективности. В связи с реорганизацией Российской академии наук и присоединением к ней Российской академии медицинских наук и Российской академии сельскохозяйственных наук расширились направления научного сотрудничества РАН с зарубежными странами.

Так, если в 2013 г. РАН заключила 116 соглашений, то в 2017 г. — 321 соглашение. За 2014–2017 гг. было подписано 23 коммюнике и меморандума, проведено 97 протокольных встреч руководства РАН с иностранными делегациями, руководителями зарубежных научных и правительственных организаций, международных научных организаций, а также с послами иностранных государств. Наиболее значимые среди них переговоры: с послами Франции, Индии, США, ФРГ, Польши, Сирии, Республики Корея; президентами академий наук Австрии, Венгрии, Таджикистана, Франции, США, Кубы; генеральным директором Международного института прикладного системного анализа; генеральным директором Пагуошского движения учёных.

В рамках выполнения работ, предусмотренных государственным заданием РАН на 2017 г. по осуществлению международной деятельности, для участия в переговорах о сотрудничестве, заседаниях, совещаниях, конференциях, форумах, симпозиумах руководство РАН и её работники осуществили 194 зарубежные командировки.

При участии РАН на территории России и за рубежом проведено 35 международных конгрессов, симпозиумов, “круглых столов” и семинаров, в том числе такие крупные международные мероприятия, как форум “Наука в космосе: вчера, сегодня, завтра”, 1-й Российско-французский форум “Общественное здоровье и инновации в здравоохранении”, Российско-японский семинар по ядерной дезактивации, “круглый стол” с Лондонским Королевским обществом “Палеонтоло-

гия: уроки эволюции”, конференция “Российско-американские отношения: 210 лет”, Всемирный день науки, посвящённый 350-летию Французской академии наук. Кроме того, академия взаимодействует с иностранными членами РАН, которыми являются 454 зарубежных учёных из 55 стран мира.

РАН состоит из 42 международных неправительственных научных организациях (далее — МНО). Практическую работу по взаимодействию с ними ведут национальные комитеты, образованные при отделениях РАН и при президиуме академии. Руководящие посты в МНО занимают 19 российских учёных, более 100 учёных являются членами рабочих групп и научных комиссий.

Российской академии наук в соответствии с Планом мероприятий по реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации на 2017–2019 гг., утверждённым распоряжением Правительства РФ от 24 июня 2017 г. № 1325-р, поручена координация деятельности по развитию механизмов научной дипломатии, расширению взаимодействия с международными системами научной экспертизы и прогнозирования, созданию условий для полноценного участия российских учёных в международных проектах.

Заслушав и обсудив доклады академиков РАН А.В. Адрианова, А.А. Дынкина, А.О. Чубарьяна, П.В. Логачёва и Л.М. Зелёного на тему “О роли Российской академии наук в реализации научной дипломатии и международного научно-технического сотрудничества”, президиум РАН ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Принять к сведению информацию и предложения, высказанные на заседании в ходе обсуждения докладов.

2. Отметить особую роль РАН в реализации государственных интересов методами научной дипломатии.

3. В соответствии с п. 39 Плана мероприятий по реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации на 2017–2019 гг. (подпункт “г” пункта 35 Стратегии):

3.1. Поручить Управлению внешних связей РАН:

3.1.1. совместно с Информационно-аналитическим центром “Наука” РАН до 31 января 2018 г. обобщить материалы по вопросам развития научной дипломатии, представленные в докладах, и предложения, высказанные в ходе их обсуждения, и подгото-

вить доклад в Правительство РФ о состоянии научной дипломатии в России и за рубежом, перспективных направлениях этой деятельности, формах и механизмах её развития;

3.1.2. в двухмесячный срок подготовить предложения о взаимодействии РАН с Министерством иностранных дел РФ по вопросу развития научной дипломатии с возможным учреждением при этом министерстве должности советника по научно-техническому развитию и представить их в установленном порядке руководству РАН;

3.1.3. совместно с представителями Министерства иностранных дел РФ провести совещание о роли РАН в осуществлении и развитии научной дипломатии в Российской Федерации;

3.1.4. совместно с отделениями РАН по областям и направлениям науки в двухмесячный срок подготовить предложения по активизации использования интеллектуальных ресурсов иностранных членов РАН в развитии научной дипломатии, предусмотрев проведение с их участием международных мероприятий для последующего рассмотрения в установленном порядке;

3.1.5. в двухмесячный срок подготовить предложения о создании постоянно действующей системы повышения квалификации и обмена опытом по организации международного сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций с использованием различных механизмов, применяемых в сфере научной дипломатии, и представить их в установленном порядке руководству РАН;

3.1.6. совместно с отделениями РАН по областям и направлениям науки и Финансово-экономическим управлением РАН:

рассмотреть вопрос участия РАН в рамках научных обменов в проектах “Мегасайнс”;

рассмотреть возможность финансирования научных обменов за счёт средств РАН, выделенных на выполнение государственного задания РАН;

в целях повышения эффективности членства РАН в МНО и выдвижения российских учёных на руководящие посты и в рабочие группы и научные комис-

сии МНО подготовить предложения об обновлении кадрового состава национальных комитетов, в том числе в плане пополнения их молодыми учёными, и предложения в государственное задание РАН и государственные задания региональных отделений РАН на 2019 г. и последующие годы по участию российских учёных в работе МНО и о соответствующем финансировании;

3.1.7. внести руководству РАН в установленном порядке предложения о создании при президиуме РАН рабочей группы для разработки концепции, методологии и практических рекомендаций по тематике “Научная дипломатия”, определения её перспективных направлений, форм и механизмов развития.

4. Предусмотреть в установленном порядке в государственном задании РАН на 2019 г. и последующие годы подготовку ежегодного доклада в Правительство РФ о состоянии научной дипломатии в России и за рубежом, перспективных направлениях, формах и механизмах её развития.

5. Предусмотреть в установленном порядке в государственном задании РАН и государственных заданиях региональных отделений РАН на 2019 г. и последующие годы создание и функционирование системы повышения квалификации и обмена опытом по организации международного сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций и соответствующее её финансирование.

6. Рекомендовать ФАНО России внести задачи по международному сотрудничеству в сфере науки в государственные задания научных организаций, находящихся в ведении ФАНО России и под научно-методическим руководством РАН, с выделением целевого финансирования для решения этих задач.

7. Контроль за выполнением настоящего постановления возложить на вице-президента РАН академика РАН Ю.Ю. Балегу.

*Президент РАН
академик РАН А.М. СЕРГЕЕВ*

*Главный учёный секретарь президиума РАН
академик РАН Н.К. ДОЛГУШКИН*

ОФИЦИАЛЬНЫЙ
ОТДЕЛ

ЮБИЛЕИ

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС АКАДЕМИКУ РАН Т. Я. ХАБРИЕВОЙ

Талия Ярулловна ХАБРИЕВА — крупный учёный-правовед, автор более 350 научных публикаций, в том числе 14 монографий. Ею обоснованы понятие, содержание и значение телеологического толкования в арсенале правоведения, его роль в правотворчестве и повышении эффективности правоприменительной практики.

Среди новаторских исследований учёного — конституционная герменевтика. Впервые детально с методологических позиций разработаны вопросы толкования Конституции. Разработанные принципы, способы, стадии и пределы толкования Конституции нашли отражение в деятельности Конституционного Суда РФ.

Т. Я. Хабриева принадлежит к числу учёных, которые создали и развили теорию современной Конституции. Она внесла самый заметный в юридической науке вклад в сравнительно-правовые исследования конституционных реформ. На базе конституционного опыта развития России, зарубежных стран и авторской типологии конституций сформулированы предложения по конституционному регулированию общественных отношений в условиях динамично развивающегося постиндустриального, специализированного и демократического общества.

Талия Ярулловна является автором концептуальных разработок по проблемам развития системы права. Она определила место и роль российского парламентского права, обосновала его характеристику как подотрасли конституционного права; впервые выявила компоненты российского миграционного права как межотраслевого правового комплекса, системные факторы его формирования и развития в качестве самостоятельного образования российского права, установила его структурную композицию; предложила классификацию миграционных правоотношений, отражающую мно-

гообразие миграционной сферы и сложный состав системы миграционного права.

Т. Я. Хабриева — ведущий специалист в вопросах правового регулирования межнациональных отношений, проблем этнокультурного самоопределения и самоорганизации. На основе методологии и компаративистского анализа она определила правовую природу национально-культурной автономии и иных форм этнического самовыражения.

Т. Я. Хабриева — директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, действительный член Международной академии сравнительного права, заместитель председателя Международного союза юристов, член Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия Совета Европы) от Российской Федерации. Она состоит во многих консультативных и совещательных органах — Комиссии по вопросам совершенствования государственного управления и правосудия при Президенте РФ, Совете по противодействию коррупции при Президенте РФ, Комиссии по вопросам совершенствования законодательства и правоприменительной практики Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ, Комиссии по государственным наградам при Президенте РФ, Экспертном совете при Управлении Президента РФ по обеспечению конституционных прав граждан, Комиссии по законопроектной деятельности при Правительстве РФ, Научном совете при Совете безопасности РФ и др.

Т. Я. Хабриева — заслуженный юрист РФ и Республики Татарстан, почётный работник юстиции. Она удостоена многих государственных и ведомственных наград, в том числе премии им. В. А. Туманова, учреждённой Конституционным Судом, Верховным Судом, Высшим Арбитражным Судом РФ и Ассоциацией юристов России, а также высшей премии Ассоциации юристов России; награждена орденами “За заслуги перед Отечеством” III и IV степени, Александра Невского, Почёта, Дружбы, золотой медалью им. М. М. Сперанского РАН.

АКАДЕМИКУ РАН Е.В. АРТЮШКОВУ — 80 ЛЕТ

Евгений Викторович АРТЮШКОВ — выдающийся учёный в области геофизики и геодинамики, автор более 300 научных публикаций, в том числе 5 монографий. Результаты его исследований оказали большое влияние на развитие этих наук в России и за рубежом. Учёному впервые удалось показать, что крупные не-

однородности рельефа поверхности Земли вместе с плотностными неоднородностями, расположенными в литосферном слое, создают в этом слое большие добавочные силы, которые служат одним из главных механизмов дрейфа материков и одной из основных причин сильных землетрясений. Впервые предложена модель вязкого растяжения земной коры как причины её погружения, что считается в настоящее время главным механизмом образования глубоких осадочных бассейнов на континентах. Открыто новое явление резкого размягчения литосферного слоя при инфильтрации в него поверхностно-активных флюидов из мантии. Это явление приводит в отдельные эпохи к большим деформациям литосферы, в обычных условиях обладающей высокой прочностью. В результате под действием дрейфа литосферных плит происходит сильное сжатие земной коры в складчатых поясах и её растяжение в рифтовых впадинах.

Е.В. Артюшков показал, что главным, ранее неизвестным признаком крупных нефтегазоносных бассейнов служат быстрые погружения коры, формировавшие в отдельные эпохи за время порядка 1 млн лет глубоководные впадины на месте мелководного шельфа. В качестве причины таких погружений назван переход габбро в нижней части земной коры в более плотные эклогиты. На данной основе предсказано существование запасов в миллиарды тонн условного топлива в Северо-Баренцевской и Северо-Чукотской впадинах на арктическом шельфе. Установлено, что частые изменения глубины моря с амплитудами до 100–200 м, происходившие в прошлом на континентальных платформах, были связаны не с флуктуациями уровня Мирового океана, как это обычно предполагается, а с кратковременными поднятиями и погружениями земной коры. Это существенно изменяет подход к поиску крупных запасов нефти и газа в многочисленных неструктурных ловушках, образовавшихся в осадочных бассейнах

в результате таких изменений глубины воды в древних морях.

Учёным показано, что поднятия земной коры, охватившие в последние несколько миллионов лет основную часть площади континентов, были обусловлены не сжатием литосферы, а инфильтрацией в этот слой большого объёма мантийных флюидов. Во многих областях инфильтрация флюидов привела к размягчению мантийной литосферы и её замещению менее плотной астеносферой, а также к метаморфизму с разуплотнением пород в земной коре, что сопровождалось крупными поднятиями земной коры на поверхности. Это самые мощные процессы в континентальной литосфере, имеющие прямое отношение к образованию месторождений полезных ископаемых и к сильным землетрясениям.

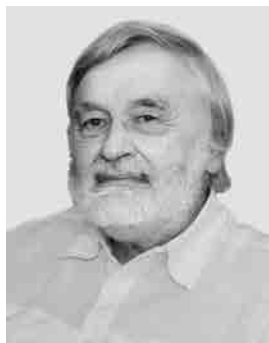
Полученные результаты позволили Евгению Викторовичу разработать новую концепцию континентальной тектоники. В ней сжатие коры в складчатых поясах и растяжение в рифтовых впадинах вблизи границ между литосферными плитами обусловлены дрейфом плит, а интенсивные поднятия и погружения земной коры во внутриплитных областях, покрывающих основную часть площади континентов, являются следствием глубинных процессов в коре и мантии, не связанных непосредственно с дрейфом. Эта концепция существенно изменяет современную парадигму в науках о твёрдой Земле и открывает возможности для ряда важных практических приложений в области сейсмического районирования, нефтегазовой геологии и рудообразования.

По предложению Е.В. Артюшкова с глубоководной научно-исследовательской подводной лодки было проведено изучение дна моря в Центральной Арктике. Установлено, что расположенный в данной области подводный хребет Ломоносова жёстко связан с шельфом моря Лаптевых. Результаты исследований позволяют значительно увеличить площадь расширенного континентального шельфа России в Арктике.

Е.В. Артюшков — главный научный сотрудник Института физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН; был членом бюро Международного геодинамического проекта, одним из главных организаторов и членом бюро международной программы “Литосфера”.

Е.В. Артюшков — лауреат Государственной премии РФ, премии им. О.Ю. Шмидта АН СССР.

АКАДЕМИКУ РАН А.О. ГЛИКО – 70 ЛЕТ

Александр Олегович ГЛИКО – крупный учёный-геофизик, специалист в области теоретической геофизики и геотермии, автор более 200 научных публикаций. Им получены важные результаты в исследовании теплового режима литосферы и процессов тепломассопереноса в недрах Земли. Впервые построена те-

ория эффективной добротности двухфазных сред. Выполнены расчёты добротности и коэффициента поглощения сейсмических волн при различной структуре частично расплавленной среды и различных концентрациях расплава.

Александр Олегович внёс значительный вклад в развитие асимптотических методов решения нелинейных задач геотермии. Построены модели тепловой эволюции континентальной литосферы. Разработан метод восстановления палеотермического режима литосферы на основе решения обратных задач тепломассопереноса и использования

данных по эволюции составов вулканических пород континентальных рифтовых зон. Впервые построены количественные модели взаимодействия высокотемпературной гидротермальной системы и порождающей её магматической камеры.

А.О. Глико работал директором Института физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН; в настоящее время он член президиума РАН, академик-секретарь Отделения наук о Земле РАН, заведующий отделением физических процессов в недрах Земли и геодинамики ИФЗ РАН, профессор физического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; инициатор создания Научно-образовательного центра НОЦ ИФЗ – МГУ; заместитель председателя Объединённого научного совета по геоинформатике, член Координационного совета РАН по прогнозированию, Комиссии РАН по уставу, Международной геотермальной ассоциации; активно сотрудничает с зарубежными специалистами из ФРГ, США, Франции, Индии, Канады; главный редактор журнала “Вестник Отделения наук о Земле РАН”, член редколлегии журналов “Физика Земли”, “Геотектоника” и “Episodes”. Среди его учеников 3 доктора и 4 кандидата наук.

НАГРАДЫ И ПРЕМИИ

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ИМЕНИ Е.М. ПРИМАКОВА 2017 ГОДА – А.А. ДЫНКИНУ

Президиум РАН присудил золотую медаль им. Е.М. Примакова 2017 г. академику Александру Александровичу Дынкину за серию работ по прогнозу мирового развития на период до 2035 г.

Удостоенная золотой медалью серия представляет собой синтез новых направлений исследований в таких областях, как политология

и философия, экономико-статистический анализ, социология и регионоведение. Этот подход обеспечивает новый уровень понимания глобальных тенденций (лидеры и аутсайдеры мирового развития, иерархия миропорядка, инновационная динамика, сдвиг в основных секторах хозяйства, роль экологического фактора).

С учётом факторов, определённых Национальным исследовательским институтом мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН совместно со специалистами группы стратегического прогнозирования Центра международной безопасности им. Брента Скоукрофта Атлантического совета, исследования современных тенденций мирового развития и его возможные сценарии на следующие 20 лет приобретают новое качество, поскольку отражают результаты не только междисциплинарных, но и межстрановых сопоставлений. Задача таких международных прогнозов состоит не столько в предсказании будущего, сколько в определении важнейших задач политического руководства каждой из стран в свете ожидающих мир вызовов и открывающихся возможностей.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ИМЕНИ Н.И. ВАВИЛОВА 2017 ГОДА – С.Г. ИНГЕ-ВЕЧТОМОВУ

Президиум РАН присудил золотую медаль им. Н.И. Вавилова 2017 г. академику РАН Сергею Георгиевичу Инге-Вечтомову за серию работ “Регуляция действия генов и мутационный процесс”.

Удостоенная золотой медали серия работ включает такие направления современной генетики, заложенные С.Г. Инге-Вечтомовым, как анализ фак-

торов, регулирующих трансляцию у эукариот, явление белковой наследственности у одноклеточных организмов, разработка матричного принципа реализации генетической информации, генетический контроль мутационных и предмутационных изменений.

Учёный сформулировал фундаментальный принцип “неоднозначности матричных процессов”. В рамках этих представлений все матричные процессы первого рода (репликация, транскрипция, трансляция) и

матричные процессы второго рода (прионные конформационные изменения) характеризуются склонностью к ошибкам и способностью к их коррекции. Баланс этих двух свойств, оптимизируемый в ходе эволюции, определяет уровень наследственной и ненаследственной изменчивости каждого вида организмов. Под руководством С.Г. Инге-Вечтомова разработана уникальная тест-система, получившая название “альфа-тест”, позволяющая выявлять спонтанные и индуцированные предмутационные изменения ДНК, которые впоследствии исправляются системой репарации. Эта приоритетная разработка имеет не только фундаментальное, но и прикладное значение. Она может быть использована для тестирования первичных повреждений генетического материала в результате воздействия химических соединений и факторов внешней среды.

С.Г. Инге-Вечтомов в течение многих лет возглавлял Вавиловское общество генетиков и селекционеров, а в настоящее время является его почётным президентом. По его учебнику “Генетика с основами селекции” обучаются генетики в России и в странах ближнего зарубежья.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ИМЕНИ Ф.Ф. ЭРИСМАНА 2017 ГОДА – Ю.А. РАХМАНИНУ

Президиум РАН присудил золотую медаль им. Ф.Ф. Эрисмана 2017 г. академику РАН Юрию Анатольевичу Рахманину за цикл работ по теме “Медицина окружающей среды”.

Удостоенный золотой медали цикл посвящён актуальным направлениям профилактической медицины – экологии человека

и гигиене окружающей среды, в том числе созданию научно-методологических основ оценки рисков и ущербов влияния факторов окружающей среды на здоровье населения, обоснованию методологии гигиенического нормирования и медико-биологических исследований загрязнителей среды обитания человека, нового научного направления гигиены искусственно получаемых питьевых вод.

Обосновывается новое научное направление профилактической медицины – медицина окружающей среды, направленное на нивелирование неблагоприятного воздействия негативных факторов окружающей среды на здоровье населения, а также проведение реабилитационных и оздоровительных мероприятий, использование гигиенически значимых связей “качество окружающей среды – состояние здоровья человека”, новых анамнестических сведений и крининговых медицинских исследований в практической здравоохранительной деятельности. Оригинальность научных разработок академика Ю.А. Рахманина закреплена российскими “ноу-хау” в виде восьми научных открытий и 54 патентов на изобретения.

Работы, выполненные Ю.А. Рахманиным, представляют собой значительный вклад в мировую науку и имеют высокое социально-экономическое значение для Российской Федерации и стран СНГ.

В КОНЦЕ
НОМЕРА

О СЕВЕРНОМ ШИРОТНОМ ПУТИ

© 2018 г. А.И. Воробьев^{1,*}, И.И. Гительзон^{2,**}, П.А. Воробьев^{3,***}

¹Национальный медицинский исследовательский центр гематологии Минздрава России, Москва, Россия

²Институт биофизики СО РАН, г. Красноярск, Россия

³Первый Московский государственный медицинский университет
им. И.М. Сеченова, Москва, Россия

*E-mail: mtkalexandra@gmail.com; **E-mail: gitelson@ibp.ru; ***E-mail: mtpndm@dol.ru

Поступила в редакцию 09.04.2017 г.

DOI: 10.7868/S086958731805016X

Географическое и геополитическое положение России уникально. Используя его, она может стать важнейшим транспортным узлом, связывающим железнодорожными, шоссейными, океанскими магистралями Запад и Восток, Запад и Юг, Северную Америку и Европу. Сроки продвижения товаров по этим магистралям могут снизиться в десятки раз, а материальные выгоды от их создания для России — огромны.

Г.В. ОСИПОВ.

Академия наук — три века служения Отечеству

Ещё недавно пустынные и бедные по виду области нашего Крайнего Севера были почти безлюдны, только кое-где туземец сопровождал стада оленей. Теперь же безлюдный Север бурно люднеет. В ряде мест первоначально возникают одна-две избушки, а через год-два виднеются улицы домов, заправских поселений с клубами, кино, радио и прочими культурными учреждениями.

А.И. МИНЕЕВ.

Пять лет на острове Врангеля

30 марта 2017 г. ОАО “РЖД” и ПАО “Газпром” заключили соглашение о совместной реализации инвестиционного проекта по строительству Северного широтного хода Обская—Салехард—Надым—Пангоды—Новый Уренгой—Коротчаево и железнодорожных подходов к нему. А предшествовало этому выступление Президента РФ на международном форуме “Арктика — территория диалога”, прошедшем в Архангельске 29–30 марта 2017 г., в год 85-летия открытия Северного морского пути. В.В. Пу-

тин, в частности, отметил: “Наша цель — обеспечить устойчивое развитие Арктики, а это создание современной инфраструктуры, освоение ресурсов, развитие промышленной базы, повышение качества жизни коренных народов Севера, сохранение их самобытной культуры, их традиций, бережное к этому отношение со стороны государства”.

На протяжении веков Север был важным вектором развития нашей страны. По северу тысячи лет назад состоялся переход азиатских народов в Северную Америку. По северу шло освоение Западной Сибири от Архангельска до Мангазеи и дальше на среднее и нижнее течение Енисея. В XX в. налажена транспортировка грузов по Северному морскому пути (впервые за одну навигацию он был пройден в 1932 г. экспедицией под руководством О.Ю. Шмидта). По этому пути и в наши дни следуют грузы из Европы в Азию и обратно.

ВОРОБЬЁВ Андрей Иванович — академик РАН, главный научный сотрудник НМИЦ гематологии Минздрава России. ГИТЕЛЬЗОН Иосиф Исаевич — академик РАН, советник РАН. ВОРОБЬЁВ Павел Андреевич — доктор медицинских наук, заведующий кафедрой гематологии и гериатрии Института профессионального образования Первый МГМУ им. И.М. Сеченова.

На рубеже XIX–XX вв. дороги по суше прокладывались южнее, Транссибирская железная дорога привела к хозяйственному и политическому упадку некогда важнейших городов — Тобольска и Енисейска, в некоторой степени — Томска, вызвав к жизни развитие Красноярска, Кемерово и Новосибирска. “Южный” вариант строительства Транссибирской магистрали во многом был связан с необходимостью обхода большей части зон вечной мерзлоты и горной местности, что привело к значительному увеличению длины железнодорожного пути (напомним, что от Иркутска дорога шла по берегу Байкала, где до сих пор функционирует кругобайкальская одноколейная часть трассы с многочисленными туннелями, правда, частично ушедшая под воду после строительства плотины на Ангаре). Но уже с середины XX в. началось активное строительство железных дорог в зонах вечной мерзлоты. Самая известная — БАМ. Однако и он не решает проблемы сокращения протяжённости транспортной артерии от Тихого океана до Атлантического. Вместе с тем потребность такая есть, так как объёмы железнодорожных перевозок ограничены сегодня пропускными способностями дорог (фактически БАМ и Транссиб встречаются в Тайшете, далее же расходятся на Красноярск и Абакан), а затраты относительно высоки из-за большой длины пути: от Владивостока до Санкт-Петербурга — около 10 тыс. км. Правда, имеются отдельные участки железной дороги, располагающиеся существенно севернее Транссиба и БАМа, но если соединить эти участки в единое целое, они создадут совершенно новый железнодорожный высокоширотный путь, который окажется едва ли не вдвое короче существующего. Кроме того, на тихоокеанском своём плече он может выйти фактически к берегам Японии, что позволит ускорить доставку грузов нашего восточного соседа в Европу. Такая линия могла бы соединить Токио через Сахалин, Татарский пролив, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск-на-Амуре, Тынду (последние два пункта — это существующий БАМ), Якутск (здесь планируется туннель под Леной), Новый Уренгой, Надым, Салехард, Лабытнанги с Москвой, Петербургом, Стокгольмом, Берлином, Парижем и Лондоном. Достижение железнодорожными составами скоростей до 350 км/ч делает наземный транспорт сопоставимым с воздушным по временным затратам, открывает новые возможности расширения пассажирских перевозок.

Объяснять, насколько велико значение сухопутного Северного пути, дублирующего морской (через Северный Ледовитый или Индийский океаны), нет необходимости. От новой магистрали желательно проложить меридиональные дороги с юга к берегу Северного Ледовитого океана, и тогда “зимники” отойдут в область истории. А на гигантских

пространствах прилегающей к Ледовитому океану тундры должны возникнуть своеобразные острова активного хозяйствования, использующие в полной мере солнечную энергию полярного лета, дешёвые углеводороды, огромные залежи полезных ископаемых.

Разработка концепции строительства и обеспечения высокоширотного хода требует решения сложнейших научно-технологических задач на этой части суши. Неслучайно арктические экспедиции всегда носили научный характер, а в начале 30-х годов прошлого века Главсевморпутём с самого его основания руководил член АН СССР О.Ю. Шмидт. Сухопутный проект, по нашему мнению, должна возглавлять группа крупных учёных — специалистов по отраслям. Попробуем обрисовать в общих чертах научную составляющую обсуждаемого проекта, как мы её представляем.

Трасса. Надо учитывать, что заселение Сибири и Дальнего Востока всегда шло и будет идти вдоль рек. Меридиональные трассы есть вдоль Енисея (от Абакана, Ачинска до Лесосибирска), вдоль Лены (от станции БАМ на транссибирской магистрали до Тынды и Якутска, где моста через Лену ещё нет), вдоль Амура от Волочаевки до Комсомольска-на-Амуре. Строится дорога в сторону Де-Кастри и Николаевска-на-Амуре с возможным переходом на остров Сахалин. Действуют также меридиональная трасса Тюмень—Новый Уренгой—Надым и трасса Москва—Лабытнанги—Ямал. Существует проект прокладки по параллели дороги от Усть-Илимска на Лене (от БАМа) через Лесосибирск до Ханты-Мансийска с пересечением трёх рек — Ангара, Енисея и Оби, далее — до Ивделя в Свердловской области. Этот проект носит относительно локальный характер и необходим, по мнению разработчиков, для перевозки полезных ископаемых, в частности угля, на уральские заводы. В последние годы активизировалось строительство автодорог. Наконец-то построена дорога от Читы до Хабаровска. Строится трасса на порт Ванино и Советскую Гавань. Частично построена дорога на Якутск и далее на Магадан. Проложены дороги от Екатеринбурга, Перми, Тюмени до Ханты-Мансийска, Нового Уренгоя, Надыма. Строится автодорога между Надымом и Салехардом.

Очевидно, что для подготовки глобального проекта необходима глубокая всесторонняя научная проработка маршрута, включая геологические изыскания. Применительно к пустынной Сибири все дорожные планы неизбежно будут наткаться на резко выраженное её безлюдье, особенно на севере, к востоку и западу от Енисея. Нужно учитывать и фактор вечной мерзлоты, которая значительно затрудняет строительство, особенно мостов. Но опыт их возведения в сложных геоло-

гических условиях уже есть. Примерами могут служить автомобильно-железнодорожный мост в Надыме, железнодорожный и автомобильный мосты в Комсомольске-на-Амуре, многочисленные мосты на БАМе. Не следует забывать об опыте прокладки 7-километрового туннеля под Амуром в 1937–1941 гг. и реконструкции комбинированного моста в Хабаровске. Кстати, переправы через Енисей и Обь, пока не обеспеченные мостами, можно на какое-то время снабдить скоростными, правда, более современными, чем действующие, паромы на маршруте порт Ванино–Холмск, соединив Сахалинскую железную дорогу с БАМом.

Как мы полагаем, стоит обратить внимание на возможность строительства в условиях Севера струнных дорог. Их принципиальная особенность — подъём трассы над грунтом с использованием разновеликих по высоте опор, что способствует сбережению почвы. Удешевляется строительство пути, растёт тяговое КПД. Если удастся создать для этих дорог подвижные составы из лёгких материалов, то можно будет обойтись без электрических двигателей, а использовать, например, авиационные. Средства передвижения по струнным дорогам — это нечто среднее между поездом, самолётом и автомобилем. Такого рода проект требует всесторонней проработки учёными разных специальностей, но в случае его реализации струнные дороги могут составить конкуренцию высокоскоростным железным дорогам.

Энергетика и переработка сырья. Для небольших и удалённых поселков приемлемы несетевые локальные энергетические установки с аккумуляцией электро- и теплоэнергии — ветровые, водяные и, возможно, водородные. Стоит присмотреться к опыту Норвегии, Швеции, где распространены не крупные по мощности установки, использующие энергию малых рек, приливно-отливную. Впрочем, не стоит забывать, что одна из самых северных в мире ГЭС построена и уже более 40 лет действует в России, причём в очень суровых климатических условиях. Сравнительно небольшая Усть-Хантайская ГЭС на р. Хантайка у Снежногорска питает электроэнергией не только Норильский горно-металлургический комбинат, но и расположенные на расстоянии нескольких сотен километров от неё малочисленные городки и посёлки вдоль Енисея, в том числе Игарку, Дудинку и др.

По оценке заместителя министра энергетики РФ А.Л. Текслера, в России в 2017 г. предполагалось получить 125 МВт электроэнергии из возобновляемых источников энергии, причём примерно $\frac{3}{4}$ должна была обеспечить солнечная энергетика. По его словам, Минэнерго России поставило задачу до конца 2024 г. получить до 6 ГВт в год дополнительной энергии, из них за счёт солнечной энерге-

тики — 1,5 ГВт, ветровой — 3,6 ГВт, остальной объём — за счёт малых ГЭС. Обсуждаются космические энергетические установки с передачей энергии на землю с использованием лазера. Долгий летний день — более 20 ч на протяжении нескольких месяцев, дополнительный “бонус” в виде прозрачности воздуха — всё это будет способствовать развитию солнечной энергетики на Севере.

Отдельная группа проблем связана с геологией, добычей углеводородов. Появление своего рода северного дубликата “шёлкового пути” изменит структуру хозяйства регионов — возникнет потребность и возможность организовать экономически целесообразную переработку углеводородов Западной Сибири, Ямала, Сахалина, Воркуты в районах их добычи.

Сельское, рыбное и лесное хозяйство Севера. Вопрос снабжения продовольствием малолюдных поселений близок к проблеме жизнеобеспечения в длительном космическом полёте. Большой опыт такого рода накоплен в Институте биофизики СО РАН, где начало экспериментов поддержал С.П. Королёв. С полностью автономного “космического поля” здесь получают урожай пшеницы и других сельскохозяйственных культур. Работы по созданию замкнутых экологических систем, выполненные под руководством академика И.И. Гительсона, важны и для Заполярья.

Использование дешёвых прозрачных полимерных материалов для сооружения теплиц должно значительно изменить положение в растениеводстве Севера с его вечной мерзлотой. При наличии системы грунтовой аккумуляции даже в таких условиях можно выращивать овощи и, возможно, фрукты. Потенциал биологии XXI в. позволяет регулировать рост растений в гораздо большей степени, чем это представлялось реальным в XX в. Что касается животноводства, то акцент следует сделать на разведении коз, лошадей (в Якутии лошади, давно приспособившиеся к суровым климатическим условиям, подобно оленям, добывают корм из-под снега). Разумеется, велика в этих краях и роль оленеводства.

На водных просторах Сибири, получившей транспортные связи, вполне реально создать новое рыбное хозяйство, которое с самого начала должно развиваться на основе научного знания. Запасы рыбы, с одной стороны, ограничены её воспроизводством из-за низких температур водной среды. С другой стороны, разведение рыбы кетовых пород требует именно холодной пресной проточной воды. Кетовые появились в Енисее, а значит, их разведение не надо начинать с нуля. С осетровыми дело обстоит хуже, но не намного. Осетровые обитают как в Амуре, кстати, вполне уживаясь с многочисленными кетовыми породами, так и в Оби.

Масштабы лесных площадей за Уралом позволяют создать на базе, допустим, Игарки, выпуск небольших лёгких сейсмостойких домов из негорючих древесных материалов. О желательности сотрудничества в развитии мощного домостроения в Сибири для нужд Юго-Восточной Азии говорил на совещании во Владивостоке в 2016 г. премьер-министр Японии С. Абэ.

Медицинская помощь. Переход медицины на электронный документооборот открыл возможность хранения электронной версии личной медицинской карты у самого пациента. Под руководством академика А.И. Воробьёва разработан национальный стандарт “Электронная версия истории болезни”. Создаётся оборудование для дистанционной медицинской помощи, контролируемого самолечения – проект MeDiCase, осуществляемый под руководством профессора П.А. Воробьёва. Всё это расширяет сферу новой – дистанционной – медицины первичного звена, не требующей непосредственного контакта заболевшего с медицинским работником. Аптечные роботизированные автоматы позволят снабдить жизненно необходимыми лекарствами жителей глубинки. Надо рассмотреть возможности новых летательных аппаратов – дронов, в частности, для доставки лекарств в случае их получения из автоматов.

Скорая помощь должна базироваться на модульных структурах с использованием различных видов транспорта – автомобильного, гусеничного, на воздушной подушке, а также скоростных плавсредств и авиации. Требуется разработки модульная транспортная кабина (она же – мобильная палата) скорой помощи. Речь идёт и о медицинском оборудовании, в том числе работающем дистанционно, и о возможности использования инверторов для подключения медицинских приборов к различным по напряжению сетям переменного и постоянного тока, автономных источников питания и водоснабжения. И, конечно, необходимо существенно менять лицо санитарной авиации, делая её ключевой в оказании медицинской помощи жителям отдалённых поселений, причём не только экстренной.

Коренные народы. Напомним, что расселение народов Севера издревле шло по течению Оби, Енисея и Лены. Корни тюркских народов переплелись на Севере с финно-угорскими, а позже – славянскими. Авторы не предлагают ассимилировать северные народы, проживающие в исконных условиях существования. Одновременно трудно представить полную их изолированность от плодов цивилизации. Ямал и Таймыр каменного века должны быть переустроены, конечно, без насилия над привычным бытом аборигенов. Цивилизация и традиционный образ жизни должны способствовать развитию новых форм сосуществования. Надо изучить

опыт Аляски, где, наверное, не всё устроено идеально, но функционирует, например, один из самых крупных приполярных университетов, часть прибыли от добычи нефти напрямую распределяется среди аборигенов. Наверняка полезным в этом отношении может быть и опыт Финляндии, Швеции, Норвегии.

Оборонный потенциал. Трудности с доставкой тяжёлых грузов ограничивают его развитие прибрежными поселениями, а короткий период судоходства изолирует гарнизоны от “большой земли”. Появление дороги расширяет плацдарм освоения этой территории с целью обеспечения максимальной защищённости северных рубежей страны.

Экономика проекта. На старте проект потребует, на первый взгляд, достаточно больших финансовых затрат. Однако, как говорилось, значительные объёмы работ по предполагаемой трассе либо уже выполнены, либо выполняются, остаётся соединить разрозненные участки в единое целое. Окупаемость проекта будет расти по мере появления транспортных артерий.

Какие зарубежные страны могут проявить интерес к этому проекту и принять участие в его реализации? В первую очередь Япония, страны Западной Европы, которые на огромной территории восточнее Урала способны использовать свои мощнейшие технологические достижения, а также страны Южной и Юго-Восточной Азии.

Модернизация сельского хозяйства, энергетики, связи, появление малолюдных производств, отсутствующих сегодня на Севере, позволят обеспечить как прирост рабочих мест, так и увеличение доли среднего класса, занятого в настоящее время исключительно в секторе торговли и бытового обслуживания. Может оказаться выгодной вторичная переработка отходов (на этих территориях скопилось бесчисленное количество бочек и труб) и переработка пластика, покрывающего пространства тундры вокруг поселений.

Первый – проектный – этап работы, как мы полагаем, надо оплачивать из текущих бюджетов институтов РАН. Очень важно именно на этом этапе избежать вмешательства интересов чисто коммерческих, исключить кампанейщину, рекламу. А вот при реализации подготовленных планов потребуетсся иная организационная форма. На наш взгляд, возможно создание акционерного общества или фонда – им границы не помеха. Президиум РАН может выступить в качестве наблюдательного совета. К разработке отдельных фрагментов проекта было бы разумно привлечь одарённых студентов – будущих физиков, математиков, химиков, биологов, медиков. Готовые к реализации сегменты общего плана можно сразу “запускать” в производство. Представляется, что многие работы бу-

дуг иметь быструю отдачу вне связи с выполнением проекта в целом. Проект такого масштаба может стать полигоном, где формируются условия перехода от современного уродливого капитализма к новой социально ориентированной экономико-политической модели.

В заключение ещё одна цитата из вышедшей в 1936 г. книги А.И. Минеева: “Гигантские лесные угодья, громадные выпасы для оленя, обилие ценнейшего зверья от белки до драгоценной чернуброй лисицы, неисчерпаемые рыбные богатства. Всё это требует рук людей, которые бы разработали, добыли, взяли. Много, очень много нужно будет людей самых различных специальностей, чтобы добыть нефть Хатанги, угли Норильска и Сангара, флюориты Амдермы, графиты Курейки, соль Нордвика и Вилюя, олово, вольфрам и молибден Чукотки. Трудно перечислить все места, богатые различными ископаемыми. В устьях рек и на

островах создаются порты и судоремонтные базы и даже громадные заводы, как Мурманский судоремонтный, лесопильные и консервные заводы. Растут такие центры, как Игарка, Тикси, Диксон, Амдерм и Нордвик, превращаясь из зимовок в крупные поселения промышленного городского типа”. Далеко не всё из перечисленного автором давней книги осуществлено. Но присущее людям той эпохи желание заглянуть вперёд, увидеть перспективы развития не должно покидать и нас. Стране по силам решить непростую задачу, о которой шла речь.

В качестве постскриптума. Один из авторов этих заметок, И.И. Гительзон, знакомясь с поднимаемой проблемой, прошёл на лодке Ангара до её устья. Другой, П.А. Воробьёв, за рулём машины проехал трассы: Москва—Хабаровск—Южно-Сахалинск; Москва—Иркутск—дорога, параллельная БАМу, до Тынды и далее через Якутск до Магадана; Москва—Ямал—Надым.